

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ с академиком И.Т. Фроловым

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАНОН-ПЛЮС

2020

УДК 172
ББК 87.6
Ф56

Ответственный редактор
кандидат философских наук Г.Л. Белкина
Редактор-составитель М.И. Фролова

Ф56 Философские беседы с академиком И.Т. Фроловым /
под. ред. Г.Л. Белкиной, ред.-сост. М.И. Фролова. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. – 352 с., фото, ил.

ISBN 978-5-88373-638-3

В 1986–1989 гг. на Центральном телевидении существовал уникальный проект ежемесячных передач цикла «Философские беседы». Их организатором и ведущим был выдающийся русский философ академик Иван Тимофеевич Фролов (1929–1999). В телевизионных беседах принимали участие известные российские и зарубежные философы, а также ученые, писатели, художники, священнослужители. В центре внимания были вопросы смысла жизни человека, отношений человека и природы, глобальные проблемы цивилизации. Телепроект стал событием интеллектуальной жизни страны, вызвал широкий резонанс в обществе и впервые ввел философию в публичное пространство.

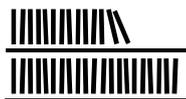
В книге собраны сохранившиеся стенограммы «Философских бесед», а также документальные материалы, отклики и рецензии.

Для всех интересующихся философскими вопросами развития науки и культуры.

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещено.

ISBN 978-5-88373-638-3

**НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС**

© М.И. Фролова, сост., 2020

© Издательство «Канон+»
РООИ «Реабилитация»,
оригинал-макет, 2020

Содержание

Предисловие	6
Перестройка, новое мышление и философия	21
Мировоззрение	87
Жизнь и познание	121
Бытие и природа	143
Экология и новое мышление	163
Наука – человек – гуманизм	177
Возможна ли единая наука о человеке?	189
Человек, личность.....	207
О смысле жизни, о смерти и бессмертии.....	239
Институт человека в музее А.М. Горького	265
«Я» в современном мире	281
Конференция памяти академика А.А. Баева в Черноголовке	293
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Рецензии и отклики на передачи «Философские беседы».....	319
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Сценарии, темы и проекты будущих передач «Философские беседы».....	337

Предисловие

Всякий человек в течение жизни задается вопросами о том, как связана его жизнь с развитием окружающего его мира, каково его место в мире, в чем смысл жизни и смысл или бессмысленность смерти. Каждый наш поступок – всегда экзистенциальный выбор и самоопределение, корректировка собственной идентичности. Среди сфер культуры только философия специально осмысливает вопросы смысла человеческой жизни. Ни религия, ни искусство, ни наука не выходят к ним напрямую. Но нет, наверное, парадокса больше, чем связь философии с повседневной жизнью людей. Многие люди даже не подозревают о существовании философии, хотя не проходит дня, чтобы они не задались философскими, по существу, вопросами. Мы постоянно употребляем в своей речи философские категории: пространство и время, случайность и необходимость, форма и содержание и проч. Но при этом многие считают философию чем-то далёким от жизни, бесполезной для практики. Повернуть философию к жизни и одновременно открыть её для обыкновенного человека, задумывающегося над своей судьбой и судьбой человечества, – задача непростая, но благородная.

Нет другого примера более эффективного и успешного решения этой задачи, чем цикл телевизионных передач «Философские беседы». Этот замечательный, уникальный в своём роде цикл задумал и вёл на Центральном телевидении во второй половине 1980-х гг. академик Иван Тимофеевич Фролов (1929–1999). «Философские беседы» многим запомнились, а некоторым помогли в профессиональном философском самоопределении.

И.Т. Фролов шел к этому проекту многие годы. Он давно осознал мощь информационного воздействия телевидения и считал необходимым использовать её в просве-

тительских целях. Первый план телевизионной передачи был написан им в 1971 г. Передача на тему «Научно-техническая революция и проблема человека» должна была быть построена в виде беседы в редакции журнала «Вопросы философии». Но в то время замысел реализовать не удалось.

В первой половине 1980-х гг. И.Т. Фролов активно сотрудничал с создателями телепередачи «Очевидное – невероятное» Сергеем Капицей и Львом Николаевым. Большой интерес С.П. Капицы вызвала статья И.Т. Фролова «Наука гуманности и гуманизм науки» во втором номере журнала «Знание – сила» за 1982 г. 22 марта 1982 г. он писал И.Т. Фролову: «Я много думал об этой проблематике, потому что в наших программах мы по существу стремимся реализовывать эти же принципы, осуществлять ту направленность, о которой Вы говорите. В отношении экранизации глобальных проблем мы делаем нужные усилия и скоро будем начинать действовать». Был подготовлен совместный проект цикла телепередач о глобальных проблемах под условным названием «Горизонты будущего». Проект не был реализован. Однако по инициативе И.Т. Фролова по телевидению были показаны несколько передач о глобальных проблемах. 6 марта 1986 г. в Центральной лектории Всесоюзного общества «Знание» состоялась запись для ЦТ «круглого стола», посвящённого теме «Глобальные проблемы цивилизации». Вёл заседание И.Т. Фролов, в дискуссии участвовали Н.Г. Басов, В.В. Загладин, В.В. Сычѐв, Г.Х. Шахназаров. В январе 1987 г. по инициативе И.Т. Фролова для телевидения была снята передача о заседании «круглого стола» Московского международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», на который собрались видные учёные-экологи, участники движения «Экофорум за мир».

26 февраля 1986 г. И.Т. Фролов обратился к председателю Гостелерадио СССР А.Н. Аксѐнову с просьбой направить

редактора-консультанта программы «Очевидное – невероятное» в Женеву в связи с конференцией «Наука на службе жизни» (11–18 октября 1986 г.). В результате Л.Н. Николаев был командирован в Швейцарию для освещения работы международной конференции, организованной Международным институтом жизни.

В 1985 г. И.Т. Фролов стал научным консультантом фильма Виктора Викторова и Льва Николаева «Звёздные часы: Рассказ из истории науки. Фильм второй: Реалисты» («Центрнаучфильм»). Вызывает большой научный интерес отзыв И.Т. Фролова на литературный сценарий этого фильма: «Представляется удачным сам „заход“ фильма – через обращение к идее А.М. Горького об Институте человека. Удачен и выбор героев – учёных, в той или иной форме обращавшихся к научному исследованию проблем человека, науки для человека и глобальных проблем человечества. Особенно ярко показаны в сценарии В.В. Парин, А.Н. Белозёрский, П.К. Анохин, Е.К. Фёдоров». И.Т. Фролов заметил далее, что идея Института человека имеет самостоятельное значение, а не только прикладное, как об этом сказано в сценарии. Поэтому сценарий следует дополнить тем, что относится к попыткам изучения целостного человека. Авторы фильма учли замечания И.Т. Фролова. 9 апреля 1985 г. И.Т. Фролов написал в «Центрнаучфильм», что внимательно изучил второй вариант литературного сценария фильма, все его замечания и пожелания, возникшие по первому варианту, полностью сняты и он высоко оценивает этот сценарий.

В цитированном выше отзыве на литературный сценарий фильма «Реалисты» И.Т. Фролов ставил вопрос: «Может быть, имеет смысл сделать отдельно фильм по проблемам человека и разработать в нём более выпукло, с привлечением средств литературы и искусства, идею Института человека?» Совместно с С.П. Капицей и Л.Н. Николаевым

И.Т. Фролов разрабатывал проект телевизионного «Института человека». Замысел предполагал показать человека через его органы чувств, речь, феномены психики, раскрыть небывалые возможности человеческого тела, души и духа. Принцип построения передач: от простого (фактов, явлений, экспериментов) к сложному (осмыслению на уровне нейрофизиологии, психологии высшей нервной деятельности и обобщению на уровне философии).

Первая передача цикла «Институт человека» была показана в 1986 г. в рамках телепроекта «Очевидное – невероятное». Она снималась в 1986 г. здании музея А.М. Горького в Москве. Это бывший особняк Рябушинского, где жил А.М. Горький в 1931–1936 гг. В разговоре участвовали И.Т. Фролов, С.П. Капица, академики О.Г. Газенко и П.В. Симонов, поэтесса Белла Ахмадулина, режиссёр А.А. Салтыков.

Вторая передача цикла «Институт человека» (1986) была посвящена проблемам смерти и бессмертия человека. Беседа состоялась в здании Президиума АН СССР. Вёл разговор И.Т. Фролов, участвовали академик АМН СССР В.А. Неговский, писатель Е.И. Парнов, митрополит Киевский и Галицкий Филарет. Передача вызвала большой интерес. В интервью для выпуска «Новостей» И.Т. Фролов рассказал о задачах передачи и цикла в целом. «Весь смысл передачи и цикла, – сказал он, – заключается в том, чтобы стимулировать комплексное изучение, комплексный подход к человеку, целостное восприятие человека». И.Т. Фролов напомнил, что, согласно замыслу А.М. Горького, в работе Института человека должны принимать участие учёные, медики, писатели, художники, чтобы совместно изучать различные стороны человека: биологические, социальные, нравственные, мир культуры.

2 января 1987 г. Л.Н. Николаев сообщил И.Т. Фролову, что проведены съёмки передачи «Мужчина и женщина» для

третьего выпуска «Института человека». В передаче обсуждались демографические проблемы. В ней принимал участие известный демограф А.Г. Вишневский.

Но главным телепроектом, организованным И.Т. Фроловым, стали «Философские беседы». Интерьер для передачи был найден в здании Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). Председатель правления ССОД В.В. Терешкова безвозмездно предоставляла помещение для съёмок.

Сохранились рабочие записки И.Т. Фролова, в которых он формулирует темы предстоящих бесед, намечает состав участников разговора. Часть из них публикуется в этой книге в разделе Приложения. К каждой передаче готовились вопросы для дискуссии. Вот, например, такой перечень к телепередаче «Кто мыслит диалектически?»:

1. В чём сущность и природа диалектического метода?
2. Как работает диалектика в науках о природе и науках об обществе?
3. Диалектическое мышление как метод революционного действия.
4. Застойные периоды социального развития и метафизическое мышление как их выражение.
5. Способен ли бюрократ мыслить диалектически?
6. Историзм диалектического мышления. Как меняется само диалектическое мышление?
7. Диалектический метод – основание нового мышления.
8. Являются ли принципы абсолютно неизменными?
9. Единство и многообразие. Социалистический плюрализм мнений.

«Философские беседы» выходили на экран каждый месяц. Начинался неторопливый серьёзный разговор. Беседа перемежалась литературными, музыкальными и живописными цитатами. У передачи сложилась своя аудитория, которая

регулярно её смотрела. Казалось бы, абстрактный разговор становился созвучным насущным думам людей. В то же время передачи выполняли воспитательную роль, способствовали повышению уровня культуры массового зрителя.

По сохранившимся документам удалось восстановить «календарь» и тематику «Философских бесед».

1986 г.: «XXVII съезд КПСС и актуальные проблемы философии» (22 декабря).

1987 г.: «Стратегия ускорения: философские аспекты» (9 января), «Человеческий фактор: пути активизации» (14 мая), «Философия и жизнь» (28 мая), «Трудовой коллектив: резервы активности» (17 июня), «Июньский Пленум ЦК КПСС: теория и практика» (8 июля), «Концепция взаимозависимости и целостности современного мира» (август), «Наука – человек – гуманизм: VIII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки в Москве» (сентябрь), «Великий Октябрь и современность» (25 декабря).

1988 г.: «Перестройка, новое мышления и философия» (23 января), «Мировоззрение и личность» (20 февраля), «Человек – мера всех наук» (19 марта), «Возможна ли единая наука о человеке?» (2 апреля), «Бытие и природа» (23 апреля), «Развитие общества и смысл истории» (21 мая), «Кто мыслит диалектически?» (19 июня), «К обществу реального гуманизма» (17 июля), «Мир сознания» (14 августа), «Философы мира о мире и человеке: XVIII Всемирный философский конгресс в Брайтоне» (18 сентября), «Человек, наука, общество» (29 октября), «Экология и новое мышление» (ноябрь), «Ответы на письма телезрителей» (декабрь).

1989 г.: «Истоки и традиции философии» (январь), «Культура и цивилизация» (февраль), «Личность и общество» (март), «К. Маркс и В.И. Ленин как философы» (апрель), «О смысле жизни, о смерти и бессмертии» (май), «Жизнь и познание» (июнь), «Немарксистская философия вчера и

сегодня» (июль), «Философия глобальных проблем» (август), «Традиции и особенности русской философии» (сентябрь), «Нравственная философия марксизма» (октябрь), «Что есть истина?» (ноябрь), «Ответы на письма телезрителей» (декабрь).

Как видно из перечня тем, налицо определённая философская стратегия – стратегия обновления проблематики и языка нашей философии. «Философские беседы» сыграли свою роль в том, что сам облик нашей философии стал иным, более динамичным, связанным с жизнью страны и каждого человека. Телевидение позволило осуществлять живую связь философии и общественной жизни. И.Т. Фролов следил за тем, чтобы «Философские беседы» и другие телепередачи отражали важнейшие события философской жизни.

В 1987 г. по Центральному телевидению был продемонстрирован фильм о прошедшем в августе того же года в Москве Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки. Была показана работа Конгресса в здании МГУ, вступительное слово И.Т. Фролова при открытии Конгресса. Центральное телевидение снимало заседания «круглых столов» «Проблемы комплексного изучения человека» и «Методологические аспекты глобальных проблем», состоявшихся в рамках работы Конгресса.

В том же году Центральное телевидение показало документальный фильм «„Я“ в современном мире» о VII Всесоюзных чтениях молодых философов. Фильм включал кадры выступления И.Т. Фролова на Чтениях и его бесед с молодыми философами. Молодым коллегам И.Т. Фролов говорил, что настало время, когда философское знание стало востребовано обществом.

По телевидению был показан «круглый стол», где обсуждались перспективы создания Института человека. Этот «круглый стол» И.Т. Фролов провёл в рамках состояв-

шейся в феврале 1988 г. Всесоюзной конференции по комплексному изучению человека.

Подобным событиям посвящались отдельные документальные фильмы, и вместе с тем соответствующие сюжеты включались в новые выпуски «Философских бесед».

В центре внимания участников «Философских бесед» находились узловые проблемы современного человековедения. «Философские беседы» стали фактически прообразом будущего Института человека. Они сыграли огромную образовательную, воспитательную роль, приобщая к современному уровню философствования многомиллионную аудиторию телезрителей, молодёжь – школьников и студентов. Средства телевидения позволяли добиться синтетического эффекта, применить средства изобразительного и музыкального искусства. Облагораживающее воздействие оказывала даже телевизионная заставка «Философских бесед». В ней на фоне «кантовского» звёздного неба под величественную музыку Баха возникала «галерея философов» – портреты Сократа, Платона, Аристотеля, Декарта, Гельвеция, Руссо, Канта, Гегеля, Фейербаха, Маркса, Ленина. Символом телевизионного цикла стал портрет «Диогена с фонарём» кисти Х. Риберы. Диоген пристально смотрит в глаза зрителю и как бы вопрошает: «А человек ли ты сам?»

Круг участников «Философских бесед» сложился естественно. Как раз в это время И.Т. Фролов возглавил работу по подготовке новаторского учебника «Введение в философию». Авторы учебника и стали первыми участниками бесед, а темы передач часто перекликались с названиями глав будущего учебника. «Философские беседы» стали выражением важной идеи, которую И.Т. Фролов сформулировал ещё в первой половине 1970-х гг.: о новой роли философии в культуре в условиях научно-технической революции. Философия ставит принципиальные соци-

ально-этические проблемы на стыках науки, искусства, религии. Поэтому состав участников передач самый широкий. Здесь были философы Э.А. Араб-Оглы, Л.П. Буева, П.П. Гайденко, В.Ж. Келле, В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили, Н.В. Мотрошилова, Т.И. Ойзерман, В.Л. Рабинович, Э.Ю. Соловьёв, В.С. Стёпин, Б.Г. Юдин. И.Т. Фролов приглашал известных писателей – С.П. Залыгина, В.П. Дудинцева. Обсуждение проблем и перспектив человека нельзя было вести без участия выдающихся ученых. Среди них: А.А. Баев, Н.Н. Моисеев, Р.В. Петров, В.А. Неговский, Б.В. Раушенбах, А.С. Спирин, А.В. Яблоков, А.Л. Яншин. В одной из передач участвовал художник Ю.В. Васильев, который демонстрировал свои полотна, выражавшие философские размышления языком искусства. Широкой аудитории было представлено созвездие имён деятелей нашей науки и культуры.

И.Т. Фролов впервые в нашей стране пригласил священника на телеэкран. В «Философских беседах» участвовал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. И.Т. Фролов считал, что обсуждение вопросов о смысле жизни в стране, где много верующих, нельзя проводить без участия богослова.

«Философские беседы» нужно воспринимать в контексте всей деятельности И.Т. Фролова по обновлению нашей философии. Телепередачи, учебник, новый «Философский словарь»... Пути воздействия разные, но задача общая: сделать нашу философию современной, способной отвечать на вызовы новой исторической эпохи, эпохи глобализации и «века человека».

«Философские беседы» стали событием культурной жизни. В многочисленных рецензиях отмечалось своеобразие замысла телепередачи и эффективность подачи сложных мировоззренческих проблем в доступной форме. «Философские беседы» наглядно продемонстрировали со-

кратическую природу философии, когда равно уважается всякое мнение и от взаимного признания собственного невежества приходят к общей истине. Это то, что десятилетиями подавлялось и игнорировалось, когда философия подменялась идеологией. По мнению «Литературной газеты», в этой передаче в ходе обмена мнениями сохраняется индивидуальный стиль каждого участника (Литературная газета. 1989. 8 марта). «Советская культура» добавляла: «Ведущий не только высказывается, он умеет и слушать. Приглашённые на передачу вызывают у него острый интерес. Иногда удивление, нередко – несогласие...» (Советская культура. 1989. 5 авг.). Автор ещё одной статьи, опубликованной в «Советской культуре», написал: «...эти передачи диалогичны. И дело тут не в форме, а в сути. Участники и постоянный ведущий „Философских бесед“ академик И. Фролов не ищут разногласий и спора ради спора – как бы ни различались взгляды собеседников, они с разных позиций ведут совместный поиск истины. Именно в этом коллективном поиске суть диалога в его сократовском понимании» (Советская культура. 1989. 11 марта).

Излагать философские вопросы доступным языком не просто. И «Философские беседы» наглядно демонстрировали, что успешнее сделать это можно не в монологе, а в диалоге и полилоге. Участники передачи, разбирая серьёзные философские проблемы, не впадали в упрощенчество. Напротив, зритель как бы сам оказывался участником разговора и приподнимался до уровня высококлассных профессионалов, собравшихся в гостиную «Философских бесед». Участие в диалоге всегда требует определить свою собственную мировоззренческую позицию, а потому не оставляет равнодушным. Очень точно обрисовала эту ситуацию газета «Правда»: «Общество не останется равнодушным. Оно нуждается в открытой философии и само должно быть готово к встрече с ней. Это „высокое сопри-

косновение“ не может возникнуть сразу, нужны взаимные усилия. Лучшие передачи цикла убеждают: чтобы подняться на современный уровень философской культуры, зрителю и слушателю необходимы определённая эрудиция, усилия духа. Беседы на телеэкране помогают решению этих задач: несут высокий просветительский заряд, знакомят широкую аудиторию с новой философией» (Правда. 1989. 13 февр.).

На телевидение после каждой передачи приходили сотни писем-откликов. Н.В. Иванова из г. Ирпень Киевской области писала И.Т. Фролову в апреле 1990 г.: «Как только стали выходить по телевидению передачи „Философские беседы“, я старалась не пропустить ни одной. По-моему, они были интересны и понятны, и полезны всем – от образованных и ниже. Я отношу себя к „ниже“. Но ведь недаром всё гениальное – просто. В этой передаче Вы были для меня – наверное, и для других – Главным».

«Философские беседы» привлекли внимание не только телезрителей нашей страны. Приходили заинтересованные отклики на них из Болгарии, ГДР, других европейских стран. В начале 1989 г. телевидение ФРГ, где в эфир также ежемесячно выходила аналогичная передача «Философия сегодня» и где ознакомились с видеозаписями ряда «Философских бесед», выступило с инициативой подготовить для западногерманских и западноберлинских телезрителей специальную передачу, посвящённую проблемам перестройки в советской философии. Такая передача была снята и показана в СССР в цикле «Философские беседы» и в ФРГ в цикле «Философия сегодня». Она включала в себя кадры интервью, которое И.Т. Фролов дал редактору программы «Философия сегодня» У. Бёму в январе 1989 г. во время пребывания в Бонне, и запись телевизионной дискуссии, состоявшейся 3 февраля 1989 г. в Кёльне, в которой наряду с западногерманскими и западноберлинскими учё-

ными по приглашению телевидения ФРГ приняли участие Н.В. Мотрошилова и Э.Ю. Соловьёв.

В «Философских беседах» участвовали приезжавшие в Москву зарубежные учёные М. Маруа (Франция), И. Пригожин (Бельгия), В. Нейков (Болгария), Я. Мачишевский (Польша), К. Клотцбах (ФРГ), К. Кеммо (Финляндия) и др. В фильме о Брайтонском философском конгрессе советские зрители могли увидеть и послушать П. Рикёра (Франция), Ю. Хабермаса (ФРГ), К. Поппера (Великобритания), Дж. Соммервилла (США), К.С. Мурти (Индия), Я. Хинтикку (Финляндия), президента Международного союза по истории и философии науки Дж. Коэна (Великобритания), председателя национального оргкомитета Конгресса графа Халсбери (Великобритания).

В ходе работы над «Философскими беседами» возникла идея нового телевизионного проекта. Главная редакция научно-популярных и образовательных программ Центрального телевидения получала много писем от телезрителей с просьбой уделить больше внимания рассказу о видных мыслителях прошлого и настоящего. Совместно с телевизионным объединением «Экран» была подготовлена заявка на цикл фильмов о выдающихся философах, который стал бы своеобразным приложением к «Философским беседам». В заявке указывалось, что важно не просто знакомить телезрителей с философскими идеями, но показать во всей полноте и драматизме личность и жизнь тех, кто эти идеи выдвигал. В числе первых были запланированы телевизионные портреты Платона, Дж. Бруно, И. Канта, П.Я. Чаадаева, сравнительный портрет П. Рикёра и Ю. Хабермаса. Предполагалось, что отдельные эпизоды могут быть разыграны актёрами (например, сцены следствия и суда над Дж. Бруно). Цикл был рассчитан на ежеквартальный выход в эфир, хронометраж каждого фильма – 45 минут. Вести цикл

должен был И.Т. Фролов. К сожалению, этот замечательный проект не был осуществлён. После смены власти в стране записи «Философских бесед» были «смыты»... Ещё до этого, 23 января 1989 г., И.Т. Фролов обращался к главному редактору Главной редакции научно-популярных и образовательных программ ЦТ Ж.П. Фоминой с просьбой переписать с рулонов редакции на видеокассеты цикл передач «Философские беседы». Он планировал создать видеотеку Философского общества СССР в Доме философа, который тогда же начал организовывать. Но последующие события начала 1990-х гг. погубили и проект Дома философа, и замысел видеотеки Философского общества. Не сможем мы теперь увидеть и большинство «Философских бесед».

После смерти философа в 1999 г. в соответствии с решением Президиума РАН была создана Группа по изучению творческого наследия И.Т. Фролова, которая работает в Институте философии РАН. Среди других задач Группы было и воссоздание содержания «Философских бесед». В семейных архивах И.Т. Фролова и его коллег, участников «Философских бесед», были найдены видеокассеты с записью трёх передач цикла: «Бытие и природа», «О смысле жизни, о смерти и бессмертии», «Жизнь и познание». Записи были выложены на Интернет-сайте, посвященном И.Т. Фролову. Затем в архиве И.Т. Фролова были обнаружены тексты стенограмм ещё двух бесед: «Наука – человек – гуманизм» и «Экология и новое мышление». В Российском государственном архиве кинофотодокументов члены Группы нашли видеозапись беседы на тему «Институт человека» из передачи «Очевидное – невероятное».

Найденные беседы готовились к печати и публиковались на страницах журнала «Человек», основанного И.Т. Фроловым. Таким образом, в «Человеке» были напечатаны тексты следующих бесед:

«О смысле жизни, о смерти и бессмертии человека» (2001. № 2.

«Институт человека» (2007. № 6);

«Наука – человек – гуманизм» (2010. № 1);

«Экология и новое мышление» (2012. № 2);

«Жизнь и познание» (2013. № 1);

«Человек и природа» (2013. № 4).

Затем в архиве И.Т. Фролова была обнаружена техническая стенограмма еще части передач. Эта стенограмма велась в ходе их выпуска на телевидении и не предназначалась для печати, поэтому сотрудники Группы по изучению творческого наследия И.Т. Фролова провели большую работу по прояснению текста. Отдельной проблемой стала атрибуция высказываний тем или иным участникам бесед, но эта сложная задача также была решена.

В настоящем издании приводятся тексты всех найденных на данный момент передач из цикла «Философские беседы». В приложении к ним даются рабочие записи И.Т. Фролова, открывающие нам его творческую лабораторию при подготовке телепередач. Также читатель сможет ознакомиться с рецензиями и отзывами на телевизионный цикл «Философские беседы». Издание иллюстрировано фотографиями того времени.

Наш долг – не допустить забвения столь интересного и значимого события в нашей культуре, оказавшего серьезное влияние на мировоззренческие процессы в стране. Это и долг памяти перед выдающимся ученым и общественным деятелем – Иваном Тимофеевичем Фроловым. Кто-то из зрителей помнит «Философские беседы», кому-то не довелось их посмотреть на экране телевизора. Молодое поколение не знает о них. Теперь у всех появится возможность обратиться к этой интереснейшей странице нашей философской жизни.

«Философские беседы» сыграли большую роль в борьбе с узостью мышления, технократическим подходом к природе, нигилистическим отношением к философии и культуре. Они воспитывали широкую аудиторию в духе приоритета ценностей человека и гуманизма. Они показали, что философские идеи, взгляды, концепции, на первый взгляд весьма абстрактные, удалённые от жизни, дают ответы на вопросы, волнующие всех и каждого.

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков, М.И. Фролова

Перестройка, новое мышление и философия

В передаче принимают участие: д-р филос. наук Э.А. Араб-Оглы, д-р филос. наук Г.С. Арефьева, д-р филос. наук П.П. Гайденко, д-р филос. наук В.Т. Ефимов, д-р филос. наук В.Ж. Келле, д-р филос. наук В.А. Лекторский, д-р филос. наук Н.В. Мотрошилова, академик Т.И. Ойзерман, д-р филос. наук Э.Ю. Соловьев, чл.-корр. АН СССР В.С. Степин, д-р филос. наук Б.Г. Юдин.

Предварительное обсуждение: философская музыка.

И.Т. Фролов. Правда, это такая религиозная музыка, но, тем не менее, она очень хорошо подходит. Мне кажется, что надо будет показать картины. Я попросил поэтому к Антоновой поехать, в музей, показать какие-то картины – не только Диогена, но и в иносказании...

...Наверное, так случается, что иногда и нас изображают в виде камней или утюгов каких-то. Будет такой общий разговор сейчас пока, но это как бы, так сказать, введение в серию наших передач, причем следующая будет передача – что такое философия? Мы будем говорить о философии как о мировоззрении, о философском мировоззрении. Это я в конце скажу, о философском мировоззрении. Может быть, пригласим на наш разговор кого-то из ученых, может быть, даже кого-то из историков, чтобы с ними поговорить соответственно, откуда она, эта философия? То есть и какой-то историко-философский аспект, может быть, а потом дальше посмотрим. Может быть, мы сделаем и отдельно передачу по истории философии, но не сразу, потому что мы должны вначале обозначить современную проблематику, несколько передач на такие острые, современные темы. Согласны вот с этим?

Голос. Конечно.

И.Т. Фролов. Я небольшое такое вступление сделаю, а потом будет вот эта дискуссия, каждый скажет по своим проблемам, что он думает, я обозначу круг вопросов, я их даже вам специально заранее не говорю, но ясно приблизительно каждому. Вы послушаете и можете непосредственно на это реагировать – либо добавлять, развивать, либо, наоборот, опровергать, спорить, а, может быть, и то и другое...

***

И.Т. Фролов. Сегодня начинается вообще новый цикл серии передач «Философские беседы» с очень хорошим подзаголовком «Мировоззрение, человек, жизнь».

Наша задача будет заключаться в том, чтобы показать, что такое философия в современном ее понимании, как она участвует в актуальных практических делах, в духовной жизни современного общества, как она участвует в общем процессе человеческого познания, в идейной борьбе. Перед нами очень сложная задача. Помимо того, что мы должны в такой содержательной форме рассказать о проблемах, которыми занимается философия, о том, как она участвует в современной идейной духовной жизни, нам, по-видимому, предстоит еще и опровергнуть очень многие предрассудки, связанные с ложным пониманием смысла философствования, с ложным, неправильным отношением к самой философии.

Причем во многих случаях сделать это довольно сложно потому, что философы, надо сказать, на протяжении многих десятилетий, а может быть, и столетий, давали постоянно основания для того, чтобы относиться к ним критически. Это не мешало философии и философам играть активную роль в жизни общества, в особенности в духовной жизни общества.

Но предрассудков накопилось много, это относится и к марксистским философам. Каждый из нас знает об этом. Существуют некоторые такие предрассудки и не только предрассудки, но и основанное на каких-то реальных фактах

негативное отношение к философии. Мы должны показать, что сама великая философия не несет ответственности за то, что некоторые философы действовали, ну, по разным причинам, но действовали неосмотрительно, может быть, очень часто в противоречии с их научным, нравственным долгом.

По крайней мере, мы будем одновременно здесь противостоять тому, чтобы на эту великую науку надевали «дурацкий колпак». Это мы совершенно определенно должны отметить, хотя мы будем говорить о тех недостатках, которые были и есть в развитии нашей науки. Вот это очень интересно, что мы сами выбрали в качестве заставки передачи образ Диогена, древнегреческого философа, о котором существует очень много анекдотов, и один из них наиболее популярный, кроме того, что он сидел в бочке, – это то, что он днем ходил с фонарем, и когда у него спрашивали, почему он ходит с фонарем, он говорил, что он ищет человека. Вот «искать человека» – это закрепилось за Диогеном, и до сих пор это остается.

На этой картине испанского художника XVII в. Хосе де Рибера очень необычно изображен Диоген с фонарем: он как бы подсвечивает лицо собеседника и как бы задает вопрос: «А человек ли ты сам?» Это очень интересное его изображение, но в принципе соответствует тому образу Диогена, который уже создался на протяжении столетий.

Действительно, это основная функция философии – поиск смысла жизни, поиск сущности всего существующего, сущности бытия и самое главное – поиск человека. Человек, поиск его сущности – это основное, что всегда было и сейчас является основным предметом философии.

Вот все мы здесь профессионалы-философы хорошо знаем, что говорил Иммануил Кант – что его не перестают удивлять две вещи – это звездное небо над головой и моральный закон внутри нас.

Это действительно тоже один из важнейших предметов философии, он выражен так кратко, но удивительно точно.

И надо сказать в этой связи, что эти поиски сущности, смысла бытия, смысла жизни, поиски человеческой сущности этого бытия, это действительно всегда было актуально, и поэтому философы всегда на протяжении веков либо встречали к себе негативное (это было по большей части), либо позитивное отношение.

Редко так было в истории, что правителям и иным деятелям нравилось бы, что человек ищет истинную сущность того, что происходит, а соответственно и критически относится к тому, что есть, поэтому это критическое отношение к тому, что есть, определяло и судьбу философии.

Философов изгоняли из городов, забрасывали камнями, редко они лишь в мечтах становились правителями государств. Мы знаем, что Платон создал такую утопию, где философы у него оказываются правителями идеального государства. Но каждый из нас хорошо представляет себе, каким бы несуразным был мир, во многих случаях противоречивым, может быть, еще даже худшим, чем он был на самом деле, если бы действительно философы правили миром.

Мы знаем из истории философии, какие крайности существовали в понимании мира и человека, но постепенно движение мысли совершалось, и изменялась и роль философии. Мы об этом обо всем будем говорить здесь, в том числе об острейших проблемах современности и об острейших проблемах, связанных с положением нашей философии сейчас в нашем обществе, в идейной духовной жизни нашего общества.

Это важнейшая тема.

Вот, кажется, такие общие вещи, но они предполагают очень конкретное содержание, мы его хотим раскрыть в этой серии наших передач.

Мы исходим из того определения философии, которое дал Гегель и которое любил повторять Маркс, что философия – «духовная quinta essentia эпохи». Это действительно так, и если на каких-то этапах развития, в том числе и

нашего общества, а это лишь небольшой момент многовековой истории философии, ну уж если мы начали от Диогена свою родословную, то, действительно, это небольшой такой этап, тем не менее здесь совершенно очень много такого, что не способствовало росту авторитета философии. И хотя нас не забрасывали камнями, не изгоняли из городов, но, в общем-то, во многих случаях авторитет философов, конечно, был очень невысок.

Правда, здесь многое зависит от средств массовой информации. Иногда не очень адекватна была информация, в зависимости от господства определенных социальных представлений и взглядов на тех или иных этапах развития нашего общества на первый план выдвигались какие-то философские работы, которые мы сами, философы, не принимали и не принимаем как некоторый образец для нас. Между тем это подавалось как какой-то действительно образец. В то же время были другие работы, которые делались в это время и которые мы как профессионалы и общественность воспринимали как действительные попытки творческого подхода к осмыслению жизни, к осмыслению человека.

Вот сейчас поэтому от таких общих, вводных слов, мне думается, надо будет перейти к обсуждению некоторых конкретных проблем, и одна из них заключается с следующим: как наша философская наука участвует сейчас в том основном, главном, что происходит в нашей жизни, в том, что мы называем таким ёмким понятием «перестройка», «перестройка и новое мышление». Как во всем этом участвует философия.

Мы будем показывать, как осуществляет свои функции философия, обращаясь к сознанию, мировоззрению человека. Мы будем говорить о том, что в перестройке огромное значение имеет еще изменение стереотипов мышления, старой догматической психологии, что может философия здесь предложить, мы будем говорить о новом мышлении

как о диалектическом мышлении. Так в чем же смысл этого мышления, и как это всё может помочь современной работе нашей партии по перестройке, как, соответственно, соединяется наша философская работа с политикой партии на современном этапе, с тем, что мы называем послепреельской линией XXVII съезда?

Философы всей душой приняли эти политические решения как то, что открывает колоссальные просторы для их творчества, но здесь возникает и большая проблема: мы не только говорим о философии перестройки, но мы также должны говорить и о том, как перестройка идет к философии, в каком смысле мы это должны понимать, что мы должны взять из прошлого и, соответственно, продолжить, укрепить, развить фундамент нашей философии. Это же была вершина культуры и вершина человеческой мысли – марксистско-ленинский взгляд на мир и на человека.

И от чего мы должны отказаться из того, что, как ракушки к днищу корабля, прилипли к этому телу философии и мешают его свободному развитию, это тоже, видимо, нужно сказать.

Мы должны сказать о том, что философия выполняет свою интегративную функцию, значит, она должна быть интегратором разных наук, культуры в целом. Поэтому мы в своих передачах, по-видимому, будем часто встречаться и спорить, и вести диалог с учеными, с представителями литературы, искусства. Сейчас задача заключается в том, чтобы объединить наши силы и тем самым укрепить интеллектуальный потенциал нашего общества и все поставить на свои места.

Мы должны сказать также о возрастающей аналитической функции философии, то есть функции анализа путей познания, постижения истины. Вот, что сейчас тоже выходит на первый план. И, наконец, мы должны сказать об аксиологической, ценностной функции философии, то есть оценке всего, что происходит в мире и в познании его через человека, через определенные гуманистические ценности. Это дав-

нишняя традиция, я еще раз подчеркиваю, в философии, и это смысл марксистско-ленинского понимания и гуманизма, и философии вообще.

К сожалению, это уходило на определенных этапах на второй план, и мы постараемся также это все показать так, как нужно.

Сегодня будет общая вводная беседа, перед вами – участники не только нынешних, но и последующих передач, будут еще другие философы, ученые, но тем не менее это – основной костяк тех, кто должен принимать участие в наших передачах. Мы сегодня постараемся обозначить как-то более рельефно проблематику, которой мы здесь будем заниматься, которую будем обсуждать. Я думаю, лучше всего это сделают сами участники, специалисты по этим проблемам, поэтому я даже не буду перечислять, что мы будем в последующих наших передачах обсуждать.

Позвольте мне сразу пригласить на такие короткие небольшие выступления, может быть, даже и дискуссии. Мы будем вести здесь дискуссии, обязательно будем вести дискуссии, и читатели, зрители наши тоже могут принимать участие в этом, поэтому мы рассчитываем на советы, критические замечания наших зрителей.

А сейчас давайте послушаем некоторых наших участников. По старшинству у нас здесь академик Теодор Ильич Ойзерман, вот он нам сейчас скажет, что он думает об этом.

Т.И. Ойзерман. Вы сказали, что философия, по словам Маркса, – квинтэссенция, духовная квинтэссенция эпохи. Это хорошее определение философии. Но есть еще одно определение, которое, как мне кажется, также подходит к той ситуации, которую наша философия переживает сейчас.

Это гегелевское определение философии как мыслящего рассмотрения действительности.

Вот нам и предстоит как-то мыслящим образом рассмотреть нашу социалистическую действительность, постиг-

нуть ее с позиции диалектики, которую Маркс называет революционно-критическим методом, подчеркивая, что она вносит в позитивное понимание существующего также моменты его отрицания.

Вот этого момента отрицания нам всегда не хватало потому, что в этом отрицании мы как бы видели что-то похожее на протест против социализма, на отказ от социалистических завоеваний. Между тем диалектический материализм понимает это как момент развития. Поэтому основные завоевания диалектического материализма как философии принципиально нового типа оставались как-то вне этого мыслящего рассмотрения действительности, которая является и нашим долгом, и нашим призыванием.

Я позволю себе привести такой пример. Лет двадцать тому назад приехал к нам известный философ профессор Ламан из Соединенных Штатов, друг Советского Союза. Он подвергал довольно-таки резкой критике в беседе со мной и еще одним членом академии капиталистическую систему, а потом вдруг спрашивает: ну а как вы считаете, а в вашей системе имеются какие-либо недостатки? Надо сказать, что мы ничего толком ему ответить не могли.

Затем зашла речь о том, что вот существует угроза термоядерной катастрофы, она уже двадцать лет, как известно, существует. Ведь может случиться так, что если произойдет эта самая ядерная война, то весь мир погибнет, все живое погибнет, и мой старший товарищ, сидевший рядом со мной, сказал: да это, конечно, ужасно, этого не должно быть, но все равно социализм победит во всем мире.

Вот это догматическое мышление имеет не только теоретические, но и психологические корни.

Почему мы не мыслили диалектически? Да мы боялись самих себя, выходит. Вот этот страх перед самим собой – как бы не сказать чего-то другого, точно кого-то надо убеждать

в том, что я советский человек, в том, что я марксист, в том, что если я даже ошибаюсь, то я ошибаюсь, как марксист.

И, следовательно, я не то что имею право на эту ошибку, но эту ошибку я и сам могу исправить, и товарищи могут исправить.

Поэтому, когда мы говорим о новом мышлении, то, мне кажется, что мы говорим о чем-то таком, пользуясь поговоркой, «что было основательно забыто и что надлежит просто возродить».

Это новое, то есть диалектическое, мышление предполагает и новое сознание, вот в чем дело. Мы как-то говорим о новом мышлении и забываем, что предпосылкой его должно быть новое сознание. Сознание раскованности, свободного мышления, свободного в том смысле, что оно соотнобразуется только с фактами и вовсе не относится с таким догматическим почтением к так называемым принципам.

Таким образом обычно они представляют себе философов. Ну, по крайней мере, сейчас, но меж тем нет ничего более противоположного тому, что мы вообще как профессионалы вкладываем в понятие философии.

Возьмите, возьмите Маркса. Ну, кто более был критически настроен, чем Маркс? При чем имеется в виду не то, что Маркс как создатель нового мировоззрения был критически настроен к строю капиталистическому. Нет. Это общее, это исходный пункт критического мышления. И не случайно эта критика очень широко понималась, не так, как сейчас.

Голос. Конечно. Как исследование.

Т.И. Ойзерман. То есть как утверждение одновременно чего-то позитивного. Этого очень, кстати говоря, не хватает многим нынешним критическим выступлениям. Пример Маркса. В первом томе «Капитала» есть такая глава – «Тенденции нормы прибыли к снижению». И Маркс показывает, что в связи с повышением органического состава капитала норма прибыли, основой которой является, есте-

ственно, прибавочная стоимость, должна понижаться. Но Маркс тут же анализирует противодействующие этому факторы. А противодействующим фактором является рост производительности труда и целый ряд других обстоятельств. И делает такой вывод, что тенденция есть, но есть и противоположная тенденция. И вот если мы сейчас, товарищи, спросим, снизилась ли норма прибыли в современном капитализме? Да она стала в несколько раз выше, чем во времена Маркса.

Маркс исходит из того, что норма прибыли равна половине, то есть половину рабочий на себя работает, в смысле отрабатывает заработную плату, а другую половину – на капиталиста. А сейчас рабочий на капиталиста работает, наверное, три пятых своего времени, если не больше. Значит, норма прибыли увеличилась. В этом смысле тенденция, которую Маркс отмечал для домонополистического капитализма, в эпоху монополистического капитализма не оправдалась.

И я полагаю, что мы должны спокойно и трезво рассматривать положения марксизма именно как марксисты, то есть не боясь, что если мы в чем-то и где-то не согласны, то нас обязательно обвинят в том, что мы не марксисты.

Я недавно случайно открыл 20-й том Маркса и Энгельса на странице 581 и нашел там фразу, которую Иван Тимофеевич, конечно, великолепно знает, как занимавшийся биологией. Энгельс говорит: «Современное естествознание признает наследуемость приобретенных признаков». Ну то есть высказывает положение в духе ламаркизма. Ну так было в XIX в.

И.Т. Фролов. Об этом, об ошибке Энгельса, пытались писать в 20-е гг. Но потом это было приглушено полностью.

Т.И. Ойзерман. Да. Ну, казалось бы, и Ленин указывал на то, что надо учитывать, что точка зрения Энгельса в области естествознания тесно связана с тогдашним уровнем развития естествознания. Но у нас по-прежнему цитировали и это положение Энгельса. Даже то положение, что физика есть

учение о движении атомов. Нет, простите, молекул. То есть фактически сводили физику к молекулярной физике, которая составляет ныне маленький раздел всей физики.

И.Т. Фролов. Очень хорошо, Теодор Ильич. Я только хотел сказать, что мы это можем очень хорошо потом продолжить, но боюсь, как бы мы не сосредоточились на критическом анализе тех неверных, ошибочных положений, которые были в прошлом и в том числе у наших классиков, и забудем о себе. О том, что мы сделали здесь, и это, конечно, сейчас главная задача наша, чтобы двигаться вперед и подвергать острому критическому анализу то, что мы делаем, и то, что мы сделали вот совсем недавно.

Когда я говорю «мы», то я имею в виду всех философов, и я не отделяю себя, и никто, мне кажется, не вправе себя отделять от этого. Хотя, может быть, степень участия каждого в этом – она различна. Кто-то, может быть, и совсем не принимал участия в такой апологетике и т.д.

И тем не менее я считаю, мы не можем вот так отделять себя от этого. Не то, что корпоративный дух в нас должен преобладать, но, мне кажется, в этом тоже есть большая философская мудрость. Только в этом случае мы можем что-то более основательно строить сейчас так, чтобы все видели, что мы очень критически относимся к тому, что сделано в прошлом, и пытаемся сделать что-то новое.

Я думаю, что Пиама Павловна продолжит, поскольку мы здесь и об истории философии также говорили, а Пиама Павловна у нас специалист по античности. Не только по античности, но в особенности по античности, хотя и по современной философии тоже. Я думаю, что будет очень интересно послушать Вас.

П.П. Гайденок. Я думаю, что здесь очень верно уже говорили Иван Тимофеевич и Теодор Ильич, что философия выступает, прежде всего, всегда как критика. И это не случайно, видимо, так получается. Дело в том, что вообще

исторически философия в античности, да, видимо, и в другие периоды, потому что возникновение философии не было однократным, возникает тогда, когда появляются некоторые кризисные ситуации в духовной жизни общества.

Видимо, это одна из главных причин вообще возникновения философии, скажем, в античной Греции в VI–V вв. до новой эры. Вероятно, это одна из причин появления даже и новой философии. И об этом буквально в двух словах могу сказать. Когда человек начинает ощущать какой-то духовный кризис, рвётся связь времен, теряется какая-то очень важная смыслообразующая компонента человеческого сознания. Тогда человек начинает чувствовать, что неладно что-то в королевстве Датском, выражаясь, так сказать, таким известным нам языком. Вот тогда и появляются люди, которые начинают подвергать серьезному переосмыслению традиционные, привычные, вошедшие в обыденное сознание представления, ценности и так далее. И вот тут появляется и потребность в таких людях, потому что потребность эту ощущает каждый.

И не случайно, скажем, античная философия возникает как критика некоторых традиционно мифологических представлений. Не случайно один из родоначальников философии нового времени, Рене Декарт, начинает с глобального сомнения, с сомнения вообще во всем существующем. А существует ли оно? А почему мы принимаем это за существующее?

И вот эта ситуация критики, вернее, требующая критики, представляет собой нечто вроде того, как человек для того, чтобы расчистить себе почву для жизни, должен сначала снять то, что на этой почве растет сейчас. Не для того, чтобы это уничтожить, а для того, чтобы докопаться до каких-то глубинных оснований, на которых он затем, может быть, даже многое из предшествовавшей ему традиции восста-

новит. Но восстановит уже в своих правах. Восстановит как отрефлексированное, как продуманное им, как растущее из того корня, который он и признал чем-то наиболее достоверным, за что можно ухватиться.

Такие кризисные ситуации в жизни человечества были неоднократно, и в каком-то смысле, мне кажется, что и сегодня не только мы, но и все человечество переживает что-то вроде очередной серьезной кризисной ситуации. В связи с кризисом, связанным с угрозой ядерной мировой войны, нависающей над человечеством, в связи с экологическим кризисом, в связи, наконец, с кризисом, даже я бы сказала, человека сегодня. Потому что то ускорение жизни, та бесконечно стрессовая ситуация, которую мы переживаем в связи с техногенной цивилизацией, ставит вообще перед нами вопрос о дальнейшем выживании человека в его нынешней биологически заданной форме.

И вот в этом смысле, мне кажется, именно философия может и должна сказать свое очень серьезное слово.

Я еще добавлю одно маленькое замечание в связи с этим. Иван Тимофеевич очень верно сказал, что нам сегодня открывается, так сказать, простор для творчества. Действительно, философия в определенном отношении близка поэзии, литературе, она напоминает такой довольно хрупкий цветок, который нуждается, прежде всего, в воздухе для дыхания. Если этого воздуха нет, подлинная философия увядает. Ну, а частенько бывало в истории так, что если она сама не увядает, то ее, так сказать, в каком-то смысле удушают.

Я думаю, что сейчас у нас как раз такая ситуация, когда появляется возможность для настоящей, подлинной творческой философской мысли.

Но только хотела бы высказать такое одно соображение. Мне кажется, что философская мысль напоминает в известном отношении всякое растение, всякий плод. Она нуждается для своего созревания в некотором времени. Не происхо-

дит так, что вот сегодня открылись возможности, и сегодня же у нас родились ответы на все вопросы. Нет. Видимо, так же, как яблоко созревает только к августу, так и философия требует некоторого времени для своего настоящего развития и для того, чтобы дать действительно подлинную пищу духовную людям, которые жаждут этой пищи.

И один из моментов, который, мне кажется, очень важен для того, чтобы это наше развитие было плодотворным, – это момент, связанный с тем, что мы должны покончить с некоторым таким изоляционизмом нашей философии, который существовал в период застоя.

Мы должны, во-первых, понять, что философия наша развивается в мире в целом, что существует очень серьезное мировое философское сообщество. Мы должны усвоить то, что сделано положительного в этом сообществе, критически проанализировать то, что нам кажется там неприемлемым, но мы должны работать вот в этом сообществе в целом.

Для этого нужны и переводы важнейших работ, которые были сделаны, скажем, за последние полвека во многих странах мира. Для этого нужно также очень глубокое соединение позитивного философского мышления с историко-философским.

Потому что история философии – это не какой-то антиквариат. Вот что-то было, результаты мы потом сложили, они лежат в библиотеках. Философия без своей истории не есть нечто реальное, потому что подлинные философские произведения, скажем, возьмем классику философскую – Платона, Аристотеля, тех же, допустим, Августина, Декарта, Канта – они в каком-то смысле не устаревают, как не устаревают произведения искусства. Как не устаревают Софокл, Эсхил, Шекспир и другие.

И вот это тоже один из моментов, который, кажется мне, надо учесть нам в этот очень важный и серьезный для философии период.

И.Т. Фролов. Хорошо, спасибо, Пиама Павловна.

Я хотел ещё сказать, что у нас возникает еще и такая общая проблема, которую можно выразить таким образом: вот Вы сейчас так все хорошо говорите, в том числе и вот эти собравшиеся здесь философы. А где Вы были раньше, и что Вы говорили до этого?

Так вот, чтобы не возвращаться к этому вопросу, я должен сказать, что мы очень рады услышать Пиаму Павловну, которая и всегда говорила это, только мы ее не слышали. И должен еще добавить, что, по-видимому, каждый из тех, кто здесь сидит, может быть охарактеризован таким же образом.

Это я говорю не для того, чтобы как-то выделить присутствующих здесь, а для того, чтобы восприятие того, что мы говорим, не отвлекалось в сторону.

Эдвард Артурович, пожалуйста, я прошу прощения, я хотел это замечание сделать.

Э.А. Араб-Оглы. Пиама Павловна натолкнула меня на такое сравнение, что история философии – это громадная глыба знаний, накопленных на протяжении тысячелетий.

И так же, как мы не можем жить без угля, нефти, газа, железной руды, которые являются продуктами жизнедеятельности организмов в прошлые геологические эпохи, так же человечество, особенно в эпоху информации, не может жить без знаний, накопленных на протяжении сотен поколений мыслителей.

Только как мы относились к этому? Так же часто небрежно, и даже более, чем к природным богатствам. А именно выбирали из этих знаний те крохи, которые были вот сейчас выгодны, а отправляли в отвал часто то, что представляло бóльшую ценность, чем то, что мы выбирали.

И мне кажется, что такое обращение сейчас к философскому знанию продиктовано бережным отношением, умением правильно им пользоваться, так же, как мы призываем к правильному использованию природных ресурсов.

И.Т. Фролов. Да, очень хорошее сравнение. Правильно, но, мне кажется, имеет смысл продолжить эту идею, которая сейчас здесь была высказана относительно того, что в этих критических развилочных ситуациях возникает необходимость обращения к философии, и, наверное, это есть какая-то закономерность. И, по-видимому, очень часто это не осознается до конца. Но помните, мольеровский господин Журден очень удивился, когда ему сказали, что он говорит прозой, правда? А он всегда до этого говорил прозой.

Точно так же и сейчас. Очень часто не замечают многие политики, что они говорят языком философии, то есть тем, что уже выработано, имеет какую-то многовековую традицию. И в этом тоже, я бы так выразился, хитрость философии, лукавство философии. Она не действует прямо, в открытую и не претендует на то, чтобы сразу признавали её правоту, признавали её истинной философией. Но тем не менее она через изменения в стиле мышления, строе сознания и так далее проникает глубоко, и мы незаметно, как вот господин Журден, начинаем удивляться тому, что мы говорим на языке философии. Много понятий, которые сейчас у нас возникли, для философов являются традиционными, они возникли вначале в философии, а потом быстро перекочевали в обыденную жизнь, в политику, и о философах уже забыли, считают, что они так, в общем, бесполезно жили, и никто не замечает, что они сделали.

Я в связи с этим вспомнил один такой факт. Вот сейчас некоторые наши науковеды измеряют степень влияния той или иной научной теории, научного открытия по коэффициентам цитируемости. А вот одновременно считается, что самое большое влияние оказывают те открытия и идеи, которые даже и не цитируют, и авторов не упоминают. Это самые великие открытия. Это действительно так.

Я не говорю о деятельности отдельных философов, я говорю о философии в целом, о работе, в которой принимают

участие не только профессионалы, вот что интересно. О работе, которую совершает наука в целом, культура в целом, а человечество на том или ином этапе его развития принимает, как сейчас, в ходе тех крутых изменений, которые у нас происходят. Все вместе мы создаем какой-то новый тип мышления, новый строй мышления, новый категориальный аппарат, понятийный аппарат, то есть меняем старые стереотипы сознания все вместе и в практической, и в политической работе, и в работе духа, в работе мышления.

Как ты считаешь, Владимир Тихонович?

В.Т. Ефимов. Ну что же, я с этим согласен. Я хотел бы откликнуться на тему, которую, мне кажется, очень интересно поставила Пиама Павловна. Это о том, что философия оказывается эффективной и предлагает какие-то очень нужные людям решения тогда, когда мы в той или иной форме имеем дело с ситуацией духовного кризиса.

В связи с этим нельзя не сказать о проблематике нравственных кризисных явлений и необходимости нравственного оздоровления общества, которое сейчас перед всеми нами очень остро стоит.

Насколько я помню, XXVII съезд партии – это первый съезд, который вообще к самим этим терминам обратился... К таким терминам, как задача нравственного оздоровления. И вот перед лицом этих вопросов задачи философов, конечно, особенно сложны и велики. Если мы сейчас говорим о новом мышлении, то обязательно нужно задуматься над тем, чем же является новое мышление применительно к области нравственных и социально-нравственных проблем. Времени сейчас мало, можно об этом говорить только коротко, но я бы отметил здесь два момента, которые считаю очень важными.

Первое, что мы стали только в последнее время по-настоящему понимать то, что существующие в обществе простейшие незыблемые нравственные нормы имеют без-

условную значимость и не могут быть заменены никакими другими регулятивными формулами. То есть никакие соображения целесообразности, в том числе и исторической целесообразности и даже революционной целесообразности, этих элементарных регулятивов человеческого поведения, выраженных самыми простыми известными нам заповедями – не лги, не воруй, не лжесвидетельствуй, – никакие другие соображения этих простейших нравственных регулятивов заменить не могут, и они действительно вечны в своей значимости для всякого общества, в том числе и для нашего.

Это нужно подчеркнуть, потому что в 20–30-е гг. в нашей философской литературе, на мой взгляд, существовала тенденция заместить простые нравственные нормы некоторыми такими, так сказать, общественно целесообразными и общественно утилитарными конструкциями.

Если, мол, это необходимо для ближайших важнейших перспектив общественного развития, это есть нравственно само собой. Если же я какое-то действие в горизонт такой вот исторической или революционной целесообразности вместить не могу, то оно как бы делается для меня нравственно безразличным.

Я должен сказать, что какой-то нравственный протест нашей философии против этой тенденции существовал всегда. Я не могу здесь не вспомнить работы Олега Григорьевича Дробницкого, который в своих книгах по этике очень определенно настаивал на безусловном и совершенно самостоятельном значении нравственных норм и нравственных принципов.

И.Т. Фролов. Он очень рано погиб. Будучи совсем молодым человеком, но очень много обещал.

В.Т. Ефимов. Да, да. Рано ушедший из жизни, очень плодотворный наш философ и этик. Он опирался здесь, конечно, на какие-то прямые принципы, прямые указа-

ния, которые существовали в классическом философском наследии. Он опирался на то, что совершенно ясно в свое время и неопровержимо в свое время доказывали такие мыслители, как Спиноза и Кант...

Но у этой проблемы нового мышления в сфере нравственно-этической ориентации есть и другая сторона. Она заключается в том, что признание безусловных, безусловно значимых простейших нравственных норм одновременно ни в коем случае не должно означать ориентации на патриархальную моральность...

Дело в том, что, не будучи, так сказать, приспособленческой, не будучи конъюнктурно-подвижной, система наших нравственных ориентаций, или наше моральное сознание, тем не менее все-таки является исторически развивающейся реальностью.

Моральное сознание система очень сложная. Нет в современных условиях подлинной нравственности, которая не соотносилась бы с такой проблематикой, как социальная справедливость, с такой проблематикой, как право и правосознание, с такой проблематикой, как развивающийся эстетический вкус, который в другом выражении есть одновременно и нравственный такт.

По мере развития морали в ней развиваются такие нетрадиционные, не патриархальные измерения, как терпимость. В ней появляются совершенно новые этажи, так сказать, совершенно новые области самого этого морального сознания. Ну, например, такие, как хозяйственная этика, которой, прямо надо признаться, мы занимались очень мало, она имеет очень интересную историю. История эта привлекала таких замечательных мыслителей, как, скажем, Макс Вебер в XX в.

Вот эта проблематика, то есть проблематика новая, проблематика непатриархальных образований в моральном сознании, прежде всего, проблематика развивающегося пра-

восознания, проблематика хозяйственной этики нам сегодня чрезвычайно важна, и я вполне здесь согласен с нашим замечательным публицистом Николаем Шмелевым, который говорит, что в современных условиях хозяйствовать неэффективно – значит хозяйствовать не нравственно.

И.Т. Фролов. А как бы ты наоборот это сформулировал? Все, что эффективно – нравственно?

В.Т. Ефимов. Ни в коем случае. Это как раз...

И.Т. Фролов. А это заголовок его интервью в «Книжном обозрении». Номер 1 за этот год.

В.Т. Ефимов. Я очень сожалею, что он допустил такой перебор...

И.Т. Фролов. Я просто хотел обратить внимание, что действительно все начинают говорить языком философии, но вот тут-то и обнаруживается, что все-таки нужно знать профессионально какие-то вещи, чтобы не допускать вот таких промахов, потому что отсюда могут быть чудовищные совершенно выводы вот из этой максимы, да. Чудовищные. Ну, я думаю, что автор, мы его знаем по его работам, конечно, не думает так, но вот видите – не думает, а внешне выражается вот так.

В.Т. Ефимов. Вот интересно, что на сопоставлении двух этих формулировок можно дать краткое резюме тому, что я хотел сказать. Совершенно справедливо и, в общем-то, логически правильно говорить, что в современных условиях хозяйствовать неэкономно – это безнравственно. Но когда я говорю, что нравственно только то, что экономно, то это и есть вот та, выражаясь философским языком, редукция, сведение нравственности к каким-то иным, так сказать, утилитарно прагматическим ориентациям, против которых я возражал в первой части моего выступления.

И.Т. Фролов. Очень хорошо.

В.Т. Ефимов. Вот так, значит, я согласен с этим. Таким образом, сочетание двух этих измерений, с одной стороны,

безусловное такое, какое было в классической философии, настаивание на значимости простейших нравственных определений – это одна сторона дела. И второе – понимание реальной сложности, в том числе и диалектической сложности развитого морального сознания – вот, на мой взгляд, два измерения, в которых должно двигаться новое мышление применительно к современной этической проблематике.

И.Т. Фролов. Я не могу здесь не упомянуть такой очень известной темы. Когда-то после войны Сталин благодарил русский народ за его долготерпение. Надо отдать должное меткости сталинского языка, потому что действительно именно качество долготерпения в этих очень сложных условиях, которые предъявила нашей стране война, совершенно точно определяли достоинства народа, который эту войну выиграл.

Конечно, здесь даже не об одиночном и о массовом героизме нужно говорить, а именно об этой выдержке, которая и в ратном, и в тыловом труде в эти годы проявлялась. Это все верно применительно к этой ситуации.

Но одновременно, конечно, долготерпение народа – плохой, очень плохой помощник, когда речь идет о нормальной экономической жизни, скажем, о современной нашей экономической ситуации. Когда со стороны народа необходимы и большая требовательность и к себе, и к власти, и, так сказать, умение отстаивать определенные права, и гражданская активность, и гражданская порядочность каждого человека. Это все, конечно, понятием долготерпения не покрывается. Это предполагает в народе гораздо более широкие, гораздо более активные гражданские инициативные качества. И мне кажется, что одна из нравственных задач, которая сейчас стоит перед нашей страной, перед каждым нашим человеком – это развитие этих измерений гражданской инициативы, гражданской порядочности, личной ответственности, личного включения в процессы, которые

сейчас в нашей стране происходят. То, что так емко определяется как развитие процессов демократизации, гласности.

В.Т. Ефимов. Совершенно верно. Вот эти процессы демократизации как раз и предполагают очень большие изменения в сознании, включая нравственное национальное сознание.

И.Т. Фролов. Очень хорошо. Может, те, кто смотрит нас, могут подумать, что мы с тобой сговорились в некоторых случаях, но мы не сговаривались. Наверное, мы настроены на одну волну. Это, видите, сейчас такие вопросы, которые волнуют каждого из нас, и так, не сговариваясь, мы думаем об этом в одном направлении. Какой будет результат нашей работы, наших рассуждений – вот, что важно. Очень интересный аспект нашей проблематики, мне кажется, Владимир Тихонович сейчас затронул, и я думаю, что одна из наших передач специально будет посвящена этой нравственно-философской проблематике с такими современными выходами и обязательно в очень тесной исторической связи.

Многие писатели наши, к сожалению, деятели искусства, очень часто говорят о каких-то философских проблемах и обсуждают их с доморощенных таких позиций, как будто бы они рождают что-то заново. Это, конечно, процесс, наверное, очень интересный – вдруг открыть что-то, ну, предположим, набрести на механику Ньютона или, предположим, теорию относительности Эйнштейна и так далее, но когда это происходит в физике – это совершенно одно, а когда это происходит в философии, то, в общем, мало кто это фиксирует. Я это говорю не в упрек людям, пусть они этим занимаются, это очень хорошо, это идет в массы, иногда в более популярной форме излагается что-то, что уже было выстрадано в истории, в частности в философской мысли. Но, мне кажется, что традиции философской культуры должны шире распространяться в нашем обществе, среди нашей интеллигенции. Я все-таки за то, чтобы, скажем, писатели, деятели

искусства не только слышали о философских идеях где-то на симпозиумах, встречах многочисленных международных и так далее, но чтобы они еще и вычитывали это из той сокровищницы философской мысли, которая существует. Правда, сейчас мало издается философской классической литературы, в том числе русской классической философской литературы, но это никого не избавляет от труда, от необходимости работать, проделать самостоятельную работу по изучению философской мысли и истории философской мысли. Я все-таки за Толстого, который не на симпозиумах слышал какие-то философские максимы, а мог изучать и дотошно изучал и древних, и современных ему философов, и встречался с ними, и дискутировал с ними. Например, с такими, как интереснейший наш философ Владимир Соловьев. Это же очень интересно, когда собираются вместе Владимир Соловьев, Страхов, Толстой, Достоевский, Николай Федоров. Вот откуда рождаются, в том числе, сложнейшие философские построения. Они не рождаются только как результат гениальности такого человека – кто же будет отрицать гениальность Толстого, – но они рождаются еще как действительно результат взаимодействия разных умов, вырастают из той духовной ситуации, которая складывается критически очень часто. Критическая ситуация – значит, острее видятся многие проблемы, значит, есть шанс нам всем в целом обратиться к каким-то новым подходам, новому видению человека, мира и так далее.

Как, Нелли Васильевна, Вы думаете?

Н.В. Мотрошилова. Мне очень нравится поворот нашего разговора потому еще, что я тоже историк философии и считаю совсем не случайным то, что сейчас и в наших дискуссиях, в дискуссиях философов, не только в них, в дискуссиях тех же самых писателей, публицистов, широкой общественности привлекается внимание к необходимости изучения истории философии.

И вот возникает вопрос: как это делалось раньше, хорошо ли это было или плохо? Принято считать, что это было так же плохо, как плохо обстояло дело со всем остальным в философии. Для того чтобы высказать такое суждение, есть свои основания, они разные, мне трудно принять их всех в расчет.

Я главным образом хочу говорить о своем очень тревожном ощущении, касающемся философии. Я полагаю, что процесс перестройки в самой философии, а Вы упомянули, что это очень важная предпосылка включения философии в процесс перестройки, в жизнь нашего народа, нашего общества, вот у меня такое тревожное ощущение, что этот процесс перестройки идет очень медленно, с большим скрипом, здесь такой груз старых ошибок, предрассудков, но и также огромное сопротивление тех людей, которые представляют догматизм и апологетику, людей, которые, собственно, выросли в эпоху культа личности и были носителями культа личности. Сейчас они иногда изображают дело так, что их как бы заставили, и «все так говорили». Я не согласна с тем, что их заставили, только заставили, и что «все так говорили». Давайте вспомним и вспомним добрым словом тех наших философов, которых никто и никакие обстоятельства, в том числе, и преследования не заставили говорить то, чего они не хотели говорить, что не отвечало их совести.

Я сказала бы здесь о таких людях, как патриарх нашей истории философии Алексей Федорович Лосев, ныне только в период перестройки ставший лауреатом Государственной премии, а до этого Алексей Федорович Лосев был в скромном официальном положении профессора педагогического института. На мой взгляд, это высочайший статус, статус человека, которого знает страна, которого знает мировая философия, и человека, который, несмотря на все трудности, а трудностей было очень много, не свернул со своего пути. Вот уже сравнительно недавно был такой один из граждан-

ских подвигов Лосева. Лосев написал книгу о Владимире Соловьеве, о том самом выдающемся русском философе, имя которого, само имя которого произносилось только вместе с ругательствами, с проклятиями, работы которого не издавались, не переиздавались десятилетия. Так вот, Алексей Федорович Лосев дал в издательство «Мысль» свою книгу. Издательство «Мысль» боролось за эту книгу, и когда книга выходила со страшным трудом, находились такие люди, которые, кстати, носят академические звания, они всячески препятствовали выходу в свет этой книги. Одним словом, шло это с огромным трудом, но вспомним такого философа, как Валентин Фердинандович Асмус. Я тем более хочу сказать о нем, он был моим учителем. Игорь Константинович Бакрадзе, выдающийся грузинский историк философии.

Так вот, все это было, все это было, эти люди устраивали кампании, но, прежде всего, они, это не надо забывать, расправлялись с честной философией, с честной профессиональной философией. Вот сейчас, Иван Тимофеевич, и Вы говорили, что сидел в одной камере с Н.И. Вавиловым философ Луппол, который был интересным профессиональным философом. Мы еще не вспомнили все имена, имена тех людей, тех философов, которые не согнулись, которые продолжали оставаться честными, профессиональными философами, они не били в эти фанфары, они не говорили, того, что они не думали.

И.Т. Фролов. Мы можем здесь с основанием вспомнить таких философов, как Б.М. Кедров, Э.В. Ильенков, П.В. Копнин...

Я думаю, что действительно мы сейчас уже поставили ряд таких важных вопросов, которые как раз относятся к пониманию необходимости перестройки путей самой философии. В этой связи мне бы хотелось услышать мнение человека, который непосредственно сталкивается с восприятием философии, будучи профессором в вузе, я имею в виду Гали-

ну Сергеевну Арешеву. Она является заведующим кафедрой философии в Энергетическом институте и, наверное, может больше всего сказать о том, как воспринимается сейчас наша философия и, соответственно, что нам нужно делать для того, чтобы она сейчас более энергично перестраивалась, как этого требуют перестройка и новое мышление.

Г.С. Арешева. Я не буду говорить подробно о работе в вузе, о трудностях, о восприятии философии. Так, просто, может быть, некоторые мазки, Иван Тимофеевич.

Я хотела бы, во-первых, немножечко продолжить те моменты, которые здесь были намечены. Я думаю, что очень интересно выступавшие товарищи говорили о психологических трудностях, о мере ответственности, о нравственных аспектах и прочее. Но я сама занимаюсь главным образом в области философии проблемами общества, я хотела бы не столько продискутировать, сколько, может быть, дополнить то, о чем здесь было сказано, и вот в каком плане. Мне представляется, что пока еще осталась немножко в тени проблема того, почему все-таки происходило то, о чем мы все так печально говорим.

Вот Теодор Ильич здесь говорил о том, что мы все были скованы, что мы боялись сами себя, значит, вероятно, на это были определенные причины, которые заставляли философов, в том числе и хороших философов, больших философов, быть скованными, бояться самих себя.

Здесь Нелли Васильевна говорила много и правильно о том, что разные философы по-разному выступали, что у нас сохранялись прекрасные философы, у нас выходили интереснейшие работы, но все-таки приоритет был не за этими работами, и все-таки в общественном мнении философия выступала в том виде, в котором она действительно выступала, т.е. со своим догматическим началом и т.д.

И поэтому, я думаю, что очень важная задача, которая сейчас стоит перед нами, когда мы осмысливаем философию,

эта задача состоит в том, чтобы раскрыть ту социальную опору, то бытие людей, которое породило эту ситуацию.

Это действительно печальная ситуация, и поэтому я думаю, что проблема, которая здесь пока мало специально затронута, – это проблема состояния общества в прошлый период застоя и философский анализ тех путей, которые мы намечаем для того, чтобы выйти из этого состояния застоя.

К этому я бы добавила, что сейчас вообще для философии очень трудное, но очень благоприятное время.

Трудность состоит, во-первых, в том, что действительно в философии очень много догматизма, преодолеть этот догматизм сложно. Трудность состоит и в том, что вообще в общественном мнении роль философии очень упала.

Теперь о работе в вузе... Да, действительно я всю жизнь работаю в вузе, всю жизнь работаю с молодежью, и, понимаете, страшно я люблю философию, поэтому для меня это было просто трагедией, настоящей трагедией, когда я видела, что от года к году, от поколения к поколению большое число молодежи отходит от наших наук. Начинают все чаще и чаще задавать вопрос: «А зачем это?» – и относятся к философии не как к науке увлекательной и очень нужной, а как, в общем-то, к такому предмету, который надо скорей сдать, забыть, и ничего, кроме скуки и каких-то тривиальностей, этот предмет не несет. Конечно, были и иные преподаватели, иные студенты, но все-таки основная масса, в конечном счете, приходила к этому. Это очень печально, это большая трудность.

Трудность, думаю, состоит не только в том, что авторитет философии упал не без основания. Трудность состоит еще, на мой взгляд, и вот в чем. Понимаете, сейчас люди, в общем-то, потянулись к тому, чтобы мыслить, размышлять, сейчас ведь общественное мнение всколыхнулось, а молодежь тем более.

Ведь сейчас молодежь постоянно говорит о таких проблемах, как добро, честь, бесчестие, совесть, нравственные ка-

тегории, мужество, ответственность, об этом стали говорить, это значит, люди стали философствовать.

Но раз они стали философствовать, то возник вопрос о том, чем же должна заниматься философия, и вот здесь, как я считаю, как некоторая реакция на те пустые, зачастую, философские разговоры, которые велись, на то переливание категорий, которые не объясняли истинного положения вещей, и, как реакция, сейчас общественное мнение, и в том числе молодежь, начинает выдвигать перед философами требования и ставить такие задачи, которые, в общем-то, философы не должны, не могут решать в силу особенности профессионализма своей науки.

Нам начинают ставить очень конкретные задачи: «А как, с точки зрения философии, распределить заработную плату? А как, с точки зрения философии, определить то-то и то-то?» Это важные вопросы, важные для жизни каждого человека, каждой семьи. Но нам в этих условиях надо определить свой аспект отношений, свою собственную задачу, оставаясь профессиональными философами.

И вот в этой связи я хочу сказать несколько слов о подходе к обществу, о задачах философского анализа общества.

Понимаете, ведь сейчас, чем бы люди ни занимались, о чем бы они ни говорили, о человеке ли, нравственности ли, все равно они приходят к тому – а как это случилось, а почему же в нашем обществе это было возможно? И действительно, по сути все завязывается на проблемах общества. Решим мы эти проблемы, мы решим и проблемы нравственности, решим и проблемы сущности жизни и т.п.

Поэтому не случайно, конечно, и публицисты, и экономисты, и просто общественное мнение – все сосредоточено сейчас на том, чтобы думать, размышлять об обществе.

Я думаю, что в силу ряда причин, в том числе и сложности самого философского анализа, с моей точки зрения, мы сейчас как-то немножко сдаем позиции в анализе об-

щества. Скажем, если нас сравнить с экономистами. Или со многими другими публицистами. Ведь до последнего времени нет таких, ну, может быть, исключая одну, две статьи, интереснейших статей философов, которые бы такой резонанс общественный вызвали, и их обсуждали бы, как выступления экономистов.

Я думаю, нам не надо этого бояться. Я согласна с тем, что философия зреет дольше, но признать это нужно, и очень уж нам зреть чрезмерно долго тоже не годится. Хотя, конечно, в силу специфики нашей науки мы-то должны выразить нечто всеобщее, сущность, взятую в ее всеобщей форме, от всего этого, конечно, нам сложнее, и времени требуется больше. Но, конечно, эта задача стоит перед нами.

И если говорить об обществе в философском аспекте анализа общества, то мне самой представляется, что сейчас на первый план выдвигаются вопросы, связанные с методологией анализа общественной жизни, именно со способами методологии познания общественной жизни.

Ну, на первый взгляд, и, может быть, для людей, которые не очень специально занимаются философией, это может показаться крайне абстрактным. Опять методология, значит, что-то общее. Так я хочу сказать, что методология – это сейчас квинтэссенция задач, во всяком случае, общественного момента. Ну, в самом деле, для того чтобы не быть голословной, я сошлюсь только буквально на два-три примера.

У нас почти не разработаны такие проблемы, как соотношения и связи теории реальности. Они в научном смысле применительно к обществу разработаны пока еще очень слабо. И это одна из теоретических, социологических причин того, как у нас представляли общество, в таком только радужном ракурсе. Ведь фактической теоретической основой такого представления о наших достижениях, которые есть и которых, может быть, и не было, этих достижений,

теоретической основой является очень простое рассуждение, рассуждение по принципу того, что раз это присуще социализму как понятию, раз это присуще социализму как теории, значит, это должно быть и в жизни. И, значит, если теоретическая модель социализма действительно характеризуется, скажем, самой передовой демократией, самой совершенной демократией, значит, считали мы, такова должна быть и жизнь.

Вот эта неразработанность, эта сложность связи теории с жизнью приводила к тому, что мы фактически и жизнь не изучали, и во многом ставили под удар авторитет самой теории.

И еще только один пример, тоже связанный с методологией, с анализом. Сейчас все понимают, чтобы двигаться вперед, надо оценить прошлое, надо дать очень четкий анализ прошлому. Он начался, этот анализ прошлого. И вот одна из задач философского анализа, мне кажется, состоит в том, чтобы дать четкую методологию, связанную, скажем, с разработкой проблемы вариативности исторического процесса. Смотрите, как интересно этот вопрос поставлен вне философской литературы.

Даже уже и философская статья Клямкина, которая была опубликована в «Новом мире» за прошлый год, вызвала довольно большой резонанс. Я в теоретическом плане не согласна с этой статьей, хотя она и, несомненно, очень интересная, и принадлежит эрудированному человеку. Я сейчас не буду спорить, я только хочу сказать, что основой этой статьи является методологическое утверждение о том, что был возможен лишь только один-единственный вариант.

Вот сейчас мы получили «Знамя», первый номер, где опубликована очередная драма Шатрова. Я пользуюсь случаем сказать, что вообще я считаю, что это блестящее произведение очень мужественного человека.

Так вот, если сравнивать со статьей Клямкина, автор дает совершенно прямо противоположную концепцию, концепцию, связанную с тем, что возможны разные варианты, и был реализован только один вариант.

Я повторяю, что, наверное, можно будет поговорить об этом специально и, может быть, даже нужно поговорить, я только хочу сейчас сказать, что задача философа и философов – это разработка методологии познания общества, это важнейшая задача, важнейшая проблема на сегодняшний день.

И.Т. Фролов. Да, мне кажется, это очень важно и интересно.

Я думаю, что мы можем иметь в виду не только какие-то чисто литературные направления каких-то тенденций, а я думаю, что мы и сами как профессионалы невольно вовлекаемся сейчас в такое общее движение, что только через литературу, искусство и так далее мы и получаем какие-то социальные идеи.

Это совсем не так, потому что и сами эти произведения питаются какими-то идеями. Конечно, экономисту легче сказать что-то такое, в особенности в негативе, это все очевидные вещи, и не надо быть экономистом для того, чтобы заметить какие-то экономические недостатки.

То же, что может выразить философ, – это всегда приобретает и приобретает общее значение, и это уже поступок, очень часто определяющий всю его судьбу.

Часть из тех, кто присутствует здесь, испытали это на себе, поэтому работа философа и, скажем, работа экономиста – я не собираюсь преуменьшать их значение – в этом смысле имеет разное значение.

Я хотел бы сказать, что очень часто – видите, я начинаю защищать философов – очень часто разговор философа с общественностью, в таком метафорическом смысле, – это разговор глухих. Потому что то, что и говорили даже фи-

лософы, скажем, вот в эти застойные годы, для понимания требует какой-то определенной профессиональной подготовки. Не то, что философия сама себя закрыла, закрыла этим профессиональным языком для того, чтобы внутри себя иметь возможность свободно двигаться, творчески развиваться, хотя этот момент тоже существует.

Общественность должна знать, что философия во многих случаях еще закрыта. Многие думают, что она погрязла в догматизме, – нет, она еще закрыта для общественности. Я буду конкретным: например, кто-нибудь в общественных кругах прислушивался, скажем, к гуманистической интерпретации социализма и марксизма, которая уже давно развивается рядом философов, к тому, что на первый план выдвигается именно человек, человеком оцениваются многие явления общественной жизни, и наука, и техника? Это существовало в виде каких-то для многих абстрактных разговоров, пока не открылись реальные, конкретные связи этих общих философских постановок с тем, что происходит в жизни, пока это не было продумано и выражено очень отчетливо в новое понимание, скажем, социальной сферы, как это сделано после апрельского пленума и XXVII съездом партии. Пока не был раскритикован так называемый остаточный принцип, пока на первый план не был выдвинут политический, в том числе стратегический, человек как действительно мера всего, что является главным при социализме.

Ну скажите, разве в философии такие подходы у нас не разрабатываются? Но общественность не слышала, по большей части. Это разговор глухих. К сожалению, вот эти вещи не слышала даже художественная общественность.

Вот еще момент я хотел бы подчеркнуть. Это постановка глобальных проблем нашими философами в начале 70-х гг. Экологических глобальных проблем, когда на заседаниях круглого стола журнала «Вопросы философии» все это обсуждалось, проблемы этики, гуманизма,

и все это оценивалось как дань абстрактному, буржуазному гуманизму, как сдача позиций буржуазному мировоззрению, когда мы ставили вопросы о необходимости изучения глобальных общечеловеческих подходов.

Здесь обнаруживается очень интересная тонкая связь философии и политики, и она не такая, как у экономистов, которые действительно могут сейчас лихо эпатировать публику статьями, не предлагая, кстати говоря, очень часто чего-либо в позитиве, то есть не предлагая решения тех или иных проблем.

Нам, философам, мне кажется, ни в коей степени не надо становиться на этот путь, тут надо проявить философскую выдержку и мудрость. Нельзя становиться на этот путь, потому что мы должны все эти споры, все эти счеты оставить позади, у нас огромное количество проблем впереди, мы должны двигаться вперед, не обращая внимания, не считаясь с тем, кому и что будет приписано, кто себе припишет честь. Сейчас наша литература, журналисты считают, что это они делают перестройку в своих статьях. А между тем наши журналисты никак не могут увидеть правильно, в частности, соотношение их деятельности с политикой, мы-то это прекрасно знаем, и мы это прекрасно почувствовали и чувствуем, ибо – причем не только в позитиве, как сейчас, но и в очень и очень сильном негативе, как это было в прошлом, – мы об этом говорили, в частности, по телевизору. Нелли Васильевна и другие.

Я бы хотел, может быть, добавить к тому, что говорила Галина Сергеевна, о необходимости разработки какой-то новой концепции, модели социализма, гуманистической, и причем ведь это уже в политике ясно выражено, в решениях XXVII съезда, в последующих документах партии это ясно обозначено, между прочим, обозначено уже как философская концепция.

И наша задача здесь заключается не в том, чтобы просто заниматься апологетикой, а в том, чтобы, опираясь на то, что проделано и создано нами самими, развивать основательно это и внедрять в общественное сознание, и я думаю, эта работа предполагает очень основательный критический анализ и той модели, которая господствовала до этого.

Я имею в виду не только период застоя, но и то, что сложилось уже в 20–30-е гг. после Ленина, развивалось в 40-е гг. и дальше. Я думаю, на эти такие довольно острые темы, мне кажется, свое слово должен сказать Владислав Жанович Келле, человек, который имеет и большой опыт, и много продумал уже сейчас, по новым материалам такие вещи, как соотношение философии и культуры, проблемы человека и так далее.

В.Ж. Келле. Я, прежде всего, хотел бы сказать о двух вещах. Во-первых, о том, что та модель социализма, о которой мы говорили здесь, всегда выступала для нас, для философов как некая идеальная модель, которая работала и которую мы описывали в литературе, потому что ведь народ судит о нашей философии по той широкой продукции, которая публикуется. И в этих публикациях о социализме, в наших философских публикациях как раз больше всего превалировала вот эта идеальная модель.

Мы говорим, что вот философия накопила, конечно, много – я здесь согласен с тем, что, конечно, мы сейчас подходим к перестройке с каким-то багажом. В философии много сделано, много интересного было, но, действительно, и много накопилось того, от чего надо избавиться, и чем быстрее мы осуществим эту перестройку в самой философии, тем больше сама философия сможет участвовать в перестройке. Тем более активно она может включиться в тот процесс очищения, обновления нашего общества, который происходит.

Так вот, я думаю, что одной из гносеологических причин этого отрыва, отдаления философии, которое проявилось в нашей философской литературе в отношении социализма,

было то (Галина Сергеевна немножко затрагивала эту тему), что философия, давая идеальную модель нашего общества, не показывала, как эта идеальная модель реально работает.

Например, говорилось, что у нас социалистическая общественная собственность на средства производства, и это, конечно, более высокая форма собственности, чем частная, что она создает более высокие стимулы к труду, что она определяет тот факт, что производство начинает служить народу и так далее. Но механизмы этой собственности не исследовались, не исследовались механизмы реализации этой формы собственности, и в результате эта собственность воспринималась как казенная, как ничейная и не создавала подчас стимулов к более плодотворному труду.

Эти обстоятельства оставались в тени, и поэтому получалось, что, описывая социализм, его принципы, мы тем самым становились апологетами этого общества и отдалялись от реальной практики, то есть реальная жизнь не отражалась в этих философских работах.

Конечно, философы чувствовали это, и мне хотелось бы сказать, что, например, то, что у нас в свое время начала развиваться конкретная социология, – это было подхвачено, поддержано нашими философами, в частности потому, что они ожидали от конкретной социологии, что она даст какой-то реальный материал для философских обобщений в отношении социализма.

И.Т. Фролов. Да. Социология родилась просто в недрах философии вначале. Кстати говоря, как и то, что мы сейчас называем научным коммунизмом. И когда сейчас очень часто ругают философов и говорят, что это философы создали такие ужасные догматические модели социализма, то, наверное, широкая общественность не подозревает даже, что философ в настоящем смысле слова к этому не имеет никакого отношения, потому что это уже давно выделившаяся из философии особая часть социально-политических

проблем. Она оформлена, как утверждают некоторые наши ученые, в такую самостоятельную научную дисциплину. Так же и социология – это уже самостоятельная дисциплина, выделившаяся давно из философии. Я поддерживал все это с самого начала, в особенности, когда они стали заниматься конкретными социологическими исследованиями.

Но я помню еще такие времена, когда именно философы, первые, через критический анализ того, как эти конкретные социологические (эмпирические) исследования развивались на Западе, приходили к этим идеям и так далее. Очень много можно было бы рассказать о тех коллизиях, которые возникали, и даже о довольно крупных неприятностях для некоторых из наших философов, которые встали на этот путь.

Закончить я хотел бы тем, что, понимаете, разница в «ошибках» экономиста и философа в том, что когда экономист, скажем, защитник «товара» попадает туда, где господствуют другие представления, его назовут «товарником», и у него будут определенные неприятности, а вот если философ что-то скажет, то это получается по самой сути того, что мы называем мировоззрением, он ведь не в «товарники» будет зачислен, а он сразу будет зачислен, как минимум, в ревизионисты, а то и в проводники буржуазной идеологии и так далее, со всеми вытекающими отсюда последствиями, разными в разные исторические периоды нашей истории.

В.Ж. Келле. Меня немножко удивляет, что Ваше выступление немножко звучит так, как будто бы вот так оно и надо, что философ уж действительно настолько крупного масштаба фигура, что каждая его строчка – это обязательно акт поведения. Вот экономисту позволено строчку написать, а потом признать ошибку и взять обратно, а уж философу совсем это не позволено.

И.Т. Фролов. Я думаю, да, я думаю, что философ в большей степени, чем кто бы то ни было, несет определенную моральную ответственность, поэтому я согласен с Нелли Васильевной, нам как раз нет оправданий ни при каких условиях. Мы не можем сказать, что – ага, вот все так думали, и я поэтому так думал, извините меня, и все сразу извиняют. Вежливые люди скажут – ну, да, хорошо, ладно, извиняем. Но мы себя не можем извинить, если мы вели себя не морально, потому что наше положение совсем другое. Я считаю, что в этом смысле философ – как некоторый такой пушкинский странник, очень большая моральная ответственность на философе лежит.

Вот Джордано Бруно в книге «О бесконечности вселенной и мирах», например, что написал, послушайте: «Если бы... я владел плугом, пас стадо, обрабатывал сад или чинил одежду, то никто не обращал бы на меня внимания, немногие наблюдали бы за мной, редко кто упрекал бы меня, и я легко мог бы угодить всем. Но я измеряю поле природы, стремлюсь пасти души, мечтаю обработать ум и исправляю привычки интеллекта – вот почему кто на меня смотрит, угрожает мне, кто наблюдает за мной, нападает на меня, кто догоняет меня, кусает меня, и кто меня схватывает, пожирает меня; и это – не один или немногие, но многие и почти все»¹.

Ну, может быть, Джордано Бруно имел основания на то, чтобы сказать все это, мы знаем, как он кончил. Наверное, это не распространяется на нас с вами и на современность, мы не находимся в положении Джордано Бруно, но в моральном смысле, в моральном отношении, в смысле ответственности такой моральной, я думаю, мы должны все время чувствовать себя в таком положении. Мы не можем, я еще раз повторяю, мы не можем вот так легко от чего-то отказываться и так легко делать то одно, то другое, считая, что – ну что же, сегодня я делаю так,

---

¹ Бруно Дж. Диалоги. М. 2000. С. 155.

потому что вот так приказывают, так вот диктуется необходимостью, а завтра я могу поступать по-другому, и это тоже может быть оправдано. Я считаю, что этим самым человек сразу дисквалифицирует себя как философ, в отличие от физика, который может ошибиться, но ошибка философа – это есть еще и некоторое моральное деяние, моральный поступок. Хороший или плохой – я не знаю. Может быть, это звучит слишком максималистски и ригористично, но я думаю, что для нас это должно быть таким критерием и некоторым идеалом. Если хотите, кантовским категорическим императивом.

В.Ж. Келле. Защищать принципы.

И.Т. Фролов. И если мы знаем, что это так, мы должны и сказать себе, что это именно так, что это отступление, это ошибка. В этом смысле я согласен со Швейцером (уже не раз я писал и говорил об этом), что есть некоторая сфера абсолютных моральных ценностей, абсолютных, а не просто относительных. Я думаю, что наши моралисты, наши философы, слишком сильно акцентировали именно относительность некоторых моральных принципов. Говорили – ну да, все зависит от исторических обстоятельств и так далее. А есть некоторые действительно вечные ценности, о которых Швейцер говорил, и, наверное, нам сейчас надо больше возвращаться к этому, тогда лучше и пойдут эти процессы нравственного воспитания, которые так необходимы нам сейчас. Молодежь – вот о ком мы сейчас должны думать. Понимаете, во многих случаях они изверились уже, они просто не знают, как им поступать, потому что слишком все относительно. Мы-то думали, что мы тем самым ультрамарксистский подход сюда вносим, в понимание моральных ценностей, а мы тем самым разрушали какие-то извечные ценности, которые ни в коем случае нельзя разрушать, иначе погибнет человек, погибнет человечество. Они должны быть неизменными,

вот так я думаю. Я думаю, что здесь и положение философа в этом смысле особое. Поймите меня правильно – в этом смысле особое.

Понимаете, мы особую такую ответственность несем. Если ты говоришь о всех этих категориях нравственности и так далее, то ты сам должен придерживаться всего этого, и если ты нарушаешь, а люди есть люди, и возможны такие нарушения, то мы, по крайней мере, не должны находить каких-то ложных оправданий, а отнестись со всей строгостью к себе, так, как ты сам относишься к тем, другим, кто нарушает эти заповеди. Это немножко вывернутая наоборот одна из евангельских заповедей, она – действительно общечеловеческая ценность, это общечеловеческая моральная, нравственная ценность, и мы ее и в марксизме должны развивать.

Вот почему так важно и обращение к истории философии, Нелли Васильевна, тут и Вы упоминали, скажем, того же Владимира Соловьева. Я проделывал в свое время такую работу: попытался глазами марксиста посмотреть на его работу «Оправдание добра». И некоторые свои результаты я даже изложил, правда, это не было опубликовано в «Вопросах философии», но я опубликовал в брошюре в издательстве «Знание» «О смысле жизни, о смерти и бессмертии человека». Это была попытка показать традиции подхода к этим проблемам в русской культуре, в том числе у Соловьева, Николая Федорова, у Достоевского, Толстого и т.д.

Если мы так и сейчас будем анализировать все это, то мы очень много почерпнем для себя интересного и поучительного из тех систем, которые мы раньше заранее уже просто отсекали, не изучая. Это не значит, что мы берем что-то прямо в неизменном виде, скажем, из той или иной системы. Но это стимулирует размышления, стимулирует анализ, это рождает какие-то новые идеи. И на основе

своей философской системы мы можем это взрастить, переосмыслить по-новому и т.д.

Это как раз и дает новые грани этой проблеме соотношения общечеловеческого и классового. Это уже и политическая проблема, связанная с формулированием нового политического мышления и т.д.

Видите, как сразу сугубо нравственные, философские проблемы смыкаются с политическими. А потому, что это один из постулатов нового политического мышления. Скажем, приоритет общечеловеческих ценностей над всеми другими. Но означает ли это, что мы отказываемся от наших классовых целей? Никоим образом.

Только нужно правильно видеть диалектическое соотношение этих ценностей, и тогда все становится на свои места, тогда мы можем двигаться вперед, и тогда мы можем рассчитывать на то, что мы будем овладевать умами.

А в другом случае, никто нас не слушает, Галина Сергеевна правильно это сказала. Что отсюда следует? А отсюда следует, что нам надо перестраивать нашу философию, включая ее преподавание, включая программу, по какой она излагается в вузах, перестраивать учебники, по которым учатся студенты.

Да, конечно, это большая работа. Наверное, мы ее сможем только начать, но, может быть, это будет стимулировать других и поможет другим более уверенно двигаться вперед по этому пути.

Как, Владислав Александрович, в журнале «Вопросы философии» предполагается сейчас вот эту перестройку осуществлять и стимулировать эти дискуссии? Я с особым интересом отношусь к журналу, все-таки много в нем работал и девять лет даже был главным редактором. Мне всегда очень интересно, что в нем происходит. Когда-то мы организовывали дискуссии за «круглым столом», это, так сказать, в период застоя. Эти дискуссии получали обще-

ственный резонанс, я считаю, часто не соответствующий их научному значению именно из-за того, что общая социальная обстановка была такая, которая противодействовала даже малейшему шевелению мысли. И сейчас, когда я оглядываюсь назад, читаю, что-то посмотрю и думаю: господи, да что уж такого мы там сказали-то? Понимаете, иногда слабенькое движение вперед, не сравнимое с тем, что утверждается сейчас.

А ведь сколько было шума, грохота, потому что ломались и затрагивались какие-то страшно грохочущие прикрытия вот этого догматического мышления, догматических институтов.

Именно грохот создавался, а движение мысли небольшое. Но, тем не менее, все-таки были дискуссии, в них философы тогда, конечно, выходили на какие-то передовые рубежи с помощью крупнейших мыслителей нашего времени, ученых-естествоиспытателей, таких как Петр Леонидович Капица, Аксель Иванович Берг, Борис Львович Астауров, Владимир Александрович Энгельгардт, Петр Кузьмич Анохин. Это все, так сказать, люди старшего поколения, их сейчас уже нет, но вот тогда они очень сильно подвигали, так сказать, вперед. Наверное, мало кто знает, что и это поколение философов, которое работало тогда и которое вот и здесь, в частности, многие из них присутствуют, это поколение философов многим обязано именно этим крупнейшим нашим ученым.

К сожалению, это мы должны признать, к сожалению, по большей части не своим учителям философским, потому что у большинства из нас философских учителей не было, а были те, против кого мы уже на студенческой, аспирантской скамье протестовали, а потом уже и просто должны были даже открыто бороться. Но это не значит, что мы без каких-то духовных корней. Нелли Васильевна и все мы уже вспоминали наших передовых философов.

Я должен сказать, что и присутствующий здесь Теодор Ильич Ойзерман очень много нам, когда мы были еще студентами, аспирантами, помог. Очень многие из присутствующих – это аспиранты кафедры, которой руководил Теодор Ильич в Московском университете.

Н.В. Мотрошилова. Совершенно верно.

И.Т. Фролов. В свое, в свое время. Но я хотел бы еще подчеркнуть огромную роль, которую в судьбе нашего поколения, в нашем развитии с середины пятидесятых годов, после XX съезда партии сыграли эти крупнейшие наши мыслители-естествоиспытатели, которых я перечислил здесь. Не всех, конечно, но многих из них.

Владислав Александрович, пожалуйста.

В.А. Лекторский. В самом деле, наш журнал, по-моему, сыграл очень важную, очень интересную роль в развитии нашей философии. Об этом бы надо написать и сказать, об этом не все знают. Даже сама история нашей философии известна очень плохо. Сегодня здесь выступала Пиама Павловна, говорила об античной философии. Так вот, я подозреваю, что история античной философии нам известна лучше, чем история советской философии.

В частности, и то что сделал журнал «Вопросы философии», в том числе и в тяжелые застойные годы там велась работа, там были интересные выступления, интересные люди, интересные мыслители. И, мне кажется, мы должны вообще вернуться к нашему идейному наследию, наследию советской философии, советской философской мысли. И об этом тоже нужно написать. И вот, если говорить о задачах журнала, то, в частности, одну из его задач мы видим в том, чтобы публиковать такие аналитические статьи, публикации, связанные с историей советской философской мысли.

Это одна из задач, важная задача, которая, по-моему, поможет нам разобраться с тем, что мы имеем, как мы пришли к такому состоянию, в котором мы оказались,

и вместе с тем осознать то наследие, то лучшее, что мы все-таки имеем, то, что мы создали, наши советские философы даже в эти тяжелые годы, о которых многие здесь выступавшие говорили.

Но я хотел бы немножко сейчас перебросить мост от разговора об истории философии вообще и об истории советской философской мысли в частности, к тому, что мы имеем сейчас, и к тому, что нам необходимо делать сегодня и, может быть, завтра.

Мне бы хотелось высказать несколько мыслей, может быть, спорных, о том, как меняется статус философии сегодня и как он, может быть, будет меняться в будущем.

Здесь много было разговоров о вечных философских проблемах, которые действительно существуют, которые всегда были и будут в центре философской мысли. Говорили о том наследии, которое философия имеет и которое она должна хранить, о том, что есть масса поисков, находок, решений, которые мы просто плохо знаем, которые нужно изучать.

Но я хотел бы сказать также и о том, что, как мне представляется, в философии происходят важные изменения и важная трансформация, связанная с изменением ее отношения к обществу, к человеку, к науке, к культуре. И с этим, по-моему, тоже нужно будет считаться в далеком и в ближайшем будущем.

Кажется, Пиама Павловна Гайденко сказала о том, что философия вообще возникает в критических ситуациях. Это правильно, потому что философский поиск связан с критическим осмыслением тех стереотипов, тех догм, которые сложились, и с необходимостью отказа от них, с необходимостью поисков новых каких-то оснований для деятельности и для жизни. Так было в прошлом, так было всегда. Вот если сравнивать те ситуации, которые были в истории общества, в истории культуры, с теми ситуациями, которые складываются сегодня, которых

можно ожидать в будущем, мне представляется, что здесь есть некоторые интересные изменения, связанные с тем, что сейчас мы вступаем в тот период общественного и культурного развития, когда не просто на смену одним стереотипам могут приходить иные стереотипы, а когда в рамках некоторых вариантов, в рамках некоторых абсолютных ценностей будет постоянно осуществляться творческий поиск. Мы вступаем в этап творческого общества. В этой ситуации роль философии становится совершенно уникальной. Гораздо больше даже, чем она была в прошлом. Потому что разработка любой новой программы деятельности познания, культурного строительства предполагает ныне в большей мере, чем раньше, ее философское обоснование, то есть соотнесение с коренными человеческими устремлениями, потребностями, интересами.

Здесь без философии просто обойтись невозможно. Поэтому, если сейчас нам ясна роль философии в процессе перестройки нашего общества, в который мы вступили, то, я думаю, что в недалеком будущем, когда какие-то неотложные задачи будут решены, а они, я думаю, будут решены, эта вот важность именно философского фундирования, обоснования всех этих новых программ поведения, деятельности познания будет гораздо больше, чем она есть сейчас.

То есть в этом смысле философская нагруженность культуры будет только повышаться и расти, и вот к этому нужно уже готовиться.

Я хотел бы обратить внимание на то, что масса вечных проблем, оставаясь вечными, сейчас выступает в новых ракурсах. Вот и те решения, которые нами уже найдены и которые нам кажутся чем-то самым очевидным, они не исключают, а предполагают новый поиск именно в области анализа этих вечных философских проблем...

Ну, скажем, проблема сознания. Вечная философская проблема, вечная тема. Какие-то исходные принципиаль-

ные пункты понимания ее нам ясны. Но вместе с тем сейчас столько нового материала, столько новых ракурсов обнаруживается в ее анализе, а это связано и с пониманием человека, что ясно, что нужно новое философское исследование всех этих вещей. То есть масса проблем, которые еще ждут своего философского анализа. И их исследование в прошлом не исключает того, что мы должны по-новому подходить к этим вещам. Это касается и человека, и других вечных философских проблем, которые, оставаясь вечными, тем не менее остаются для нас, в каком-то смысле, вечно загадочными.

И пока жив человек, эти проблемы будут существовать, и, в этом смысле, я думаю, что для философского поиска, для философского анализа существует масса возможностей в этом отношении.

Я хочу сказать о науке. Сейчас складывается новый образ науки, ее отношения к человеку, к миру, к технике... Образ, отличный от того образа, который сложился в философской науке, начиная с XVII ст. Это вещи, которые только-только, так сказать, начинают осмысливаться учеными, философами, науковедами. Здесь вообще масса возможностей для философского поиска.

Я думаю, что важная роль нашего философского журнала состоит в том, чтобы направлять наших философов на анализ таких проблем, которые интересны не только для философов, а для широкого круга современной интеллигенции, для всех тех, кто творчески думает, мыслит, кого волнует судьба нашего общества, нашей современной культуры.

Здесь масса возможностей для дискуссий, для обсуждений, которых должно быть очень много. Все темы очень острые, дискуссионные, спорные, не все здесь ясно. Вот, я думаю, что, если говорить о судьбах нашего общества, о судьбах социализма, судьбах философии, то здесь одно связано с другим. Я считаю, что для философии необхо-

дим тот тип социальной структуры, который мы сейчас начинаем создавать, и вместе с тем перестройка в ее, так сказать, глобальном измерении, в ее таком глубинном смысле, она невозможна без какого-то глубокого философского анализа и обоснования.

Для застойного общества философия не нужна. Не нужна. В эти годы были философы, интересные, которые работали, но им было трудно, тяжело, об этом сегодня все рассказывали, потому что объективно, так сказать, в них не было необходимости.

Вместе с тем то общество, которое мы сейчас строим, без философии обойтись просто не может.

И.Т. Фролов. Да, это самое главное, мне кажется, это очень сильно подчеркивает и то, почему такое оживление господствует у нас сейчас и среди философов.

Я бы хотел, может быть, подчеркнуть то, что сказал здесь Владислав Александрович по этой проблеме, которую мы так обобщенно называем философия науки, это ведь сейчас очень важно – философские, социальные, этические проблемы науки. Это целое направление развития философии у нас сейчас, есть свои традиции, открывается действительно необозримый простор для нового творчества.

Но, видите ли, мы тоже философски должны отнестись к тому, что сейчас происходит такое оживление интереса к прошлому. В связи с выходом ряда художественных произведений, таких как «Белые одежды», – я, помнится, рецензировал этот роман перед публикацией – или «Зубр» Градина, они оживили интерес к прошлому, ко всему тому, что связано, в частности, и с трудным развитием генетики, и т.д. И тут вдруг мы наблюдаем такой, правда, несколько запоздалый взрыв негодования в отношении философов. Ведь не говорят, что такие-то и такие-то философы выступали против генетики, а говорят просто «философы» и т.д.

Но, я еще раз повторю, мы здесь должны проявить выдержку, спокойствие. Мы-то ведь знаем одновременно и тех, кто пишет об этом, и почему. Потому что, когда обращается этот гнев против философов, то он направляется ведь в основном, против людей этого поколения.

И мало кто знает, что как раз это поколение философов выросло на критике тех, кто критиковал генетику. А видите, уже нам немало лет, ну за исключением наших женщин, конечно, а такой стереотип существует. Понимаете?

Я еще раз повторяю – мы-то, наше поколение, взяли на себя тяжелейший труд этой борьбы, в том числе и с этими философами, которые негативно оценивали генетику, и мы сами попали в довольно деликатное положение, потому что работа эта, она для нового поколения почти не существует.

Ну и бог с ней... Надо все-таки знать, что именно в журнале «Вопросы философии», где сейчас так интересно начинает работать Владислав Александрович, именно в журнале «Вопросы философии» после этих печальных всех событий впервые, например, была опубликована в 57-м году статья Дубинина. Он вообще, кажется, первый раз публиковался вот в такой широкой печати и сразу в философском журнале. Сразу после этого открылась дискуссия по философским проблемам генетики, и мы публиковали в то время статьи «за» и «против». Но мы-то видели большой, большой шаг вперед в том, что мы стали публиковать статьи против тех философских установок, которые негативно оценивали генетику.

Эта работа велась на протяжении очень многих лет. Очень многих лет. И мы потом к этому возвращались неоднократно. Но это и дает нам основание сейчас, в том числе моральное, о чем я говорил перед этим, но, главное, что научное, двигаться дальше в анализе очень многих сложнейших проблем, которые возникают в развитии, скажем, той же генетики. Генетика человека порождает массу философских, социальных, этических проблем. Генная инженерия,

биотехнология – это то, что грозно стучится в двери общества. Мы еще не осознаем в полной мере, какие угрозы здесь могут быть для человечества. Это угрозы более коварные, более сильные, чем даже ядерные, чем Чернобыль и т.д.

Вот Борис Григорьевич Юдин. Мы с ним вместе много занимаемся этой проблематикой, и, наверное, будет интересно послушать его. Большие есть такие контакты с учеными других стран, с американскими учеными в решении этих проблем. Это глобальные проблемы действительно. И, наверное, очень интересно будет послушать, как на этом направлении у нас сейчас идет развитие нашей философии.

Б.Г. Юдин. Я хотел бы сначала вернуться несколько к истории взаимоотношения философии и науки в нашей стране и к тем спорам, которые идут сегодня с особой остротой относительно роли философии в развитии науки. И я представляю себе дело так, что до сих пор еще остается неизжитой такая установка, такое понимание философии как идеологического надсмотрщика, который должен следить за тем, как в науках блюдетсч чистота нравов.

Каждый день приходится сталкиваться с такого рода вещами, причем когда-то надо было бороться за то, чтобы идеологическая санкция философов не была отрицательной, не была разгромной. Потом времена менялись, и, в общем-то, философы давали добро каким-то естественнонаучным теориям, но я думаю, что нынче уже прошло время и таких установок, что нынче вообще вопрос не должен так ставиться, что философия дает одобрение или какие-то негативные санкции предъявляет по отношению к каким-то конкретно-научным теориям.

Мне кажется, что это обстоятельство еще надо как-то пережить, как-то более основательно выразить, и только на новой основе можем переходить к тому, о чем Иван Тимофеевич говорил: к такому сотрудничеству уже более значимому, перед лицом вот тех серьезных проблем, которые встают сегодня

перед человечеством в ходе развития науки, в ходе научно-технического прогресса.

Действительно, мы совместно с Иваном Тимофеевичем занимаемся этой темой – этика науки. В частности, особенное внимание мы уделяем этике биологических наук, и сейчас намечаются какие-то плодотворные, интересные контакты с американскими учеными. И не только с американскими, западными учеными. Вот недавно как-то была у меня встреча с французским ученым Люсьеном Сэвом, который тоже занимается этими проблемами.

И.Т. Фролов. Люсьен Сэв – марксист.

Б.Г. Юдин. Да, марксист, который входит в состоящий при французском президенте Консультативный комитет по этике в науках о жизни и здравоохранении.

Вот такого рода уже практическая работа, где какие-то новые, по-моему, грани проявляются в сегодняшней роли философии. Это практическая работа в решении этих проблем, выдвигаемых на повестку дня научно-техническим прогрессом.

Здесь необходимо какое-то сотрудничество философов с естественниками и с лицами, принимающими политические решения. Здесь необходима какая-то такая широкая междисциплинарная экспертиза новых научно-технических решений, в том числе и решений, которые затрагивают непосредственно само будущее человека.

И какой-то мы сейчас изучаем зарубежный опыт в этом отношении. Сейчас очень интересно то, что оживляются обсуждения этих проблем, и не только в философской литературе, но и в публицистике, в литературно-художественных журналах.

Я думаю, что здесь какая-то создается уже почва для таких контактов философов с, так сказать, «мирскими людьми», что ли, которые необходимы если поддержать ту мысль,

которую развивал Владислав Александрович, которые необходимы, в общем-то, для дальнейшего развития такого общества, где человек оказывается самоцелью, а не просто средством, как это нам приходилось наблюдать в прошлом.

И.Т. Фролов. Да. Ну, мы знаем, что все то, о чем Вы говорили здесь, оформляется в такую более широкую программу исследования философских и социальных проблем науки и техники. И эта такая комплексная программа, и мы знаем, что активную роль здесь сейчас играет Институт философии и коллектив, который возглавляет Вячеслав Семенович Степин. Кстати, мы его все можем поздравить – он недавно избран членом-корреспондентом Академии наук, и мы желаем, чтобы было очень большое плодотворное продвижение в исследовании этой программы, которая им развивается.

Как Вы можете оценить это?

В.С. Степин. Ну, прежде всего, я скажу, что тут Иван Тимофеевич поскромничал. Эта программа очень обширна, и я подчеркиваю, что наш институт только один из исполнителей, тут очень широкая координация.

И.Т. Фролов. Вот когда мы будем делать программу, то еще будем смотреть, сейчас пока так.

В.С. Степин. Я хотел бы сказать здесь, прежде, чем говорить конкретно об этой важной программе, что сейчас нужен анализ очень многих аспектов современной социальной жизни с философских позиций, и вот научно-технический прогресс – это один из ключевых аспектов нашей жизни вообще.

Было время, когда в эпоху Просвещения философы и мыслители считали, что сам по себе научно-технический прогресс будет тем конечным благом, которое улучшит, значительно улучшит состояние человеческих дел, что он обеспечит изобилие человеку, что можно в этом смысле из природы, как из такой кладовой, черпать бесконеч-

но много, и в этом смысле прогресс в снабжении человека различными веществами, энергией и так далее может быть бесконечен, никаких проблем здесь особых нет.

Полагалось далее, что сама ориентация на науку, на научное мышление обеспечит лучшую коммуникацию людей, лучший образ их жизни, лучший способ их общения, но вот прошло время, примерно двести лет после этой программы просветительской, и оказалось не все так просто.

Выяснилось, что природа совсем не та бесконечная кладовая, откуда все можно черпать, столкнулись мы и с экологическим кризисом, и с проблемами, когда нужно сбалансировать развитие производства с охраной окружающей среды, с целым рядом гуманистических параметров, и сейчас вот вокруг этого идет реальная социальная борьба.

Гуманистически не обоснованные технические проекты – мы знаем, какое социальное зло они несут и какие пагубные последствия дают для жизни человека.

И выяснилось, что само по себе научное мышление вовсе не обеспечивает оптимальные человеческие коммуникации, а более даже наоборот. В этих условиях раскручивания, так сказать, ускорения научно-технического прогресса возникает совершенно новое отношение людей. Постоянно возникают те самые стрессовые ситуации, о которых говорилось, рвутся привычные традиции коммуникации, облик общества меняется.

И вот это все надо изучить, это все надо исследовать, это и есть задачи, которые ставит перед собой эта программа.

И облик науки сам меняется, вот Владислав Александрович об этом говорил, тоже мало изучено. Мы часто очень подходим к современной науке по меркам науки даже начала XX ст., а она сейчас не такая, и проектировочная инженерная деятельность сейчас не такая. Я просто приведу один пример: раньше, когда инженер-проектант работал, он проектировал техническое средство, в лучшем случае,

какие-то технические параметры, эргономические параметры, а сейчас требуется не только это. Вот проектируется некое техническое средство, одновременно учитываются и экономические, и социально-психологические параметры. Одновременно нужно еще учесть экологические воздействия в реализации этого технического средства, крупные технические проекты, проблемы охраны окружающей среды. В очень значительной мере нам приходится иметь дело уже не просто с техническим средством, а со сложнейшей системой – техническое средство плюс человек, плюс окружающая среда, плюс социальная среда, и все это вместе. Кстати, эти проблемы у нас, в нашей литературе отрабатываются, у нас очень интересные есть истории, техники и люди, которые занимаются философией техники, и вот системы там отрабатываются. Я хотел бы только подчеркнуть, что возникает непонятный феномен, с точки зрения старых образцов инженерно-технической деятельности.

Мы имеем дело не столько с массовыми проектами, сколько с уникальными, потому что каждый массовый проект всегда подвязывается к конкретной среде, конкретной обстановке и к конкретной экологической обстановке.

Меняются все параметры – социально-психологические, экологические, естественные, техническо-научные. Все сплетаются в единый комплекс, возникает совершенно новый этап взаимодействия наук, совершенно новые ситуации, где гуманистические аспекты научно-технической деятельности просто выходят естественно на передний план.

Вот эти все ситуации современной жизни очень остро ставят перед нами и мировоззренческие проблемы. Здесь возникает несколько типов решений. Все те пагубные отрицательные последствия, которые связывают сейчас иногда с научно-техническим прогрессом, они есть. Это и оружие

массового уничтожения, и проблема выживания, возникающая в связи с этим и в связи с экологическими кризисами, которые вызывает безудержное, негуманизированное производство, и в связи с самой проблемой коммуникации человека, бытия человека в этом мире. Это все проблемы, которые вызвало ускорение научно-технического прогресса, философские социальные проблемы, их надо обсуждать, их надо решать.

Многие пытаются увидеть решение такое: давайте ограничим научно-технический прогресс, давайте мы возложим ответственность за это все на науку и умерим ее пыл и ее развитие.

Совершенно ясно сейчас, что вне современного ускорения научно-технического прогресса мы не можем решить и наших социальных задач, и задач перестройки и вообще развития социалистического общества. Значит, эта проблема должна решаться на таких путях, что мы обязаны просто видеть в научно-техническом прогрессе ценность, и он таковым и является. Я, например, очень скептически отношусь к таким экологам, которые считают, что надо сделать так, чтобы поставить барьер развитию производства. Вот, допустим, проекты Римского клуба: выдвигается некий энергетический барьер, выше которого уже нельзя ничего делать, в биосферу выбросы выше этого барьера уже будут разрушаться. Но мы же как философы должны понимать, что за тип общества за этим стоит, ведь это значит, в конечном счете, жесткое нормированное потребление всего, а это уже определенный тип социальных отношений. Значит, речь идет не о том, чтобы ограничить научно-технический прогресс, умерить его, где-то сдержать его, а о том, чтобы искать для его развития такие пути, такие варианты и возможности, которые увязываются с нашими гуманистическими ценностями, чтобы гуманизировать его.

И.Т. Фролов. Безотходная технология.

В.С. Степин. Безотходная технология, совершенно верно, только с помощью научно-технического прогресса можно решить порожденные им проблемы, вот так ставится этот вопрос.

В.Ж. Келле. Нужно иногда ведь и поставить барьер для тех, кто вообще зарвался.

В.С. Степин. Вот в этом я согласен.

Н.В. Мотрошилова. Барьер, который потом будут снимать. Неизвестно почему снимать барьер, если речь идет о совершенно неразумных проектах.

В.С. Степин. Нелли Васильевна, мы совсем о другом сейчас говорим, мы говорим вообще о сдерживании научно-технического прогресса. Это одно дело, а другое дело – это критика гуманитарно необоснованных технических проектов сегодняшнего дня, которые приносят вред. Эта критика должна идти, и им не только барьер ставить, эти проекты вообще искоренять надо. Я так считаю.

В этой связи я хочу завершить свое краткое выступление и еще раз вернуться к обсуждению того, что, собственно, делает философия, для чего она нужна.

На этом примере развития научно-технического прогресса мы видим, что, когда мы начинаем глубоко и внимательно анализировать его последствия, мы сталкиваемся с какими-то странными вещами. Мы анализируем науку, технику, а сталкиваемся с человеком, с проблемами его места в мире, его коммуникациями, его способами жить, его ценностями. Вот философия – это всегда вот это: за что бы она ни бралась, что бы она ни анализировала, за этим всегда стоит человек и его ценности. И чем мы больше будем поспешать, так сказать, в направлении тех задач, которые ставит перестройка, тем резче мы должны заострять эти вопросы. Мы говорим о пространстве, о времени, о Вселенной, о жизни, о бытии – мы везде сталкиваемся с человеком и его ценностями. Нужно очень

четко видеть те идеалы, те ценности, за которые человек воевал.

И.Т. Фролов. Ну, по-моему, мы все вместе так четко это обозначили – в девизе нашего конгресса, Международного конгресса по логике, методологии, философии науки, который проходил в августе прошлого года. Помните – человек, наука, гуманизм – вот это, так сказать, наша марксистская позиция, и что интересно, что она приобретает сейчас всеобщее значение. Ученые и философы из очень многих стран мира с воодушевлением поддержали, по крайней мере, в такой общей форме сформулированный подход, и он приобретает общенаучное значение. Это очень важно, так же, как важна сейчас и борьба против таких вот технократических подходов. Я думаю, что профессор Ракитов Анатолий Ильич, он нам лучше расскажет об этом, он хорошо это изучает. Как Вы считаете сейчас складывается ситуация, Анатолий Ильич, в этом плане и соответственно, какую роль здесь играет и может сыграть марксистско-философская мысль в прокладывании новых путей по этим направлениям?

А.И. Ракитов. Хорошо, Иван Тимофеевич, я думаю, что Вы не будете возражать, если всю программу, которую Вы поставили, которая мне очень близка, просто рассмотрю на конкретном примере. Это пример, по моему убеждению, судьбоносный для нашей страны, для человечества, пример, который вскрывает суть происходящих сейчас процессов.

Гегель любил повторять старую латинскую поговорку, что «сова Минервы вылетает в сумерки». Он имел в виду, что, когда возникает какая-то принципиальная глубинная неясность, которую не могут прояснить ни физика, ни химия, ни математика, ни другие науки, нужно очень мощное продуктивное творческое мышление. Вот сейчас такая неясность существует, и не только в нашей стране, в масшта-

бах всего мира, и связана она с тем, что человечество сейчас находится на одном из самых сложных, самых трудных и, не берусь судить, может быть, даже трагических рубежей. А, может быть, если мы правильно возьмем рубеж, то он окажется рубежом к самому замечательному будущему. Здесь оказывается, что рубеж берется техническими средствами, и выбор средств, цели, их подготовка, оценка целиком, как оказывается, вообще зависит от других. Это не моя точка зрения, это точка зрения мирового научного сообщества, и я хочу привести один пример.

Вот в ноябре в Англии состоялся юбилей английского Общества информационных работников, выступал там знаменитый программист классик Джозеф Вейценбаум, и все ждали, что он будет говорить о новых программных методологиях, а говорил он о социально-философских проблемах процесса информатизации.

И.Т. Фролов. Как у нас на Международном конгрессе Илья Пригожин, лауреат Нобелевской премии, он тоже много занимается и говорит именно об этих проблемах больше всего. Он даже сейчас, по-моему, больше известен в мире как философ.

А.И. Ракитов. Точно. А там кто это поймет. Я, вообще, должен сказать, что это очень важная вещь, потому что я сам в жизни много учился – на трех факультетах – и, в общем, в конце концов, отошел и от математики, и от истории. Я целиком замкнулся на философии и чрезвычайно доволен.

Вот есть проблема, проблема в том, что когда-то человечество совершило аграрную революцию, потом была индустриальная революция, сейчас мы стоим на грани информатизации общества, и это означает, между прочим, вот что.

Это означает, что при сохранении всего индустриального главным продуктом и главным национальным ресурсом каждого общества становится информация. Главным, я подчеркиваю.

Например, чтобы было понятно: вот мы развиваем классические отрасли машиностроения. В общем, правильно, что надо развивать машиностроение, но какое? Вот мы построили на два с половиной миллиарда станков с числовым программным управлением, получили за все это шестьдесят тысяч прибыли – это данные из нашего журнала. То есть прибыль – меньше сотой доли процента. А почему? А потому что нужно знать, какое машиностроение надо развивать, когда вступают в стадию информационной технологии.

И пример самый простой: килограмм стали стоит по международному исчислению семь копеек, килограмм автомобиля стоит около десяти рублей, килограмм самолета – около ста рублей, а килограмм интегральных схем чипов для компьютеров стоит примерно десять тысяч рублей. И вот это показывает, какую огромную роль играет информационная технология.

Сейчас в мире производятся компьютеры, которые нам не снились, а ведь отсюда вытекает проблема искусственного интеллекта.

Может человек считать компьютер соперником или нет? Вопрос это какой – технический или философский? Вы знаете, ведь тут спорят философы и техники во всех странах. Должен сказать, что с переменным успехом, но вот все аргументы, которые консерваторы последовательно выдвигали, часто рушатся.

Буквально несколько месяцев назад вошли в строй настольные компьютеры с триллионной, двадцать триллионов в секунду, производительностью. Это переворот, третья компьютерная революция.

Я не буду называть эти цифры, это просто потрясение, так сказать. Что это значит? Это значит, что наше общество вступает на путь информатизации, вот это надо осознать. Интересно, что осознание это идет через философов.

В.С. Степин. Не только, не только. Вот в нашей стране специалисты по информатике внесли большой серьезный вклад.

А.И. Ракитов. Нет, в развитии технологии – это безусловно, но вот концепцию...

И.Т. Фролов. Но мы согласимся так: когда ученый ставит эти проблемы, то он сразу становится философом. В этом смысле Анатолий Ильич прав, и Вы тоже.

В.С. Степин. Ну, на время и по этим вопросам.

А.И. Ракитов. И, кстати, надо сказать, что у нас ведь возникло так: я, например, лично с этим вопросом обращался ко многим руководителям информационной индустрии, которые очень индифферентно относились. И только когда я написал после статьи в «Правде» большую записку, передал Ивану Тимофеевичу как президенту Философского общества, то вот сейчас дело вышло на уровень государственной программы. Вот со дня на день должно быть подписано решение президентом академии Марчуком, председателем Государственного комитета информатики, о разработке советской информатизации общества. Это, конечно, вклад нас, философов, тоже, и я хочу сказать, что вот здесь проблема технологизма, антитехнологизма очень четко прослеживается. Вот здесь как раз пункт, где пересекаются философские, социологические, экономические вещи, и завязываются они на том, как пойдет техника, что даст техника, даст она счастье или не даст, по-разному.

Вы знаете, что в Германии техника очень развивалась, техника прекрасно уживается с фашизмом.

Значит проблема заключается в том, что ориентиры для техники ценностные должны выработать широкую классовую концепцию.

И.Т. Фролов. Хорошо, спасибо, Анатолий Ильич. Мне кажется, очень много интересного здесь в постановке этих проблем Вы высказали. Я думаю, что мы так много уже го-

ворили о роли философии, философов и начали-то вначале очень скромно, самокритично, и если уж не самобичеванием занимались, то где-то на грани этого. Ну а теперь по ходу дела все мы уже переводим в другую плоскость, и вот у Анатолия Ильича получилось так, что прямо философу надо уже на высоту. Это, конечно, не так, и мы еще и еще раз должны подчеркнуть самокритично, что только очень ничтожную, малую часть мы пока сделали из того, что нужно сделать. Роль каждого из нас должна неизмеримо возрастать в постановке этих проблем, мы не должны ни в коей степени переоценивать свои усилия, каждый из нас должен быть в меру скромным, самокритичным, показывать в этом смысле пример другим. Я думаю, что, наверное, мы могли бы как-то уже завершать нашу первую беседу. Я уверен, что каждому из нас еще многое хотелось бы сказать, и каждый из присутствующих здесь будет иметь возможность выступить по проблемам своей специальности, а в философии много специальностей, об этом мало кто догадывается. Каждый скажет все то, что он хочет, мы расскажем и о некоторых работах, действительно уже проведенных, интересных работах, но, я повторяю, в большей степени, может быть, будем ориентироваться на такую критику, потому что речь действительно сейчас идет о необходимости глубокой перестройки.

Мне кажется, что в продолжение того, о чем сказал Анатолий Ильич, мог бы нам много интересного рассказать Эдвард Артурович Араб-Оглы, который много и плодотворно занимается этой проблематикой в таком философском аспекте.

Я должен сказать, поскольку эта тема у нас поднималась, что постановка этих проблем – видение будущего в аспекте глобальных проблем – сейчас очень часто связывается, скажем, с деятельностью Римского клуба и прочими.

Но, по-видимому, мало кто знает, что и эти проблемы одними из первых ставили марксисты. Например, еще

в 1961 г. журнал «Проблемы мира и социализма», где в то время работал и я, и Эдвард Артурович, провел такой «Обмен мнениями» на тему «Какое будущее ожидает человечество?» Это было в Чехословакии, в Руаямоне. И там участвовали в дискуссии очень крупные ученые, занимающиеся тем, что мы сейчас называем глобальными проблемами. И я повторяю, это была инициатива марксистов. Потом там же по материалам этой конференции была издана книга «Какое будущее ожидает человечество?»

Вот вам один из примеров того, как в эти годы проявлялась инициатива, и пример того, как потом эта инициатива глохла, потому что в последующие годы все эти работы отошли на второй, на десятый план, и только уже в начале и в середине 80-х гг. они вновь вернулись в науку и вновь начали ставиться философами, и в том числе марксистами, но что интересно – уже со ссылками на деятельность Римского клуба. Я ничего плохого о нем и о его деятельности не хочу сказать и много сам изучал её. Но очень часто сейчас нам говорят – хорошо, Вы теперь стали говорить об этих проблемах, вслед за Римским клубом. Да как же, если этого Римского клуба еще и в зародыше, что называется, не было, еще Печчеи зарабатывал те миллионы на «Фиате» в качестве менеджера, которые он потом пустил на финансирование этого Римского клуба. Так, Эдвард Артурович?

Э.А. Араб-Оглы. Я позволю начать свое выступление с известной цитаты Маркса из письма к Энгельсу. Обращая внимание на неравномерность общественного прогресса, Маркс писал, что в истории бывают такие периоды, когда двадцать лет значат не больше, чем один день. С точки зрения масштабов и значения. А бывают такие дни, которые значат двадцать лет.

Вот период застоя мы можем сравнивать с первым периодом, когда проходят десятилетия без таких больших

перемен в обществе. А вот дни, которые мы сейчас переживаем – период перестройки, демократизации, гласности, обновления общества – это такие дни, каждый из которых по своему масштабу может быть сравним с десятилетиями человеческой истории.

И вот, с этой точки зрения, если смотреть в будущее, то мы видим, как надвигается будущее. Но надвигается, так сказать, не равномерным таким темпом. А вместе с тем дает себя знать такой закон, который тоже сформулировали марксисты. Это ускорение ритма истории.

Чем ближе мы сейчас приближаемся к 2000 г., тем больше и больше происходит событий.

Можно привести много примеров, когда марксисты, и в том числе философы, многое предвосхищали из того, что происходит сейчас. Я приведу такой пример. В 1967 г., двадцать лет тому назад, вышла книга Германа Кана, американского футуролога, «Двухтысячный год. Следующие 33 года». И вот недавно я просматривал сценарий, там есть сценарий на 80-е гг. Такие стандартные сценарии, он их называет «нестандартные».

Единственное, чего он не предусмотрел, это того, что сейчас состоится встреча в верхах, разрядка напряженности и атомное разоружение.

По его мнению, должно быть постоянное увеличение количества держав, владеющих оружием, и накопление атомного оружия.

А вот уже в 60-е гг., скажем, был такой проект предпочитаемого, в котором ученые, так сказать, договариваются влиять на руководителей государств, и те приходят к подписанию договора о запрещении атомного оружия и его ликвидации.

Это примерно должно было произойти где-то в середине 80-х гг.. Тогда, когда писалась эта программа, это казалось нереальностью. Это стало реальностью сейчас, а тогда это было

лишь сюжетом для политического фантастического романа, кстати, вот он, вероятно, скоро выйдет в свет.

Ну вот, будущее всегда коренится в настоящем, будущее не из чего строить, как из настоящего, а вместе с тем будущее влияет на настоящее. Его еще нет, а оно уже влияет, и влияет оно, главным образом, через сознание людей, через то, каким люди представляют себе это будущее. Поэтому мы придаем такое большое значение сознанию человека. Когда в философии говорят о сознании, иногда кажется, что это оторвано от жизни, а на самом деле сознание – это могучая сила. Хотя с помощью сознания человек не может даже заставить заколыхаться листок на дереве, которое находится рядом, он не может, допустим, с помощью одного усилия сознания сдвинуть какой-нибудь небольшой камешек, но зато есть единственная материальная сила и реальность, которую можно с помощью сознания двигать, – это сам человек. С помощью сознания можно привести в движение огромные массы, считали основоположники марксизма, сознание становится материальной силой, поэтому и мы говорим о величайшей роли человеческого фактора, потому что это материальная сила, которая приводится в действие сознанием. И в этой связи, конечно, я считаю, что сейчас самые большие проблемы, которые стоят перед философами, – это те же проблемы, которые стоят перед каждым человеком, это проблемы смысла жизни.

Будущее приближается, ускоряется ритм истории, и мы живем в уникальный момент истории. Раньше, в прошлые эпохи, например, история двигалась медленно, а человеческая жизнь протекала сравнительно с ней быстро. Поэтому человек часто не мог осознать движение истории, и его непосредственные усилия сказывались очень нескоро и слабо. А сейчас мы живем в эпоху, когда ритм человеческой истории и ритм биологической жизни человека как бы протекают в одном примерно временном ключе. Поэ-

тому все больше мы можем говорить о том, что история начинается с биографии индивидуального человека, а раз это так, то тогда все больше возможностей у каждого человека вплести свою жизненную нить в ткань этой истории.

Причем не только для выдающихся великих личностей, но и для всех самых простых людей. Поэтому надо, чтобы каждый человек осознал это и тем самым искал смысл своей жизни, а философия помогла бы ему обрести смысл этой жизни, потому что жизнь без смысла не придает человеку достоинства. А сейчас весь смысл даже нашей перестройки, демократизации и гласности и в экономической сфере, и в социальной сфере, и в политической сфере, по-моему, состоит в том, чтобы придать как можно больше достоинства человеческой жизни, человеку, его месту на Земле, и, конечно, спасти наш мир, нашу планету для человека и для жизни.

Вот, собственно говоря, что я хотел сказать. Философия, конечно, наука непростая, интересная, я позволю себе закончить одной только маленькой репликой.

Я могу согласиться, что престиж плохой философии упал, престиж плохой философии, ее преподавание, ее изложение во многих книгах стоит на крайне низком уровне, но престиж философских знаний, престиж вообще философии стоит высоко. Об этом свидетельствуют очень многие книги. Скажем, возьмем Философский энциклопедический словарь, он издан сотнями тысяч экземпляров, но его невозможно купить. Другие справочные философские издания трудно приобрести.

Вот серия «Философское наследие», скажем. Когда начиналась эта серия, двадцать с лишним лет назад, тиражи классиков были пять с половиной тысяч экземпляров, сейчас они достигли двухсот тысяч экземпляров. Поэтому проблема сейчас, мне кажется, стоит таким образом, что престиж философии высок, а философы должны стать достойными этого высокого престижа.

И.Т. Фролов. Хорошо. Это некоторое такое резюме того, о чем мы говорили, и я думаю, что это и должно быть началом наших следующих бесед, и я хотел бы только в заключение сказать, что эти беседы мы будем строить уже по отдельным конкретным, наиболее острым проблемам. Может быть, меньше заниматься рассуждениями о том, что нам надо делать, а больше уже показывать в действии, так сказать, работу философии. В этой связи мне хотелось бы сказать вот что. Что делать – это, пожалуй, сейчас уже каждый философ может порассуждать и дать на эту тему ответы. И это ясно и четко сформулировано даже в отношении к перестройке и, соответственно, что нужно в процессе перестройки делать нам для изменения качества, изменения положения дел в философии.

Есть документы, в которых это хорошо сформулировано. Это не только решение XXVII съезда, но, Вы помните, было специальное постановление ЦК КПСС о журнале «Коммунист», и там есть четко сформулированные задачи, направления, по которым должна развиваться философия. Это не является чем-то таким, что нам, так сказать, декретировано сверху, это то, что выросло изнутри философии, это наши задачи, это наши внутренние задачи, но они вынесены уже и как задачи политики.

Так что, что делать – это нам, в общем, более или менее ясно, ясно, конечно, для чего мы это все делаем. Это мы обозначили, и, в общем, все здесь выглядит довольно отчетливо. Мы делаем это для продвижения дела социализма, мы делаем это для основного, главного предмета нашей философии – именно, для развития человека, для утверждения его высоких идеалов, нравственных ценностей, его развития, развития его сознания, мировоззрения и так далее.

В общем, слушая здесь не первый раз, конечно, всех наших философов, я мог бы сказать, что ясно более или

менее и как надо делать. Каждый давал определенные ответы, как это нужно делать, но, мне кажется, остается вопросом вопросов, кто будет делать.

Сейчас самое главное, кто будет все это осуществлять. Вопрос касается и нас, каждого из нас. Кто будет делать?

Мы будем делать это, нам надо это делать. Не надо уповать на кого-то, каждый из нас и все мы вместе должны реализовать те задачи, которые сейчас нам ясны. Мы должны позаботиться о том, это я считаю тоже одним из самых главных, мы должны позаботиться о том, чтобы вокруг нас, я обобщенно так говорю «нас», имея в виду не только присутствующих здесь, я говорю о нынешнем поколении людей, работающих в области философии, чтобы вокруг нас спланировалась молодежь, выросли новые интересные философы, которым, по-видимому, будет легче, мы так надеемся на то, что будет легче. Они не будут обременены всеми теми недостатками, которых у нас очень много, и причины наших недостатков известны. Известно тоже, как они появились, откуда и личная, в том числе, ответственность у нас за это есть, это, безусловно, так. Но нам надо надеяться и нам надо работать, больше работать с молодежью. Я думаю, что в наши передачи мы, может быть, будем больше приглашать молодежь, и не для того только, чтобы она слушала, но и для того, чтобы она активно участвовала. Конечно, это большая ответственность тем самым ложится на нас, но, как говорится в пословице «Кто в деле, тот и в ответе». Надо действовать и надо осознавать всю меру ответственности, которая ложится на нас сейчас, но не пугаться. В общем-то, это должна быть естественная работа, насыщенная, может быть, большим риском, но тем не менее интересная, увлекательная работа для всех.

Я думаю, поскольку и здесь мы сейчас открываем в каком-то смысле такое новое дело, то и построить наши пе-

редачи, философские беседы, мы попытаемся по-новому. Мы будем рассчитывать в очень сильной степени на замечания, советы наших слушателей. Нас надо критиковать, очень основательно критиковать, но нам надо и давать определенные советы. Мы будем отвечать на вопросы, которые возникают у наших слушателей, может быть, даже специально соберемся, чтобы только на вопросы отвечать. Вопросы любые, нет запретных тем, и показывать будем и то, что думают наши философы по этим острейшим вопросам современности. Мы будем стараться дать ответы. Вот на этом я хотел бы и закончить нашу сегодняшнюю беседу, спасибо.

Мировоззрение

В передаче принимают участие: писатель С.П. Залыгин, академик Н.Н. Моисеев, д-р филос. наук Н.В. Мотрошилова, академик Т.И. Ойзерман, митрополит Питирим, д-р филос. наук Э.Ю. Соловьев, чл.-кор. АН СССР В.С. Степин.

И.Т. Фролов. Здравствуйте, уважаемые товарищи, сегодня мы будем проводить вторую беседу, и эта беседа будет посвящена очень важной, как мы считаем, проблеме, проблеме мировоззрения. В каком-то смысле, сознание человека всегда является мощной движущей силой прогресса. Даже, можно сказать, прогресс измеряется, в известном смысле, ростом общественного сознания.

Все мы хорошо знаем, как возрастает технологическая мощь в современном мире, сила и значение науки, техники, но одновременно с этим, во все большей степени, возрастает роль важнейшего компонента общественного сознания, каким является мировоззрение. Без осознания смысла бытия, сущности человека и смысла его жизни, вообще-то, невозможны, по-видимому, какие-либо действия в этом мире, и практические, и трудовые, и всё то, что относится к социальной сфере. Ну и, в каком-то смысле, сознание человека является мощной движущей силой.

Мы знаем классическое положение о том, что идея (а значит, и сознание в целом), когда она овладевает массой, становится непреодолимой силой (это сказал Маркс). Мы знаем и о том, как Ленин в «Философских тетрадах» сказал, что сознание определяет бытие. Такое большое значение придавал Ленин общественному сознанию.

В особенности же велика роль сознания в мировоззренческой ориентации человека.

Возрастает роль сознания в современном, очень усложнившемся мире. Кроме того, человеку всегда нужны ясные, определённые цели и идеалы, которые мы можем получить, в том числе и от человека. Но не только от него, это я хотел бы подчеркнуть, не только от него. Дело в том, что мировоззрение человека как нечто целое формируется под влиянием различных сил, прежде всего, самой жизни. Оно формируется в результате уже простого общения ребенка с родителями, и далее переходит это на более высокие этажи общественного устройства: школа, вуз и все прочее.

Сейчас широко обсуждается проблема образования, перестройки школы, воспитания мировоззрения людей, то есть формирование общественного сознания людей. Вообще образование невозможно рассматривать вне воспитания, а важнейшим элементом воспитания является как раз духовное воспитание, нравственное воспитание. Но поскольку сам этот процесс является таким комплексным, и я сказал, что в формировании сознания, мировоззрения людей участвуют и разные сферы духовной нашей жизни, духовной культуры, то мы и пригласили сюда сейчас не только философов, но и представителей науки. Вот Никита Николаевич Моисеев является крупнейшим математиком, но одновременно и философом. Чтобы серьезнее обсудить проблемы, которые здесь возникают, мы пригласили сюда известного нашего писателя, главного редактора журнала «Новый мир» Сергея Павловича Залыгина. Литература наша несет также мировоззренческую нагрузку в обществе. У Сергея Павловича это проявляется в особенности ярко. Я немножко отвлекусь и, может быть, воспользуюсь случаем и поздравлю Сергея Павловича с тем, что

ему совсем недавно, буквально на этих днях, присвоили такое высокое звание Героя Социалистического Труда. Желаем новых успехов, Сергей Павлович, в Вашем творчестве и будем очень рады, если Вы скажете свое мнение на нашей встрече.

Но учитывая также то, что формирование сознания, мировоззрения происходит по разным направлениям и идет из разных источников, получает разные импульсы, мы знаем, что в современном мире и у нас в обществе в то же время много верующих, и они остаются ими после окончания школы, после получения образования. Это реальность. Это реальность, и эти люди, верующие люди, активно участвуют в процессе строительства нашего общества, нашей жизни, они являются активными сторонниками социализма, и, кроме того, наша церковь и наши верующие участвуют в политических наших делах, в частности в борьбе за мир, поэтому я с удовольствием представляю вам нашего гостя – митрополита Питирима. Я познакомился с ним как раз на одной из таких встреч «Международного форума за выживание и развитие человечества». Я думаю, нам интересно будет его мнение по тем проблемам, которые мы здесь обсуждаем. Кроме того, наш гость одновременно в каком-то смысле философ, поскольку он профессор и доктор богословия – почти философия – только на религиозный манер, так я считаю. Вот в таком составе, мне кажется, мы сможем или попытаемся, по крайней мере, с разных сторон подойти к этой проблеме и показать одну, мне кажется, главную, основную идею, что в современном мире без такой чёткой определенной мировоззренческой ориентации, понимания нашего мира, духовного мира современного человека просто невозможно нормальное, осознанное существование, да в каком-то смысле даже и выживание человечества, если это перевести во внешний план.

Я думаю, что вначале нам скажет несколько слов Теодор Ильич Ойзерман. Он занимается этими проблемами уже как профессиональный философ, а потом мы продолжим нашу беседу.

Т.И. Ойзерман. Мне хотелось бы начать свое выступление с небольшого полемического замечания, направленного в адрес нашей Советской энциклопедии, где мы читаем, что мировоззрение – это совокупность научных, политических, правовых, нравственных и религиозных, эстетических убеждений людей. Как видите совокупность политических, философских, научных... религиозных, ну а ежели этой совокупности нет, если у человека есть религиозные убеждения, а научных нет, что у него, нет мировоззрения?

Или у человека есть глубокие нравственные убеждения и идеалы, а вот научных не хватает, и что, у него мировоззрения нет?

И.Т. Фролов. Я даже Вас, прошу прощения, прерву, а даже Вам скажу, что в одном очень авторитетном издании года два или три назад я прочитал следующую фразу, что, собственно говоря, человеком мы можем считать лишь того, кто обладает научным мировоззрением. Это, конечно, крайне удивительно, но мои родители, наверное, не были людьми, поскольку они были почти безграмотными. Понимаете?

Т.И. Ойзерман. Вот я и хочу в этом же духе, как и Вы, подчеркнуть, что мировоззрение – это вовсе не синтез всякого рода знаний, да и нет таких людей, которые могли бы объединять в себе это многообразие знаний, к тому же в данном определении речь идёт ещё и об эстетических взглядах, и этот момент, кстати сказать, в этом определении указан, поэтому оно не такое уж плохое, плоха только эта «совокупность всего и вся», а убеждение – это действительно центральный путь ко всякому мировоззрению.

И я полагаю, что мировоззрение, в сущности, есть не что иное, как главное жизненное убеждение, и это главное жизненное убеждение у учёного, естественно, – его научное убеждение, скажем, у естествоиспытателя. По самому смыслу слова «естествознание» или «естественная наука» мы можем сказать, что естественнонаучное мировоззрение – это мировоззрение, которое объясняет явления природы природными причинами, а ежели оно начинает апеллировать к сверхприродным причинам, оно перестает быть естествознанием, хотя, конечно, некоторые естествоиспытатели в некоторых случаях апеллируют и к сверхприродным причинам.

Я скажу даже больше, что, если мыслитель или просто человек, умудренный жизненным опытом, выдвигает определенную мысль, которая для него является центральной, которая определяет его поведение, он тем самым формулирует, в сущности, своё мировоззрение.

Ленин как-то говорил о том, что анархизм есть вывоченное наизнанку буржуазное мировоззрение. То есть Ленин определяет мировоззрение, в частности, в его особенной конкретной форме или противопоставляя интернационализм национализму, или говорит, что это не только противоположность политических линий, это также противоположность мировоззрений. И с этой точки зрения я бы полагал, что научное исследование проблематики мировоззрения, прежде всего, конечно, должно констатировать наличие различных типов мировоззрения. Я упомянул естественнонаучное, назову религиозное, есть, конечно, социально-политическое мировоззрение, буржуазное мировоззрение, коммунистическое мировоззрение, и я бы выделил также философское мировоззрение, которое, в отличие от естественнонаучного мировоззрения, в отличие от социально-политического мировоззрения, имеет дело не только с социальной

реальностью, оно является в этом смысле, пользуясь словами Энгельса, общим мировоззрением, охватывающим и природу, и общество. Но я бы даже подчеркнул также и то обстоятельство, что философия как мировоззрение есть теоретически обоснованное мировоззрение, то есть она не просто декларирует, не просто провозглашает, она так или иначе регламентирует, доказывает свои положения, и в этом смысле всякая философия, даже не научная, является исследованием, имеет форму научного мировоззрения. Хотя содержание, увы, может оказаться не научным, как это неоднократно бывало в истории общественной мысли, в истории философии.

Н.Н. Мусеев. В чем же тогда разница между теоретическим естествознанием и философией? Ведь теоретическое естествознание попадает тоже под Ваше определение.

Т.И. Ойзерман. Как я сказал, что есть мировоззрение, которое охватывает природные явления, которое может быть теоретическим, есть мировоззрение, которое охватывает социальные явления, и есть философское мировоззрение, которое Энгельс назвал общим мировоззрением, поэтому теоретическое, оно все равно остается научным мировоззрением, в той мере, в какой оно решает мировоззренческие проблемы.

И.Т. Фролов. Давайте мы тогда послушаем Никиту Николаевича как представителя естественных наук.

Н.Н. Мусеев. Мне трудно говорить о мировоззрении в целом, я все-таки представитель естественных наук, и есть некоторый разрез мировоззрения, который мне близок и о котором я, может быть, скажу несколько слов.

Видите ли, мы сегодня переживаем, мне кажется, очень важную такую трансформацию многих наших представлений о нашей жизни. И эта трансформация, может быть, в каком-то смысле, на новом витке спирали возвращает нам представление, которое еще было у древних греков, кото-

рые видели человека, космос, природу как нечто единое целое.

Вот это единство, которое было утеряно в эпоху Просвещения, на что обращал внимание еще Кант, отсутствие этого единства, на что обращал внимание рационализм, подводит нас к воротам истины, но не способен их нам открыть. Вот сегодня мы снова возвращаемся к тому представлению о единстве всего сущего, о единстве космоса, человека, его деятельности.

И вот эта исходная позиция, которую трудно, конечно, назвать позицией естественника, потому что эта позиция более широкая, чем позиция естественника, но для меня как для представителя естественных наук она очень важна.

Мне только что пришлось работать над одним документом, условное название которого «Эскиз концепции экологической безопасности», причем речь идет о глобальной постановке этой проблемы.

Эта проблема типично мировоззренческая, и, в то же время, она должна опираться на взгляды огромного количества людей, то есть всех людей, населяющих земной шар, со всем различием взглядов, интересов, идеалов. Как же сформулировать вот это представление, имея в виду единство человека и природы, влияние природы на человека? Человек не может жить вне природы, и, в то же время, учитывая его могущество, природа трансформируется и будет трансформироваться под влиянием человека. Как найти общие позиции, которые обязательно в нынешний век экологической альтернативы должны войти в мировоззренческий фундамент человека?

Вот, мне кажется, я написал о двух таких постулатах. Первый постулат относится к числу глобальных проблем. Мы знаем, что, нажимая на карандаш, мы довольно долго

можем оставлять его карандашом, но в какой-то момент Вы его уничтожите, он уже перестанет быть карандашом.

Голос. Будет два карандаша.

Н.Н. Моисеев. Это будет не два карандаша, это будут куски обломков, причём сколько, никто не знает.

Значит, первый принцип экологической безопасности – это чёткое понимание допустимой границы нагрузки на биосферу, за которой может начаться неконтролируемый переход в новое состояние, в состояние, которое мы не можем знать. Здесь наука может сказать очень много. Я не буду сейчас об этом говорить, но хотел бы заметить, что этот принцип научного анализа, принцип реальной оценки нагрузки на биосферу, ее последствия – это краеугольный камень современного мировоззрения любых людей, живущих на любых континентах. Увы, очень часто мы его нарушаем. Принимаем решения, не проработав многого, не поняв, что будет затем.

Ну хорошо, вот этот глобальный принцип – не переступить роковой черты, не нарушить того естественного равновесия, которое сейчас существует в природе.

Но подавляющее большинство проблем носит, конечно, не такой глобальный характер. Строятся заводы, загрязняются реки, выбросы в атмосферу и прочее, прочее. Иногда это проблемы чисто региональные, иногда задевают огромные регионы, как, скажем, Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс протягивает шлейф далеко на восток и захватывает Байкал.

Для таких явлений уже мало просто оценить экологические последствия, должно быть принято какое-нибудь, хотя бы локальное, решение, потому что там живут люди. Там жили люди, живут люди, и будут жить люди, значит, нужно сделать так, чтобы они могли там жить.

Значит, есть еще один общий критерий, хотя он носит не локальный характер, – это здоровье людей. Это уже

другая сфера деятельности, это от меня дальше, мне здесь трудно высказывать какие-то четкие взгляды. На него должны ответить гигиенисты, врачи, социологи, это степень здоровья человека.

Степень здоровья – вот что важно. В конце концов, вся промышленность, вся наша активная деятельность делается для человека. Если человек начинает болеть профессиональными болезнями, если начинает меняться генетический арсенал, то вряд ли можно говорить о такой деятельности.

И.Т. Фролов. Мне кажется, это очень важно то, что Вы сказали, и действительно, это не только сейчас актуальная проблема, проблема взаимодействия человека и природы, но это и большая мировоззренческая проблема. В сущности, сейчас происходит какое-то переосмысление места человека в природных процессах, и тот активизм, который с самого начала несла так называемая европейская культура и который с момента возникновения европейской науки присутствовал и создавал представление о человеке, как о каком-то демиурге, это представление сейчас начинает меняться. Интересно, что в разных культурах это по-разному понимается, например в восточной культуре, в так называемом даосизме это представлено несколько по-иному, там нет такой активности субъекта, а утверждается гармония субъекта и объекта на этом общем пути (путь дао). Сейчас многие ученые высказывают такие предложения, что, может быть, нам найти решение этой дилеммы, так сказать, почерпнув многое из этих восточных учений.

Н.Н. Мусеев. Вспомните, что во второй половине XIX в. у нас в России возникло, в общем, удивительное явление, которое называется «русский космизм», где как раз это понимание присутствовало, где нашел место синтез и взаимопонимание философской и научной мысли. Вспом-

ним таких людей, как Менделеев, Сеченов, Вернадский. Наконец, уже в наше время есть люди, воспитанные на этих идеях.

И.Т. Фролов. Очень хорошо, я думаю, что очень многое у нас в нашей дискуссии здесь стало более ясным. Этот компонент естественнонаучный в таком современном звучании, применительно к пониманию того, как осуществляется и должно осуществляться взаимодействие человека и природы, этот компонент тоже для многих стал яснее.

Хорошо также и то, что эта проблема понимается именно как мировоззренческая.

Сейчас мы много говорим о том, что это уже и проблема воспитания, а не только проблема образования, значит это то, что должно затронуть какие-то очень глубинные структуры человеческого сознания, и только тогда мы сможем по-настоящему решать экологические проблемы.

Вот Сергей Павлович у нас тоже этим много занимается, может быть, Вы что-то скажете об этом.

С.П. Залыгин. Мне кажется, когда мы говорим о мировоззрении, для меня это, наверное, прежде всего, система мышления, что из чего проистекает, какая последовательность одной мысли к другой, потому что, мне кажется, что люди очень часто мыслят в разных системах, так сказать. Отсюда и те конечные выводы, которые мы делаем, различные.

Вот, скажем, наука наша – это система мышления. Но пафос научного работника, пафос ученого очень часто сводится к пафосу исследования. Ему нужно открыть какой-то факт, это его цель, он замкнут на этой цели, но дело в том, что ведь должно еще обязательно существовать научное мышление. Вот этого научного мышления наука сама не создает, будучи сосредоточенной на каких-то частных, хотя бы и очень грандиозных, но все-таки частных задачах.

Вот, скажем, совершенно какое-то научное открытие. Мы все радуемся, вот человек доказал опять свой приоритет. Но ведь обычно всякое крупное открытие имеет два знака – и плюс, и минус.

То есть оно может повлечь, понимаете, затем и какие-то последствия, которые мы вначале не предусматриваем, как, в общем-то, сейчас и случилось². Ведь все беды, и экологические, о которых только что шел разговор, пришли к нам через науку. Потому что мы открывали, побеждали природу.

Мы никогда не думали о тех ограничениях нашей деятельности, которые любое серьезное открытие несет в себе. Оно говорит, вот так – польза, а это – уже будет вредно. А вот эту вторую-то часть мы обычно и не рассматриваем, потому что мы не обладаем системой научного мышления. Нам нужно теперь понять, что мы – часть природы, и мы должны, может быть, в какой-то мере вписываться в природу, из которой мы слишком грубо, слишком энергично вырывались, полагая себя чем-то над природой. А это не так.

Вера в само явление жизни, вера в необходимость жизни, что это не случайное, а необходимое явление на Земле, вот если мы эти доводы будем принимать в расчет, вот тогда мы без задачи прийти к мировоззрению придем к нему естественным путём.

И.Т. Фролов. Вот, Сергей Павлович, Вы произнесли слово «вера», и, я думаю, сразу мы знаем, что митрополит Питирим что-то захотел сказать.

Митрополит Питирим. Вопрос ведь, Иван Тимофеевич, действительно принципиальный и большой. Мне кажется, что, прежде всего, определяя самый термин, содержание и понятие мировоззрения, мы должны исходить из понятия человека. И, мне кажется, что миро-

---

² Имеется в виду катастрофа на Чернобыльской АЭС.

воззрением обладает каждый человек, начиная со своего, простите, первого крика и до последней границы своего земного существования. Поэтому, возвращаясь немножко назад к формулировке философской энциклопедии, я не стану очень-то уж спорить против того, что это действительно есть комплекс, система всех компонентов, которые там перечислены, что это синтез. Я бы сказал, может быть, простите, таким образным языком, и отождествил мировоззрение с симфонией, симфонической музыкой, где множество голосов имеет в какой-то момент свой приоритет. Дается партия даже тромбону или барабану, где-то нежные флейты и скрипка вступают своей доминантой, но, тем не менее, мировоззрение – это, прежде всего, гармония.

С.П. Залыгин. Тромбон – это наука, а барабан – это, наверное, философия.

Митрополит Питирим. Ну, всякое может быть.

С.П. Залыгин. Философ так отбарабанит, что ой-ой-ой.

Митрополит Питирим. Таким образом, задача формирования мировоззрения, так же как и формирование человека как личности, – это создание гармонии. Чем она богаче, чем она шире, чем больше голосов в ней участвуют, тем, естественно, значительней эта личность.

И.Т. Фролов. Сюда включается и религия.

Митрополит Питирим. И сюда, безусловно, включается религия. Религия, если говорить языком наших научных исследований, – это иррациональный фактор. Но религия – это тот неотъемлемый компонент личности, который в ней присутствует или отсутствует, но он является природным неотъемлемым компонентом, не как результат воздействия среды или каких-то там эмоций, или каких-то там переживаний, но это одна из тех, можно сказать, даже моделей, развитых или неразвитых, но присутствующих в человеческом организме. Исходя из этого, наши религиоз-

ные и философия, и психология, и богословие в целом состоят, мне кажется, из множества черт, которые мы имеем в обращении, в том числе и природных, и сугубо личностных. Мне кажется, доминантой религиозного мышления служит то же определение, как и самой религии, – от латинского слова «соединяю» – это идея единства.

Высшее выражение православной аскетики, как она сформировалась на Востоке, – это достижение единства.

Потому что, если наш «оркестр» богат и симфоничен, он обогащает личность, если он находится в противоположении и расторжении личности, это – дисгармония, диссонанс. Поэтому задача христианского воспитания, православного воспитания – это достижение целостности, единства. Единства во всем – единства человека с самим собой, единства его чувств, желаний, опыта, знаний, развития, прогресса и единство в будущем. Он не осознает себя оторванной частью, он – частица всего мироздания, природы, общности людей. Вот, мне казалось бы, что это та отправная точка, с которой я начинаю свое мышление.

И.Т. Фролов. Надо сказать, что и религия здесь преуспела, потому что как раз, может быть, недостаток современного мировоззрения отчасти заключается в том, что такая абсолютная ориентация на науку сопровождается и теми издержками, о которых говорил здесь Сергей Павлович.

Наука все-таки традиционно шла по пути редукционизма, расчленения, и только сейчас по-настоящему встает эта проблема синтеза, и это распространяется в том числе и на познание человека.

Я должен отметить, что, действительно, и в нашей философии до сего времени вот этот целостный человек в каком-то смысле «исчезал», анализ человека с нравственных его сторон осуществлялся, может быть, слишком мало, а

поэтому и получились соответствующие мировоззренческие перекосы.

Но вот во все бõльшей степени мы возвращаемся к этому, к исходному пункту того, что мы называем реальный гуманизм марксизма. Это же в самом начале сформулировано было Марксом как сущностная основа нашего мировоззрения, но, к сожалению, эта мысль потом была в сильной степени деформирована.

Сейчас мы возвращаемся к этому, мы будем и полемизировать с теми положениями, которые выдвигаются в том числе и нашей христианской религией. Естественно, мы будем это делать на определенной основе, так, чтобы те, кто нас видит, слушает, сами судили, какая позиция больше соответствует тому, чтобы улучшать нашу жизнь. Но, я повторяю, мы и собираемся для того, чтобы вести эту полемику открыто, в духе тех принципов демократизма, гласности, открытости, которые у нас сейчас утверждаются, тем более что речь идет о реальном сознании очень большого количества людей.

Так, сегодня у нас участвует в беседе Эрих Юрьевич Соловьёв. Он известен тем, что написал не так давно блестящую, я считаю, книгу о Лютере, – интересную, глубокую книгу. Подключайтесь к нашей беседе!

Э.Ю. Соловьёв. Мне представляется, что, решая вопрос об отношении философии к мировоззрению, философы сплошь и рядом впадают в самомнение. Со времен просвещения они считают, что мировоззрение можно диктовать, и вплоть до самого последнего времени лишь в малой степени принимают во внимание то обстоятельство, что формирование мировоззрения является, в общем-то, вполне объективным духовным процессом, объективно личным в каждом человеке. Как уже заметил Иван Тимофеевич, оно формируется под влиянием всех его жиз-

ненных обстоятельств, под влиянием массы культурного материала, под воздействием литературы, с которой он сталкивается, и вовсе не обязательно литературы философского рода.

Нужно сказать, что совокупность взглядов, которая при этом складывается, не обладает недостатком целостности или системности. В общем-то, обычное сознание тяготеет к целостности.

Беда же состоит в том, что сознание это часто избегает опыта сомнения, оно, так сказать, слишком легко переходит к мировоззренческому синтезу.

Мировоззрение человека формируется, как заметил уважаемый владыка, начиная чуть ли не с детских лет и складывается во многом произвольным образом, аналогично произвольному запоминанию, когда Вы сами не знаете, что же вы, собственно, знаете.

И только потом обнаруживаете, что вы, оказывается, помните, знаете нечто. Произвольным запоминанием, мне думается, в каком-то смысле является и религия.

Митрополит Питирим. Религиозное мировоззрение не просто складывается как личное, есть какая-то веками идущая традиция.

Э.Ю. Соловьев. Конечно, но, соглашаясь с Вами, я хотел бы привлечь внимание к другому аспекту проблемы. Я говорю о мировоззренческих образах, заполняющих сознание, которое можно назвать обычным, обыденным, повседневным.

Пожалуй, выразительнее всего оно представлено в народной мудрости, в пословицах великолепных, и, если их собрать, мы увидим, насколько богата повседневная человеческая жизнь... Но все-таки это еще не научное мировоззрение, не религиозное и не философское мировоззрение. Последнее, я полагаю, не складывается с младенческих лет даже у гениального философа.

Моцарт мог начать сочинять свои композиции в четыре года, но философов, которые бы создавали свои системы не в четыре, а хотя бы в двадцать лет, я просто не знаю.

Меня больше всего интересует не мировоззрение, которое имеет естествоиспытатель, и, тем более, не мировоззрение, которым обладает профессиональный философ.

Меня интересует мировоззрение самого обычного человека, процесс формирования его взглядов и, в частности, его активная социальная позиция, о которой мы так много сейчас говорим. И возвращаясь к этой теме, я хотел бы акцентировать следующее.

Философия, во-первых, должна признать объективный характер формирования мировоззрения у каждого человека и отнестись с высочайшим уважением к его собственным мировоззренческим поискам.

И, во-вторых, помогая этой индивидуальной выработке мировоззрения, философ должен категорически запретить себе потакание слабостям обыденного сознания, ну, скажем, тому, что можно назвать умозрительным схематизмом, стремлением к доктринальному упрощению теоретических проблем.

Как это ни парадоксально, на первый взгляд, но помощь философа должна, мне кажется, состоять в том, чтобы затруднять слишком легкое решение мировоззренческих задач. Ему приходится разрушать сомнение обычного сознания, приводить его к сомнению. В мировоззренческой работе каждого человека философ должен прежде всего поддерживать правдивость и честность мышления.

Сегодня, когда мы объявили войну полуправде, такая позиция философии по отношению к мировоззрению понятна нам гораздо больше, чем прежде.

Вместе с тем это вовсе не новая позиция, время перестройки ее лишь высветило. Самой философии эта по-

зиция известна издревле. Обратимся ли мы к тому, что Сократ называл повивальным искусством, обратимся ли к борьбе с идолами, о которых говорил Бэкон, везде речь шла о том, чтобы помочь сознанию избавиться от некоторых, в общем-то, естественно, стихийно возникающих в этом сознании иллюзий. Это стремление нашло завершение в великом философском выражении, которое ввел в употребление Иммануил Кант. Я говорю о «критике разума».

Одним из интересных достижений Канта было обнаружение того, что мировоззрение человека, так же как и сознание его, по своему составу неоднородно, оно состоит не из одних только знаний. В нем участвуют одновременно разные духовные способности, и, как Кант выражался, каждую из этих способностей позволительно утвердить в ее собственном праве.

Какие же это основные способности? Это знание, нравственность и вера, которые друг к другу не сводимы.

Размышляя над этим, Кант сформулировал три красивых ориентирующих вопроса, которые, мне кажется, будут сохранять значение для всех времен: что я могу знать, что я должен делать и на что я смею надеяться. Эти вопросы сохраняют свое значение и для научного мировоззрения, которое мы хотели бы утвердить.

То, что в этом мировоззрении есть и познавательный компонент, и компонент нравственный, наверное, в особых доказательствах не нуждается.

Но в мировоззрении научном, мировоззрении атеистическом, присутствует еще одна составляющая – вера. Это вера, которую я определил бы как нерелигиозную и, в самом широком смысле, как веру в человеческие возможности.

У нее два хорошо известных выражения. Первое – это доверие, которое мы практикуем и подвергаем испыта-

нию в обычной жизни. Оно вовсе не обязательно является какой-то функцией или каким-то результатом выверенных знаний. Наоборот, оно тем как раз ценно и интересно, что сплошь и рядом практикуется поверх знаний, при недостатке знаний.

Вспомните знаменитый эпизод из «Педагогической поэмы», когда, вопреки всем доводам опыта, Макаренко отдает крупные деньги вчерашнему вору и просит, чтобы тот отвез их в город, в банк. Все окружающие («с позиции знания») говорят ему, что он ошибается. Но Макаренко («поверх знания») на это доверие все-таки решается, и парень отправляется в путь, и тем самым педагог воскрешает человека. Парень едет лесом и мечтает, чтобы на него напали бандиты. Чтобы он насмерть дрался за колониетские деньги. Вот такое кредитованное доверие (презумпция доверия, как сказал бы юрист) является необходимым компонентом нашего сознания. И если в обществе это взаимное доверие людей друг к другу исчезает и утверждается общая подозрительность, то это наносит колоссальный урон всему гуманистическому образу мысли, как случилось у нас в 30-е гг., в период репрессий.

Второе измерение веры в человеческие возможности – это то, что можно назвать надеждой. Надеждой, понятие которой в нашей философии, в разработке проблем мировоззрения, к сожалению, до сих пор соответствующего места не получило.

Мало сказать, что надежда связана с будущим. Сегодня все наше отношение к будущему – не более чем надежда. Это обусловлено появлением такой реальной угрозы, как термоядерная катастрофа. Один писатель, не так давно выступавший по телевидению, сказал, что в XX ст. не только все люди по отдельности, но само человечество сделалось смертным. Это убедительное, хотя не очень аккуратное высказывание, потому что бессмерт-

ное смертным сделаться не может. В XX в. человечество осознало, что никогда бессмертным не было и что оно, скорее всего, стоит на грани самоуничтожения.

Это колоссальное изменение в сознании, которое вносит XX ст. Оно кладет конец благодушному историческому оптимизму, кладет конец фаталистическим историческим ориентациям, оно все наши социальные идеалы помещает в горизонт вероятных ожиданий, и коммунистический идеал в современных условиях – это тоже всего лишь надежда. Он лежит сегодня в области вероятного. Потому что нельзя считать выживание человечества всего лишь вероятным, а высшее общественное устройство – исторически неизбежным.

И должен сказать, что этот перевод идеала в модус надежды и веры в человека, он в известной мере выявляет настоящую значимость коммунистического идеала, потому что наступление коммунистического будущего становится для нас таким событием, которое целиком зависит от нашего участия и нашей мобилизации.

Я думаю, что это измерение нерелигиозной веры в разных аспектах никогда, может быть, не было так важно, как в нынешнюю эпоху, в эпоху перестройки, которую мы переживаем.

И.Т. Фролов. Я думаю, можно долго спорить о терминологии, но то, что ты сказал, это хорошо и красиво построено. А надежду мы изучали. Мы изучали когда-то, я, по крайней мере, изучал, такую книжку, «Принцип надежды» Эрнста Блоха.

Э.Ю. Соловьев. Да, я рад, что ты вспомнил эту работу.

И.Т. Фролов. Может быть, мы напрасно допустили полное отрицание этого принципа надежды, как он был провозглашен. Может быть, какие-то выходы теоретические, идеологические, практические следовало исследовать. И это относится не только к данному автору.

Блох, конечно, пытался связать принцип надежды с марксизмом, субъективно он считал себя настоящим марксистом.

С.П. Залыгин. Эрих Юрьевич и Иван Тимофеевич хорошо и красиво рассказали про философию, я с большим удовольствием и интересом послушал. И сегодня, когда мы обсуждаем научные проблемы, я всегда стараюсь подчеркнуть, что нужно говорить о коммунизме не как о некоем абсолютно обусловленном будущем человека, а как об эпохе, которую надо завоевать, в которой должно быть такое сочетание общественной организации и природных факторов, обеспечение такой эволюции, без которой человечество выжить не может, и всякие разговоры о далеком будущем, его надежде, в частности, должны иметь практическую основу, надо научиться не делать глупостей во всех сферах человеческой жизни, простите за такой нефилософский язык.

Э.Ю. Соловьев. Ну почему, это как раз философский язык.

Митрополит Питирим. Я думаю, в нашем диалоге разговор с позиции научного знания – не единственная возможность. Возможен и серьезный разговор с позиции вот такой гуманистической веры, веры в человеческие возможности, которая (я возвращаюсь к интересному моменту, уже промелькнувшему в выступлении Ивана Тимофеевича) есть упование на человека, именно вера в человеческие возможности, морально обусловленные. Это, мне кажется, такая линия, где обнаруживаются и совершенно определенно функции для применимости религиозного мировоззрения и, в то же время, я думаю, минимум оснований для взаимной нетерпимости.

С.П. Залыгин. Я полагаю, это хорошая постановка вопроса. Как сказал владыка, существует, в общем, у каждого человека объективный фактор, определенное представле-

ние об иррациональности, которое, конечно, трансформируется в течение его жизни, но сохраняется, наверное, до самого последнего дня.

Э.Ю. Соловьев. Вы знаете, я бы так широко понятие иррациональности не употреблял. Например, я Вас вижу в первый раз и ничего о Вас не знаю, и Вы мне почему-то нравитесь, – это что, уже иррациональное суждение?

Я думаю, никакого иррационализма здесь еще нет. Иррационализм – это другое. Иррационализм – это, скорее, когда мы полагаемся на возможности разума гораздо в большей степени, чем на самом деле на него можно положиться. Это факт иррационального отношения к реальности, или когда мы полагаемся, скажем, на мистический опыт.

С.П. Залыгин. Представьте себе, что Вы живете на плоскости, и всё у вас происходит на плоскости, и существует ещё одно измерение, о котором Вы ничего не можете сказать...

И.Т. Фролов. Все-таки я хотел бы, чтобы Нелли Васильевна сказала свое слово.

Н.В. Мотрошилова. Да, я, в общем, с большим интересом слежу за этим разговором и вот хотела бы поделиться своим, можно сказать, мироощущением, касающимся именно мировоззрения. Понимаете, мне кажется, что способность человека к мировоззрению – это ведь великая тайна и, можно сказать, великий дар, потому что, теоретически говоря, человек, который живет здесь и теперь, и он вовлечен в повседневные дела, в заботы, вот как получается, что этот же самый человек способен... а иногда просто не только способен, а делает это... Он обращается ко всему миру, он созерцает мир в целом, воспринимает мир в целом. И он хочет это сделать, это его занимает. Он это делает так же, как свои повседневные житейские дела. Ведь это вообще очень большая тайна, и человек, наконец,

общаясь с какими-то очень интересными людьми, другими, такими же, как он, вдруг начинает мыслить обо всем человечестве.

Или вот, например, сидит человек дома, пишет свою книгу, я имею в виду Сергея Павловича Залыгина, и вдруг ему приходит в голову, что он не может этим ограничиться, он должен не просто написать книгу, а его беспокоит природа в целом, просто природа нашей Земли, и вообще все, что происходит в мире с природой. Но таких людей очень много, их становится все больше и больше, так вот это же и есть мировоззренческая забота, она человеку свойственна.

Ну, я не знаю, можно ли согласиться с митрополитом Питиримом, что это, как говорится, от самого рождения дано, скорее, конечно, это воспитано, это воспитано образованием, и не только им.

Голос. Генетика играет роль.

Н.В. Мотрошилова. Конечно, наверное, генетика играет роль, наверное, есть какой-то ген, который позволяет человеку взглянуть на мир в целом, но, вероятно, еще большую роль играет все то, что помогает человеку вырваться из обыденности, из повседневности, из суеты. Из утилитаризма. И взглянуть в какой-то мере бескорыстно на этот целостный мир, как он охватывается наукой, но не охватывается ею целиком. На мир, который охватывается знанием, но вместе с тем постигается чувствами и надеждами. Но вот как философ я бы выделила три таких основных каких-то мировоззренческих слова, три измерения мировоззрения. Кстати, тут помогают нам очень хорошие слова, которые закрепились уже в нашем образованном языке. Прежде всего, мы говорим о мировосприятии, миропонимании – это очень хорошие слова, т.е. мы понимаем мир, мы его воспринимаем, причем не только мир здесь и теперь, а мир огромный, вот этот космос, который здесь.

Мы постигаем человека, не только который рядом с нами, но человечество – мы хотим об этом знать. Вот это миропонимание, мировосприятие, согласно философии, обладает опять-таки удивительной особенностью, ведь опять хорошо регистрируемой словом «умозрение» – мы умом зрим мир. Мы не просто воспринимаем вещи перед нами, но мы создаем некоторый целостный образ мира, картину мира. Вот это первое, что есть. Вот здесь в этом первом очень большую роль играет наука, но неоценимую роль играет философия, потому что философия показывает, можно ли человеку совершить сверхопытный акт знания и познания, узнать, что такое мир в целом.

Это сверхопытное познание, основанное на опыте, но где-то происходит скачок. Мы никогда не видели всех тел, но мы утверждаем относительно всех тел, мы никогда не видели и, я осмелюсь утверждать, что человек никогда не увидит мира в целом, никогда не увидит всего космоса, но судит о нем, зрит умом.

Эту способность философия развивает в очень большой степени, Кант сказал, что когда разум воспаряет над опытом, то он оказывается как бы в безвоздушном пространстве, он лишен опоры, отсюда многие философские спекуляции, которые вообще ничем не подтверждаются.

Но здесь разум учится летать в просторах этой сверхопытной мысли, и, кстати говоря, настрой на такое дает и литература. И религия, конечно, очень много говорит об этом.

Второй пласт, я бы его обозначила как мироощущение, – это как раз постижение мира с помощью чувств, это боль за мир, боль за мир в целом, боль за природу, это боль за человечество. Это особая совокупность человеческих чувств, связанная также и с нормативами.

Да, что я могу делать, что я могу делать с природой, что я могу делать и что я не могу делать с другими людьми? Я не имею права по отношению к другим, говорит Кант, делать то, что, я предполагаю, они не должны делать по отношению ко мне. Это мировоззренческие нормы. Не могу в смысле не должен. Не должен, да нет, конечно, я могу, к сожалению.

Митрополит Питирим. Ну и это христианская мораль. Собор 51 года. Говорили до Канта об этом, говорили многие другие философы, в том числе философы Нового времени. Действительно, да.

Н.В. Мотрошилова. Человек не должен, человек не должен делать этого. Так вот это мироощущение, соединенное с миром человеческих норм, – это важнейший пласт мировоззрения, и опять здесь огромную роль, кроме философии, играют искусство, литература. Литература настраивает человека на это общее целостное мироощущение. Вот, опять-таки философия, когда она исследует все эти человеческие чувства, мироотношение, мироощущение, она здесь, может быть, действительно приводит к синтезу.

Ну и, наконец, третий пласт, третий пласт, о котором Иван Тимофеевич говорил. Действительно, на что мы можем надеяться, во что мы можем верить в этом мире. Вот вера, надежда, любовь, они идут вместе. Иван Тимофеевич так, кажется, просил меня, чтобы я начала. Но я этим закончу, потому что взгляд на мир – будет ли он выработан на основе науки или на основе науки и философии – этот взгляд на мир должен – пока этого еще нет, – но он в общем-то должен быть, мы к этому и стремимся, и это очень важно сегодня. Он должен сообщить человеку уверенность в том, что, хотя он и послан в этот мир на короткий, увы, срок, но этот короткий срок он должен быть на Земле человеком, он должен быть человеком.

Он может досыта наесться, может обставить свою жизнь какими-то предметами, но он человеком не станет и так и умрет. И вот мировоззрение должно показать ему, насколько бесцельна такая жизнь, независимо от того, будут его люди потом вспоминать или не будут. Сколь долго его будут вспоминать, но жизнь его лишена смысла.

Вот это вот третье измерение. Здесь опять сходятся и искусство, и литература, и философия. А закончить я хочу тем, с чего начал Эрих Юрьевич.

Да, все это, что дают философия и наука, что обосновывает со своей точки зрения религия, что делает искусство – вот все это существует именно для того, чтобы этот вот чудесный замечательный дар человека – видеть не только ближайшее, не только непосредственное, конкретное, а видеть целый мир – этот замечательный дар должен быть развит, быть воспитан, и чтобы он был нужен самому человеку. А когда человек постигает вот такую, ну, будем говорить, гармонию и некоторое свое единство с миром, человечеством, он по-своему счастлив.

И.Т. Фролов. Вот это очень хорошо. Я думаю, что это и главная цель наших философских бесед – не дать ответа, конечно, на какие-то сложнейшие вопросы, а может быть, возбудить любопытство, интерес.

Да, это желание знать что-то, что выходит за пределы обычного нашего образования и обычной нашей жизни и так далее. И это не есть стремление к чему-то абстрактному, хотя мы, может быть, говорим какие-то общие вещи, это все соединено с конкретными делами, конкретными делами жизни каждого человека. Это безусловно так. Лучше всего все-таки это соединяет и лучше всего это делает литература, мне кажется.

С.П. Залыгин. Ну, Вы знаете, литература тоже, наверное, перед каким-то если уж не кризисным, то очень серь-

езным испытанием стоит, мне так представляется. Потому что, ну вот прежде посылка такая философская, я вспоминаю у Гегеля, он говорит, что проза – это прозаическая упорядоченная действительность.

Вот слово «упорядоченность» – вот оно и есть мировоззрение писателя, значит, тут-то и возникают какие-то задачи, которые со временем меняются, потому что, скажем, литература очень хорошо научилась писать об отдельном человеке.

Мы знаем десятки литературных образов – Пьер Безухов, Анна Каренина, мало ли кто, но дело в том, что наступает время уже представить как-то перед собой и все человечество в целом. И все человечество – 5 миллиардов человек – так же реально, как один человек.

Одного человека мы можем себе представить легко, а вот эти 5 миллиардов являются чем-то отвлеченным. Я думаю, что и литература должна вносить свой вклад в познание и представление о человеке в целом, потому что сумма отдельных литературных образов еще не дает представления о человеческой целостности.

Значит, надо переходить к более широким философским понятиям, к состоянию современного человечества.

Вот мы говорим о том, что современный мир должен быть спасен.

А чем должен быть спасен мир? Я думаю, что мировоззрением, только мировоззрением, нашим собственным восприятием мира.

Поэтому что-то должно измениться в нашем сознании, в головах людей. Это, может быть, звучит идеалистически, но это, видимо, последнее прибежище, последняя надежда для людей. Именно на это надежда. Если это не сработает, эти идеальные вещи, тогда мы безнадежны.

В.С. Степин. Вот если Иван Тимофеевич разрешит, я на эту тему хотел несколько высказаться.

Дело в том, что когда мы говорим о мировоззрении, то все, что тут было сказано, это с разных сторон этот феномен в разных гранях был повернут, он действительно очень многогранное явление, и когда его поворачиваешь, он каждый раз новым светом смотрится.

Но бесспорно, что человек должен иметь такие ориентиры в своей жизни, которые фиксируют его отношение к миру, к природе, к другому человеку, к продуктам своего собственного сознания, своей жизнедеятельности, и без этой целостности жизнедеятельности – это невозможно.

Причем вот в этой целостной картине мира есть такие блоки, как представление о природе, как представление о самом себе, представление о своей духовной жизни, представление об обществе и отношение к другим людям.

Вот эта целостная картина мира просто фиксируется в форме знаний и представлений, эта картина содержит ценность, а ценность всегда выше цели. Цель говорит: «Что я должен получить в своей деятельности?», а ценность спрашивает: «Для чего это нужно?» Она санкционирует саму деятельность.

И вот шкала ценностей вложена в эту мировоззренческую картину, она как бы вплавлена в нее, и в соответствии с ней человек живет. Я бы даже сказал больше: она не просто обеспечивает человеческое понимание мира, она, если угодно, стоит за нашими обычными восприятиями как чувственными образами мира.

Кстати, это психологи отмечали, и у Рубинштейна это есть – о том, что мировоззренческий целостный образ мира стоит за зрительными восприятиями, он их как бы санкционирует, он санкционирует те ожидания, которые я должен получить, и поэтому монтаж, своеобразный синтез сенсорных сигналов в моей нервной системе создает этот заранее данный образ, найденный как бы образ.

Отсюда возникает вопрос: откуда мы его берем? Я, например, не соглашусь, что он от рождения у человека есть и тем более задан в генотипе.

Фразу как метафору «вот он живет в культуре» – это образ культурной традиции, если угодно, той самой глубинной культурной традиции, на которую все другие программы человеческой жизнедеятельности ложатся.

Вот этот образ мира целостный мировоззренческий, он задает целостность культуры, он задает преемственность, он задает связь миров, вот это очень важный момент.

И всегда есть в обществе, в культуре такие события, такие состояния, если угодно, когда человек просто живет и не замечает этого образа.

Он живет в культуре, живет по обыденному сознанию своему и не замечает, что есть какие-то непонятно откуда с молоком матери впитанные им ценности.

Вот он знает, что эти ценности историчны, вот что важно. Они не даны никем человеку сверху, они – продукт его собственной истории, они вырабатывались им самим на протяжении долгого и трудного борения с природой, устройством своих собственных отношений, и исторический разрез здесь очень легко показывает историчность всех этих ценностей, вот Иван Тимофеевич вспоминал.

И.Т. Фролов. Не только история, но, пожалуй, здесь надо сказать о предыстории.

В.С. Степин. Я понимаю, что всю эволюцию человечества, начиная от первобытного состояния и до наших дней, и вот эти образы, эти картины мира, их можно увидеть в различных культурах, и они различны.

Например, античная культура и древняя китайская культура имели разные образы мира. И, кстати, Иван Тимофеевич здесь вспоминал о том, что здесь есть особое, так сказать, состояние единения человека с природой, и

была выработана особая культурная традиция китайской жизни, главной установкой которой было невмешательство в дела природы. Вот есть земледельческая цивилизация. В китайской культуре в книге Цинь есть такая притча: один мудрец хотел, чтобы злаки росли побыстрее, стал тащить наверх и выдернул их из грядки...

Значит, не вмешивайтесь, смотрите, как природа сама развивается, вписывается в эту среду. С другой стороны, китайское общество – это достаточно жесткое клановое устройство с очень стойкими традициями, не меняющимися веками. Не надо ломать традицию, вступишь в нее, включись, получи определенную социальную роль, живи в клане. Это особое состояние социальной жизни, где человек извне переносится вовнутрь, на самосовершенствование, но этот вектор вовнутрь, он фиксирует традиционность этой цивилизации, она тогда может веками воспроизводиться.

И.Т. Фролов. И вот, в то же время, не настолько это локально, ну вспомни о Платоне Каратаеве с его установками – эти вещи всегда были в культуре. И в китайской культуре были люди, которые этого не принимали. И там были люди, которые против этого протестовали, речь идет об обыденном сознании, по которому человек в мире живет, он этого может и не понимать, но вот это усвоит и живет.

В.С. Степин. Идея моего рассуждения состоит в следующем. Вот это глубинная программа человеческой жизнедеятельности – так я назову эту мировоззренческую картину. Пока она работает, пока воспроизводит жизнь, пока воспроизводит социальные отношения людей, она может быть и незаметна. Но обязательно будут такие этапы жизни общества, поскольку оно развивается, новые формы деятельности, новые отношения людей, новые взаимоотношения с природой, когда выясняется, что вот это канва, так сказать, она уже перестает быть интегра-

тором и синтезом всех человеческих жизнедеятельных программ, и вот тогда встает вопрос, как жить, порвалась связь времен...

И.Т. Фролов. Да, распалась связь времен, ну будем уже по Шекспиру в переводе Пастернака.

В.С. Степин. Так вот тогда наступает поиск новых смыслов, жизненных позиций. Новых мировоззренческих основ, и идет этот поиск широко в разных сферах культуры, и в литературе, и в искусстве, и в живописи, и в нравственном сознании, когда поступок человека очень важен как носитель нового норматива.

И тогда вот в эти периоды возникает особая потребность такой мыслительной деятельности, вот это все, что было в глубинах как социальный генотип, вот слова «социальный генотип» применю, их надо вытащить на поверхность.

Чьё это дело? Это наше дело, это философов дело. Это в основном дело философского мышления.

Ну а теперь вопрос о том, кто может это делать. Профессиональные философы? Да нет, философскую работу может делать любой ученый, писатель, но эту работу надо делать. Надо осмыслить. Почему мы так жили, по каким схемам жизнедеятельности строилась наша жизнь, почему эти схемы сейчас трещат вот в нашу эпоху, допустим, ну, я имею в виду, условно, историческую эпоху любую. Это было при переходе от мифологического общества к классовому обществу, вот первые-то всплески философии, великий перелом человеческого бытия.

Были мифологические структуры первобытного общества, и жили по ним люди, и потом уже все сломалось, и возникло философское сознание.

С.П. Залыгин. Чего так далеко ходить, вот недавно было «...гордо шагает, меняет течение рек...», раздвигает и так далее. Вот и изменяем течение рек.

И.Т. Фролов. Ну, как говорил один генерал, который когда-то меня учил в период прохождения армейской службы: «к чему клоним?»

В.С. Степин. А я к этому и клоню. Вот... это всегдашняя ситуация, всегдашняя с точки зрения развития больших этапов исторического развития, так вот в таких ситуациях должен участвовать философ. Что должен философ делать для общества? Он должен выудить эти все системы ценностей и ориентации, как-то их осмыслить и как-то их предъявить разуму на критику. Он будет тогда их называть призраками, но он должен их начать критиковать – это первый шаг, затем он должен изобрести что-то принципиально иное, такое, чего не было в его культуре, и как люди еще не жили. И вот такую целостную канву он должен предъявить людям. Но он всегда именно целостность изобретает, вот почему я согласен с Теодором Ильичом, что философия – это теоретическое размышление о мировоззрении или, как мы говорим, политическое ядро.

И в этом смысле, философское мышление имеет очень большой аспект, начало вот этой рефлексии, то есть, если угодно, вынимание из глубин культуры этого смысла, и критика может идти где угодно. Она идет в литературе, и там создаются, скажем, интереснейшие философские системы – Толстой, Достоевский, – а затем, когда вот эти смыслы образованы, еще одна есть работа. Философ начинает с этими смыслами работать как с особыми реальностями, он не конструирует какие-то особые миры, и, кстати, это тоже было в философском мышлении всегда.

Я только акцентирую, так сказать, одну важную вещь: что, когда доказывают философы что-то такое, что не соответствует здравому смыслу, и считается, что это все глупо, однако проходит время и происходит развитие науки,

допустим, математик открывает архимедову геометрию, бывает так, что в философии закладываются какие-то структуры, которые наука потом через много лет вдруг обнаруживает.

И вот философия дает такие вот, если угодно, проекты будущих мировоззрений.

Голос. Дает или не дает.

В.С. Степин. Или не дает, а если не дает, тогда она не выполняет этой своей культурной функции.

Голос. ...И закрадывается подозрение, что она вовсе не философия, а просто совокупность занятий людей, которые решили, что они философы.

В.С. Степин. Это сложная вещь. Философ собственно тем и проект-то свой оправдывает, он ему придает ценностные какие-то значимые вещи, он становится идеологом, который его пропагандирует, а затем, если наступает время такое, что вот то, что называется, нужно обществу, тогда, как Маркс говорил, философия овладевает массой, становится материальной силой.

И тогда она затрагивает ядро мировоззрения. Вот это очень сложное такое преобразование философии в мировоззренческие, так сказать, темы жизни, жизнедеятельности людей, вот это, наверное, и есть одна из важнейших функций философии в жизни общества. И последнее, что я хотел сказать. Чем резче обозначен социальный прогресс, чем резче идут социальные изменения, тем важнее эта функция, и мы должны сейчас осмыслить, что происходит в обществе. Какие изменения произошли, и важно то, что мы говорим об отношении человека к природной среде, об отношении человека к человеку, об отношении человека к его собственной истории...

Исходя из наших коммунистических идеалов, мы должны проделать большую работу по переосмыслению новой

социальной ситуации. Что в этой ситуации сейчас сложилось? И если мы этого не сделаем, то мы, философы, свою функцию не выполним, потому что просто констатация на уровне обыденного сознания – вот это плохо, вот это плохо – это первый слой работы, это начало критики, затем должна быть серьезная философская критика, затем серьезная конструктивная философская работа. Эти все вещи должны одно в другое перетекать.

И.Т. Фролов. Да, мне кажется, что Вячеслав Семенович очень хорошо это сказал, и я думаю, он хорошо как раз и вывел все наши рассуждения на что-то, что вот сейчас происходит. Я хотел сказать в заключение, что вот, видите, вроде бы мы рассуждаем о каких-то очень высоких абстракциях, погружаемся, как говорят, в какие-то философские дебри, но на самом деле все это очень тесно соединено с реальными проблемами. Надо только действительно видеть какие-то общие закономерности в тех явлениях, которые происходят. Надо действительно больше, может быть, понимать суть того, что происходит, в том числе и сейчас.

Вот мы прошлый раз говорили о том, что философия, критическое философское осмысление, может быть, в наибольшей степени приобретает такое большое социальное, человеческое звучание тогда, когда в обществе обнаруживаются критические, такие развилочные, как философы говорят, ситуации.

И именно тогда наступает звездный час для философии, но я еще раз хотел сказать, не для философии просто профессиональной такой дисциплины, нет, отнюдь нет, а философского мышления. Оно проявляется в литературе, оно проявляется в науке, оно проявляется во всех других областях. И я хотел бы закончить таким своеобразным, может быть, призывом к тому, чтобы отбросить какие-то предрассудочные представления о том, что такое филосо-

фия, и заниматься тем, к чему мы призываем, понимать смысл того, что происходит сейчас, а если мы будем лучше понимать смысл, в том числе, вот того, что мы называем перестройкой, то тогда мы будем увереннее и осмысленнее двигаться вперед. А это сейчас наша задача.

Я думаю, что мы сейчас на этом закончим нашу беседу, мы вышли на какие-то еще новые вопросы, и мы продолжим разговор о них, но всегда остается основной темой и проблемой – проблема человека. И в следующий раз мы к этому вернемся и более специально, может быть, это все будем обсуждать, а на этом заканчиваем. Всего доброго.

Жизнь и познание

В передаче принимают участие: академик А.А. Баев, писатель В.Д. Дудинцев, академик Р.В. Петров, академик А.С. Спирин.

И.Т. Фролов. Здравствуйте, товарищи. Мы начинаем нашу очередную беседу на очень острую и, я бы сказал, истинно философскую тему. Мы озаглавили ее «Жизнь и познание». Ну, может быть, точнее было бы сказать, «Загадки жизни, парадоксы познания». Вот о некоторых парадоксах познания, причем не познания только в чистом виде, а и о том, что складывается как наука, с определенными человеческими отношениями, мы и будем сегодня говорить. И, естественно, мы начнем, может быть, с того, что современная биологическая наука, современное биологическое познание действительно выходит на передовые рубежи научного познания. Мы говорим сейчас о том, что произошла и происходит революция в биологии. Что это такое? С чем связана революция в биологии? Многие ученые говорят о том, что мы вступаем или уже вступили в «век биологии», когда наука о жизни становится лидером всего человеческо-

го познания, она начинает определять основную проблематику. Это во многих случаях объяснимо, понятно. И это развитие биологии ставит очень много философских, мировоззренческих и этических, даже человеческих проблем. Это тоже вполне объяснимо, поскольку это стремительное развитие биологического познания связано со все большим выходом на человека, а это ставит проблемы о допустимости или не допустимости, скажем, определенных экспериментов на человеке, о том, как технологические результаты тех или иных биологических открытий могут применяться или ни в коем случае не могут применяться к человеку. Например, генная инженерия, хирургия генов с возможными последствиями и с возможными выходами на человека. Здесь возникает масса благоприятных условий для лечения наследственных заболеваний человека. Но, в то же время, есть опасности манипулирования генами, возрождаются так называемые неоевгенические проекты, когда предлагается с помощью генной инженерии решать многие социальные и индивидуальные человеческие проблемы. Это очень тонкий новый вопрос, но, в общем, очень серьезный. Дело дошло до того, что в свое время был объявлен мораторий на ряд направлений генетических исследований. Он потом был снят, но, по крайней мере, есть широкое движение ученых, которое исходит из того, что, может быть, некоторые из направлений исследований сейчас надо не то что запретить, но воздержаться от них ввиду того, что могут быть обнаружены очень большие негативные последствия для человека и его наследственности. Проводится такое сравнение с развитием атомной энергетики и полагается при этом, что мы были слишком неосторожны на определенных этапах, что и дало такие отрицательные эффекты в виде Чернобыльской аварии и так далее. Общество

вправе требовать от ученых того, чтобы мы реагировали на такие возможные негативные явления, связанные с прогрессом, в частности биологии, не постфактум, а может быть, мы научимся предусматривать их. Это требует определенных капиталовложений для исследования возможных негативных направлений развития научно-технического прогресса. Но они, в общем-то, составляют, может быть, ничтожную часть тех материальных затрат, которые потом приходится делать человечеству, ликвидируя эти опасности. Я уже не говорю о чисто человеческих аспектах всей этой деятельности. Мало внимания, быть может, уделяется ряду новейших направлений развития современного биологического познания, это тоже, видимо, требует обсуждения. Потому что мы видим более концентрированные, более, я бы сказал, массивные атаки и на отдельных участках, и по всему фронту биологического познания во многих развитых капиталистических странах. Почему получилось так, что у нас мы не наблюдаем такого энергичного продвижения вперед? С чем это связано в социальном плане? А многие, может быть, причины объясняются и историей развития нашей биологии, в том числе и генетики. Трагической, можно сказать, историей.

Диктор. *Мушка дрозофила, львиная пасть, мышь, опять мушка. Формула расщепления. Обсуждение скрещивания длинных с короткими, желтых с зелеными, рубиновых глаз со слоновыми, скрещивание брата с сестрой, и сестры с отцом, и отца с гибридной внучкой. Точнейшие чертежи, карты хромосом с тысячами зачатков в них – так гигантским пустоцветом выросла и разветвилась наследница зародышевого вещества Вейсмана и гороховых законов Менделя – наука генетика. Чудовищный фантом, зловеще повисший над разумом и научной совестью человечества!*

– Откуда эта чушь?

– Из книжки для детей сорок восьмого года!

– Забавно...

И.Т. Фролов. Нет ли здесь преувеличений? Может, мы свою лень объясняем иногда тем, что нам кто-то мешает или мешал. Надо в этом тоже разобраться. Можем ли мы все отнести к тому, что связано с лысенкоизмом, феноменом Лысенко. Можем ли мы все это связать напрямую только, скажем, с неумелыми, а во многих случаях просто вредоносными, я бы сказал, действиями многих людей, которые руководили и нашей наукой, и нашей страной. Ответственность с них, безусловно, не снимается. Но как это всё реально происходило и почему так много лет спустя мы еще ощущаем результаты этого негативного воздействия? Может быть, причины этого положения лежат и в недалеком прошлом, а не только в очень отдаленном. Почему стали возможны переходы этих стереотипов из одной эпохи в другую, вплоть до наших дней? Это очень большая философская проблема – изменение стиля мышления, в том числе и в науке. Тут очень важно правильно видеть эти взаимосвязи – философия, идеология, политика. Где в этой цепочке заключены эти возможности негативного такого развития? Что здесь было нарушено? Что нарушается до сих пор? Ну и совершенно очевидно, что сейчас от нас и перестройка требует беспощадного анализа всего и существенного продвижения вперед. Что нам нужно сейчас, кроме каких-то материальных предпосылок, хотя они очень важны? Что нам нужно, для того чтобы действительно создать новую атмосферу в нашей науке, создать все условия для энергичного продвижения вперед? Это очень важно, ваша позиция, ваше мнение.

Р.В. Петров. Я вот обратил внимание в Вашем выступлении и еще назвал бы одно слово: «образование» – в этой

цепочке явлений, которые чрезвычайно важны. В истории нашей биологии то, что теперь мы называем лысенкоизм, явилось такой гигантской трагедией для общества и для всей нашей науки. Сейчас можно представить себе, как мне кажется, три категории людей, работающих сегодня в биологии.

Те, которые учились до этой насильственной интродукции лысенкоизма в образовании, которые так или иначе пережили это время. Многие стояли насмерть, что называется, за правду, другие – как-то приспособились или предали науку, но они знали исходную позицию.

Вторая категория людей, к которой относятся сейчас многие активно работающие люди 30-го года рождения, вроде Вас и меня, и Александра Сергеевича, учились в период насаждения лысенкоизма. Я поступил в институт в 48-м году и кончил в 53-м. То есть это было монопольное, что называется, выхолащивание умов у молодых людей. И они тоже знают всю историю, как это получилось. Они каждый потом должны были или совершить свой индивидуальный гражданский подвиг, чтобы отойти от того, что им вбивали в голову, найти правильные пути, или им по роду работы не надо было искать эти новые пути. Поэтому они до сих пор существуют в категориях тех знаний, которые получили.

И, наконец, третья группа людей, которые выучились после 1964 г., которые знают эту трагическую историю только из книг, из рассказов. Для них это некое ужасное прошлое, которое их не затронуло, оставило их, так сказать, вне той борьбы. Это та группа людей, которая, что называется, и образовывалась, училась и работает сразу начисто. И Вы понимаете, эти философские вопросы, которые Вы сегодня поднимаете, они для этих трех категорий людей, для их судеб, для их работы имеют очень разное значение. Вы прекрасно представляете эту атмосфе-

ру и как обучали людей. Мы сейчас привыкли, мы требуем плюрализма мнений во всем. А ведь не было никакого плюрализма обучения. Вот что мне кажется ужасным, и от чего нужно окончательно отойти. Была одна программа, все учились на основе учения Лысенко и только, и больше никакого. Считалось остальное все мракобесием.

Диктор. *Состоявшаяся в Москве сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина явилась исторической вехой в развитии биологии. С докладом о положении в биологической науке выступил президент академии Трофим Денисович Лысенко. Этот доклад был одобрен Центральным комитетом партии.*

Ю.И. Полянский. *Ведь методы работы были совершенно определенные: снять, изъять, вон. Вот, пожалуйста, приказ министра высшего образования СССР Кафтанова от 23 августа 1948 г.: «...Что касается до мероприятий, то освободить от работы проводивших активную борьбу против мичуриnceв и мичуринского учения и не обеспечивших воспитание советской молодежи в духе передовой мичуринской биологии в Московском университете заведующего кафедрой дарвинизма Шмальгаузена, Завадовского, Собинина, Юдинцева, Эрихмана, Бермана, Шапиро. В Ленинградском университете – проректора Полянского, декана факультета Лобашова, Светлова...», ну и так далее. Вот, выгнали, всех выгнали, так? Вот метод борьбы, научный, так сказать, метод борьбы. Ну, слава богу, на другой день не посадили.*

Но вот вдруг вечером звонок: говорит заместитель министра Светлов: «Юрий Иванович, как Вы себя чувствуете?» Я говорю: «Странный вопрос: „как я себя чувствую”, неважно я себя чувствую». – «Юрий Иванович, а Вы хотите, чтобы все вернулось, и кафедра, и лаборатория?» Я говорю: «Тоже странный вопрос, почему же мне этого не хотеть...» – «Нам нужна с Вашей стороны боль-

шая принципиальная статья для ЦЭО „Правды”. Вы являетесь одним из лидеров антилысенковского направления по Ленинграду. Статья, восхваляющая Лысенко и так далее, и так далее... Когда Вы ее напишете?»

Ну, видите, здесь в комнате находилась моя жена. Я не мог по-русски ему ответить, по-настоящему, понимаете? Как надо в таких случаях отвечать человеку, который мне предлагает изменить всему!!! Ну, я ему кое-что сказал, повесил трубку, все... Вот этот эпизод, который понравился Гранину... Ну а как надо было иначе поступить, чтобы потом самому себе не плевать всю жизнь в физиономию?!!

Р.В. Петров. И вот теперь на минуту представим себе такую ситуацию, что этого бы не было... Ну, хорошо, где-то преподавали бы лысенкоизм, где-то преподавали бы менделизм... В третьем учреждении преподавали бы третье учение. Тогда не страшно, если что-то окажется неправильным... Потому что тогда возникают другие когорты людей, которые правильно обучены. И вот при таком многообразии обучений, я имею в виду обучений не только фактам, но осмысливанию фактов. Ведь учили нас очень просто: учение Лысенко – это хорошо, все остальное – мракобесие. Жизнь показала, что учение Лысенко – мракобесие. И это отчетливо ясно. Но никаких других основ людям не дали, и каждый выплывал по-своему. Вот теперь, конечно, мы понимаем, что так не должно быть. Но это один из элементов, за что нам всем надо бороться. За многообразие форм обучения людей.

А.А. Баев. Нужно сказать, что в нашей стране вовсе не всегда существовало в области образования и научных исследований какое-то давление. Я в 1922 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, и там спокойно преподавали хромосомную теорию наследственности, и опыты

Менделя – вот та основа, на которой формировалось наше мировоззрение в то время. И страшным мне кажется, знаете ли, давление, которое оказывается на науку, государственное и партийное. Я хотя сам член партии, но считаю, что на науку партия все-таки не должна давить, какими бы мотивами это ни оправдывалось. И трагедия Лысенко в значительной мере возникла благодаря тому, что Лысенко пользовался государственной и потом, вследствие этого, и партийной поддержкой. И мне думается, что та ситуация, которая формируется и уже в значительной мере сформировалась в нашей стране, обстановка гласности и демократии, конечно, является лучшей гарантией того, что лысенкоизм не может повториться.

И.Т. Фролов. Сейчас вышло несколько книг по истории генетики, но я должен добавить, что это в основном книги, которые были написаны после XX съезда. Вот сейчас пока у нас еще не созданы работы, в том числе по истории биологии и по истории генетики, которые бы, может, даже и более объективно, и более всесторонне освещали бы историю генетики, чем те, которые были созданы раньше.

В.Д. Дудинцев. Я читал Вашу книгу, там уже много света брошено...

И.Т. Фролов. Но, Владимир Дмитриевич, я в этой связи хотел бы вспомнить, что мне недавно присылали на рецензию, и я, конечно, дал рекомендацию – обязательно опубликовать – книгу, которая в свое время у нас была не опубликована, и это потом сопровождалось большими негативными последствиями для автора. Я имею в виду книгу Жореса Александровича Медведева.

Уж если мы такой философский ведем разговор, то я должен также напомнить сейчас: философов очень много ругают и чуть ли не делают виновниками, так сказать, того, что произошло, хотя я считаю, что это несправедливо.

А.С. Спиринов. Они большую отрицательную роль сыграли...

И.Т. Фролов. Очень большую отрицательную роль... Но мало кто одновременно показывает, что философы первые все-таки затеяли дискуссию о генетике, и критика Лысенко появилось еще в 57-м, потом в 58-м гг. Она стала очень энергично развиваться в журнале «Вопросы философии». Правда, там была такая тактика в то время: публиковалась, значит, статья с критикой Лысенко и в этом же номере была статья одного из сторонников Лысенко.

А.С. Спиринов. Это был передовой журнал.

В.Д. Дудинцев. Люблю философию, особенно ее этический раздел, я совершенно им покорен. Так вот я говорю, что виноват не философ, а, так сказать, зло этого времени, избравшее в качестве своего удобнейшего тактического оружия философию. А философия сама по себе – это большая наука, которая послужила, как Вы правильно сказали, и для положительной струи в нашей жизни. И я лично, когда роман писал, базировался целиком на философии, отвергая Митина совершенно, начисто, разоблачая его полное непонимание этики, непонимание, что такое добро и зло. Но он назывался философом и принимал активное участие в гонениях против классической генетики.

Р.В. Петров. Так это так же, как нельзя обвинять генетику за то, что в ней возник Лысенко. Если он вообще в ней был.

В.Д. Дудинцев. Точно!

А.С. Спиринов. Да, но мы обвиняем не философию, а философов, ряд философов, которые, не зная сути дела, включились в это...

И.Т. Фролов. Призваны были Лысенко некоторые философы, вроде Митина, которые сделали это дело.

А.С. Спирин. Но многие сами, Иван Тимофеевич, под это знамя становились и активно, потому что на этом делали карьеру.

И.Т. Фролов. Это сейчас большая проблема для нас. Однако сейчас воспитываются, и растут, и функционируют такие философы (многие – мои друзья), которые занимаются очень интересными и важными философскими проблемами.

Такой вот вопрос возникает, и, я думаю, он имеет и практическое значение. Возьмем, скажем, то, что связано с современными направлениями генетики. Тот же геном человека или шире – геновая инженерия. Возникает здесь необходимость обсуждения каких-то общих философских вопросов и проблем? Или наука и ученые могут обойтись и без этого?

А.А. Баев. Относительно генетической инженерии и той новой эпохи, которая возникла в связи с вторжением в биологию методов рекомбинантных ДНК. Большинство биологов, не думаю, что все биологи, стоят на той точке зрения, что манипулирование зародышевыми клетками человека недопустимо. Недопустимо, прежде всего, биологически. Потому что у нас нет гарантированных возможностей посадить пересаживаемый ген в надлежащее место в хромосому. У нас гораздо более шансов получить уродца, чем получить более совершенного человека. Так что здесь вопрос, мне кажется, совершенно однозначен: манипулировать зародышевыми клетками человека мы пока не имеем ни права, ни фактической возможности. Но другое совершенно дело – это область медицинской генетики. Это диагностика наследственных заболеваний и затем различные манипуляции генетико-инженерные, которые бы позволили ввести здоровый ген в организм человека, не в зародышевую клетку, а в организм, который бы восполнил ту

функцию, которую не может нести ген поврежденный и поэтому дающий патологические последствия. Это вопрос абсолютно другой.

И.Т. Фролов. Тут, безусловно, возникают этические проблемы. И их надо обсуждать.

А.А. Баев. Тут мы сталкиваемся с биологическими проблемами и с этическими. Насколько мы можем оправдать стремление генетическим путем получить более совершенного человека? Мы, прежде всего, не знаем, что такое совершенный человек. Начнем, собственно, с этого. Мы не знаем, что биолог должен сделать для того, чтобы получить этого совершенного человека. Словом, мы сталкиваемся с такой массой незнаний, что вопрос об этом не может быть поставлен, знаете, чисто по биологическим основаниям. Существуют этические, существуют юридические, и существуют социальные проблемы, связанные с этим, которые вовсе не решены и вовсе не однозначны. И все они свидетельствуют против какого-либо целенаправленного вмешательства в генетическую конституцию.

Р.В. Петров. Вот Вы затронули вопрос о возможности генетической трагедии, генетической катастрофы, так сказать, в будущем. Она, по-видимому, возможна, но не от ученых, которые начнут манипулировать с генами, потом останется наследство у этих людей с измененными генами и так далее, целый клон каких-то, скажем, уродов или людей с отрицательными качествами, что приведет к катастрофе. Мне кажется, что мы, вообще-то говоря, уже вступили в пору, когда генетическая катастрофа уже началась, но не от манипулирования генами с помощью науки, а из-за наших внешних условий, из-за экологических проблем, когда у нас в атмосфере нарастает количество мутагенов, различных химических вредных веществ, которые могут привести к на-

коплению нежелательных последствий. Эта проблема уже стоит, она трудно контролируемая, очень трудно. Потому что это статистические все выкладки, это увеличение того или иного аномального гена, скажем так, в популяции... Если в норме он бывает один на миллион и возникает мутация, то под влиянием радиации или химических агентов он будет возникать два на миллион или пять на миллион, то есть как будто бы незаметные цифры, но они могут давать серьезные последствия...

И.Т. Фролов. А вот в Академии наук это изучается? Я знаю, что в Академии наук нет Института экологии, я знаю, что в Академии наук нет Института генетики человека. Вот, правда, сейчас создали Центр наук о человеке и Институт человека, там генетическая и экологическая компонента будет присутствовать.

А.С. Спириин. Дело в том, что мы здесь много говорили о философии, Иван Тимофеевич. Вы поставили вопрос: нужна ли философия? Вы не поймите мою реплику, когда я сказал, что философы много помогли Лысенко, что я против философии. Я глубоко уважаю эту науку и считаю, что это самостоятельная наука, не только имеющая право на существование, но и вообще даже говорить об этом странно, это – наука, одна из самых древних наук, отражение одной из самых древних потребностей человека, и, безусловно, я отношусь к ней с большим уважением. Но нельзя, как это было раньше, чтоб философия давала рецепты биологам, как делать, что делать...

Диктор. Сталин не любил гениев. Ему, сыну сапожника, желанней была мысль, что талант можно воспитать, вырастить из кого угодно и что гены тут особой роли не играют. Поэтому и сама генетика с ее теорией наследственности была ему чужда и непонятна. Лысенко провидчески угадал, что может понравиться Хозяину, и уже в 35-

ом, на II съезде колхозников-ударников заговорил о врагах, мешающих ему досыта накормить страну.

Лысенко. Какой век! Век социализма! Век колхозов, век строительства колхозов. Что же не понятно? Ведь быть ученым в это время – почет, а ученые у нас становятся на сторону буржуазии...

Диктор. В числе врагов Лысенко назвал Вавилова. Сообщение о врагах Хозяину понравилось. И травля вавиловцев началась. И здесь на сцену выходит новое лицо, без которого Лысенко обойтись не мог, – профессор философии Презент прекрасно знал: чтобы свалить противника, надо любыми способами доказать его политическую неблагонадежность, нужно изгнать из институтов и станций методы «буржуазной науки», которые всячески культивировались «врагами народа». «За это не может не нести ответственность академик Вавилов. Тимирязева, Мичурина для Бухарина не существует, зато Бухарину очень нравится закон гомологических рядов Вавилова», – язвительно пишет Презент в редактируемом им журнале «Яровизация» и намеренно подтягивает Вавилова к бухаринскому блоку. Поливает Вавилова грязью и бывший аспирант Конь, выгнанный из вавиловского института за профнепригодность. Сотрудник ВИРа Герман Шлыков свой донос пишет уже прямо в НКВД: «Трудно представить, чтобы реставраторы капитализма прошли мимо такой авторитетной фигуры, как Вавилов! Не допускаю мысли, чтобы он, как человек хорошо известных им правых убеждений, выходец из среды миллионеров, не был приобщен к их общей организации». Лысенко навязал Вавилову дискуссию о генетике. На IV сессии ВАСХНИЛ разгорелись баталии, но лагерь вавиловцев был еще силен, и задуманного Лысенко разгрома генетики не получилось.

В 37-м в Москве должен был состояться международный генетический конгресс. Но проводить конгресс в Москве Молотов запретил, его перенесли в Эдинбург. Президентом был избран Вавилов. Травля вавиловцев усиливалась. Яков Яковлев, заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) назвал в «Правде» генетику «служанкой ведомства Геббельса». В 38-м, как выполнившего свой долг, Яковлева расстреляли. А Вавилова в Эдинбург не пустили. Открывая конгресс, профессор Крю сказал: «Вы пригласили меня играть роль, которую так украсил бы Вавилов. Вы надеваете его мантию на мои нежелательные этого плечи. И если я буду выглядеть неуклюже, то Вы не должны забывать: эта мантия сшита для более крупного человека»

А.С. Спириин. Фактически ведь что делалось? Давалось априорное утверждение, которое надо было доказывать экспериментально. Вот в чем состояла, так сказать, в методологическом смысле основная ошибка, мягко выражаясь «ошибка». Поэтому то, о чем Вы сказали, – вопрос довольно серьезный. Действительно, после всех этих ошибок отношение людей и ученых к философии стало такое настороженное. Поэтому я бы предоставил ученым полную свободу и не давал бы никаких рецептов. Не заставлял бы ни биологов заниматься философией, ни наоборот.

А теперь вернемся, наверное, к проблеме генома человека. В геноме человека, в той проблеме нашей национальной, мне кажется, главная беда состоит в том, что этот проект требует колоссальных средств, будем так говорить, колоссальных валютных средств. В то же время, этот проект в основном технический, он базируется на тех научных достижениях, которые уже есть: способы секвенирования ДНК, способы расположения. Главная опасность, мне кажется, этого проекта состоит в том, что

из наших скромных средств, а у нас очень скромное, по сравнению с американцами, субсидирование науки, мы потратим значительную часть средств на это, при этом мы не вытянем этот проект, потому что у нас не тот потенциал. И второе, что мы отвлечем значительную часть молодежи, которая будет думать, что это – наука. Вот почему я выступал против этого проекта у нас в Советском Союзе.

Р.В. Петров. В первом его варианте...

А.С. Спирин. В первом варианте. Я предложил альтернативный вариант, вернее, так сказать, исправленный вариант, где предложил не заниматься тотальной расшифровкой генов, а направленно заняться интересными генами в сочетании с их функцией. Такие гены можно выискивать. Но для этого надо развивать вторую сторону. Надо для этого не только генами заниматься, но способом их реализации вплоть до белкового синтеза и реализации функций. Насколько я знаю, в нынешнем проекте этому вопросу уделяется мало внимания, и это направление мало поддерживается финансово. Так что я действительно был оппонентом. И, кроме того, здесь есть этическая сторона. Я очень коротко скажу. Я считаю, что любые эксперименты с человеком аморальны.

А.А. Баев. Проект «Геном человека» мы рассматриваем как развитие молекулярной генетики. Это прежде всего. Почему взят в качестве объекта изучения человек? Геном человека в своей совокупности состоит из трех миллиардов нуклеотидных пар. Если перевести это на популярный язык информатики, в этом генетическом тексте содержится три миллиарда букв. И ставится конечная задача – прочтение всего этого генетического текста. Дело в том, что геному человека в нашей стране до сих пор уделяли очень мало внимания. Вот статисти-

ка за пять лет, включая 1987 г.: в мире было опубликовано 1800 работ по геному человека, из них 42% – это американские работы, и только 3% принадлежит Советскому Союзу и всем социалистическим странам. Это уже показывает отсталость этой области у нас. Мы собираемся изучать белки и сопоставлять их с геномом. Таким образом, та задача, которую мы сейчас будем решать, заключается в инвентаризации генов человека и белков человека. И с выходом уже в прикладные направления, в частности в медицинские. И я полагаю, что наука, вообще говоря, должна руководствоваться следующим принципом: если мы можем что-то такое начинать, что кажется почти невыполнимым, но уже существуют какие-то предпосылки, за решение такой задачи и нужно браться, не откладывая.

А.С. Спирин. Александр Александрович, она всем кажется не невыполнимой или не трудновыполнимой, нет, она кажется всем выполнимой чисто с технической точки зрения. Я боюсь, что мы опять идем вот на что... Наука, в первую очередь, это все-таки творчество. А эта задача... Это, в общем, где-то, как поворот сибирских рек: она грандиозна, она впечатляет, легко убедить людей, что вот она – грандиозная и важная задача, тем более что это – человек. Но, ведь задача-то, по-глубокому, – не творческая. Это моя точка зрения. Я пока не вижу никаких серьезных возражений, к сожалению.

Р.В. Петров. Возникает, по-видимому, очень философский вопрос: уверены ли мы, и Вы, Александр Сергеевич, в том, что, накопив знания о больших участках генома человека, пусть не обо всех, но об ответственных, у нас не получится нового творчества?

А.С. Спирин. Может быть...

Р.В. Петров. Не может быть, а наверное, так будет... Это мы не можем предсказать.

А.С. Спири́н. Утверждение Александра Александровича о том, что это не мусор, разделяется не только далеко не всеми, но меньшинством современных молекулярных генетиков, в том числе крупных. Такие, как Роберт Вайнберг, который первым занимается геномом человека, считают, что 90, если не 95 процентов ДНК человека представляет собой, ну, если не мусор, то во всяком случае нефункциональные участки, нужные или ненужные, но во всяком случае хранящиеся в геноме, это – эволюционный материал. Ну, это – специальный вопрос... Это точка зрения ваша, но она не общая.

Диктор. *Нобелевские лауреаты Уотсон и Крик на квартире у Ляпунова пьют за здоровье своего научного дедушки, Тимофеева-Ресовского. А Тимофеев в это время сидит в заповеднике. Молекула РНК, вышитая на галстуке нобелевского лауреата Уотсона, могла бы быть вышита на галстуке у Тимофеева. Только у него другая судьба. Тимофееву надо начинать все с начала. Когда в 1937-м г. советское посольство предложило Тимофееву вернуться, то через шведское посольство Н.Н. Кольцов передал письмо: «не возвращайтесь».*

В.Д. Дудинцев. Что я хочу сказать? Достоевский (я его привлекаю к нашей дискуссии) еще в «Преступлении и наказании» сказал устами одного из героев такие слова: «Эти господа социалисты очень хорошо все рассчитали при помощи своих треугольников, линеек, арифметики, цифр, замечательно все! Они думают, что они все решили. Но они могут с помощью своих элементарных счетных приспособлений три-четыре случая из жизни охватить и решить. А в человеческом существе таких случаев, таких элементов миллионы. Это человеческая натура...» И вот прошло время... Вот эти «арифметики», простите меня, вторглись в вопросы коммунизма. Они сделали очень много таких элементарных расчетов. Эти

расчеты им показали, что нужно интеллигенцию всю прогнать.

Диктор. *В Москве в Доме ученых состоялось чествование виднейшего представителя передовой советской науки Трофима Денисовича Лысенко. Славного продолжателя мичуринского учения приветствовал президент Академии наук академик С.И. Вавилов. Он пожелал юбиляру дальнейших успехов в его самоотверженном труде на благо нашей Родины. (Сергей Иванович Вавилов приветствует убийцу своего брата и трудно сказать, у кого из братьев Вавиловых судьба трагичней.) Выступая с ответным словом, Трофим Денисович Лысенко заверил собравшихся, что он не пожалеет сил в борьбе за процветание передовой науки, достойной великой сталинской эпохи.*

В.Д. Дудинцев. Кто такой Лысенко? Философия говорит – истина конкретна. Когда мы изучаем лысенковщину, берем как объект, то мы берем частный случай, конкретный частный случай, частное выражение истины. Изучая лысенковщину при помощи этики, мы видим, что зло в данном случае – человек, который одержим этим злом, он, соответственно, маскируется добром. Он забирается на «высокий берег» – если инквизиторы брали христианскую религию в качестве высокого берега, то лысенкоизм – марксизм. Он использует псевдомарксистскую фразеологию и с «высокого берега» с ее помощью он добивается своих целей. Но это частный случай. Мы говорим: «Возможно ли возродиться лысенковщине»? Она не то, что возродится, она все время существует! Только она не говорит о биологии. На биологию мы так направили много всевозможного стрелкового оружия, что там это зло убито, оно давно перебежало на другой «высокий берег». И вот когда мы имеем дело с поворотом рек, с гибелью Арала, с гибелью Карабогаза, ни разу никто не сде-

лал анализ: а кто это требовал, кто домогался, кому это было нужно? И можно заранее сказать: это был человек пробивной, сильный, недалекий, очень жаждущий орденов и повышения. Его надо искать, ловить, и вот этика нам помогает это делать. Я читал недавно в «Правде» о том, что Байкал по-прежнему портится, ну никто ничего не может с ним поделать. Нет, не с ним, а с этими тремя министрами, которые там собрались, поговорили, пообещали и ничего не сделали. Видимо, орден, который они получают сверху, с того места, которое выше министерства, им слаще сохранения Байкала. И, вот, надо разбираться в этом деле, надо, наконец, заглянуть туда, кто же Лысенко поддерживает?

Диктор. *А для этих жизнь казалась вечным праздником, они любили позировать, сниматься, быть любимцами публики (на экране – трибуна Мавзолея). Вот Берия. Он совсем не страшный, весельчак, заводила, свой парень, любит скабрзности, баб. Вот, кажется, опять кого-то заприметил. Они все верили, что обязательно воплотятся «в пароходы, в строчки и другие добрые дела».*

В.Д. Дудинцев. Они-то и формировали, они-то и поддерживали. Одних поддерживали, других преследовали.

И.Т. Фролов. Я думаю, Вы подняли очень интересный вопрос и истинно философский. Мы все ожидали как раз от Вас именно таких суждений, потому что и в своем романе Вы дали такой глубокопсихологический анализ, более обобщенный, чем просто действительно феномен лысенкоизма. Я Лысенко тоже знал и лично с ним много беседовал, и слышал его, конечно, еще больше. Здесь было невежество, замешанное на человеческом материале не без искры божьей, это тоже надо иметь в виду. Потому что иначе не понятно: как же он мог действовать?

В.Д. Дудинцев. В нем была искра божья, была...

И.Т. Фролов. Он был какой-то самородок, но это невежество... И следствие невежества – такое полное стопроцентное растворение в той духовной атмосфере, которая навязывалась сталинизмом. Это и приводило к таким трагедиям.

В.Д. Дудинцев. Надо изучать тем, кто хочет руководить, но не умеет, потому что он – технарь, он не человекоевед. Он кричит, как в «Правде»: «Человек – это человек, Байкал – это Байкал, а целлюлоза – это целлюлоза». И он говорит: «Целлюлоза важней!» Понимаете, вот его надо образовывать, чтобы в нем проснулся вдруг однажды свет понимания...

И.Т. Фролов. Когда я наблюдаю в одной газете, скажем, когда-то, когда вышла книга «Генетика и диалектика», после этого огромная подвальная такая статья разгромная была человека, который... (на экране статья в газете «Сельская жизнь», подписанная «В. Шайкин, заместитель главного редактора газеты „Сельская жизнь“») вы знаете, он сейчас там заместитель главного редактора и даже, кстати говоря, какие-то пишет то ли статьи, то ли книги о Николае Ивановиче Вавилове, положительные, конечно. Вот, что опасно, вот, какая мимикрия!..

В.Д. Дудинцев. Мне кажется, у нас очень велики остаточные явления. Вот Лысенко ведь через приказы Кафтанова выгнал три тысячи с лишним профессоров, докторов из лабораторий, из университетов, с кафедр. Он все эти образовавшиеся пустые места заполнил своими, а кто эти «свои»? Я их видел. Я учился в школе с многими такими. Это «камчатка». Кто не знает, кто учился в классе с первого по десятый, что треть класса сзади занимает «камчатка», рослые второгодники, которые ничего не умеют. Потом они уходят в слесаря, кто куда может... Но, понимаете ли, они уходят, но думают: мы – рабочий класс, мы – соль земли. Потом лозунг висит: ударники –

в литературу. Этот лозунг я помню. И ударники, вот эти «друзья», меня обгоняли. «Камчаточники» идут в литературу и становятся писателями, по испытанной методе. Мне кажется, что такая же точно метода была и в направлении ударников, и в биологическую современную мичуринскую науку. И когда Лысенко наводнил кафедры, то эти кафедры усиленно начали выпускать молодых лысенковцев, те стали срочно становиться кандидатами. Это же ВАК усиленно создавал их диссертациям зеленую улицу. И они стали преподавателями. Получилось огромное множество. Когда оно в биологической науке рассосется, я не знаю. Потому что не далее как полгода назад доктор наук Атабекова, крупный генетик, известный, мировое имя, решила переиздавать книгу, и ее послали лысенковцу на рецензию! И лысенковец ее слегка «прирезал» с применением каких-то новых слов. Так что, друзья, простите за фамильярность, остаточные явления чрезвычайны, и они не только там. «Камчатка» сидит и там, где портят Байкал. Он сидит, он воспользовался, понимаете, временем, которое брало его без экзаменов. Что делало время? Время говорило: ты приходишь из интеллигенции, тебе в вуз – экзамен, а ты приходишь из рабочих – тебе со льготами. И вот это тот же кафтановский приказ в другом виде.

Из фильма о Д.А. Гранине. *Вот Иогансен, вот Лобачев, ведь они сейчас развили колоссальную деятельность, посылают всюду письма против «Зубра». Это, конечно, обратная сторона демократии, когда люди используют все те возможности, которые открылись сейчас, в своих корыстных личных целях для того, чтобы защитит себя, потому что «запахло жареным». Понимаете, могут прийти и спросить: а, собственно говоря, что ты делал во время лысенковщины? А в чем состоят твои научные работы и научные труды? Что ты защищал? Они ищут что-*

то для своего оправдания, потому что не понимают, как можно оставаться свободным человеком, самим собой в труднейших исторических обстоятельствах.

И.Т. Фролов. Я думаю, что нам не нужны сейчас такие общие декларации, а нам нужна сейчас такая конкретная совместная работа, в том числе и в этой философской сфере, соединяемой с конкретным, в частности биологическим, генетическим, познанием.

Бытие и природа

В передаче принимают участие: художник Ю.В. Васильев, писатель С.П. Залыгин, д-р филос. наук Н.В. Мотрошилова, чл.-кор. АН СССР В.С. Степин, д-р филос. наук Б.Г. Юдин, чл.-кор. АН СССР А.В. Яблоков.

И.Т. Фролов. Здравствуйте, уважаемые товарищи! Тема нашей сегодняшней беседы очень многообразна, и она непосредственно связана с основной, главной нашей проблемой – проблемой человека. Человек живет в природе, человек взаимодействует с природой и человек является, в известном смысле не только частью, но и порождением великой матери-природы. Вот у Гете есть такое замечательное, я считаю, эссе, которое так и называется «Природа». Я хотел бы немножко прочесть отсюда: «Природа! – восклицает Гете. – Мы окружены и объяты ею, мы не в силах ни уйти от нее, ни глубже проникнуть в нее. Без просьб и предупреждений она увлекает нас в вихрь своей пляски и несет с нами вдаль до тех пор, пока в изнеможении мы не ускользнем из ее рук». И дальше: – «Она позволяет всякому ребенку представлять ее в игрушках, всякому глупцу – судить о ней. Тысячам проходить мимо и ничего не замечать. Всем им она радуется. Все они чем-то служат ей. Ее зако-

нам повинуются даже тогда, когда им сопротивляются. Заодно с ней идут даже при желании противодействовать ей». Очень многое в словах Гете звучит так, как будто это сказано сегодня. И эта тема – истинно философская тема! На протяжении веков философия, как и религия, – это самые древние формы человеческого познания – обращалась к этой теме, обращалась к природе. Природа, космос – это одна из основных тем древней философии, античной философии. Эта тема проходит и до наших дней. В Новое время создаются концепции натурфилософии. Но параллельно идет процесс развития уже позитивного знания, естественных наук, и вот получается и получилось так, что философия как бы была потеснена в своих претензиях на универсальное познание природы. Хорошо ли это или плохо? Конечно, хорошо, потому что развитие естествознания, развитие наук дало очень много человечеству. Но, может быть, – и это сейчас во все большей степени начинают осознавать – здесь есть и некоторые негативные моменты? Они связаны с утратой какого-то общего взгляда на природу, с утратой самой способности и желания познавать какие-то глубинные смысловые явления в природе. И самое главное – с утратой исследований понимания проблем взаимодействия человека и природы, взаимодействия во всем спектре того, что складывается здесь. Какие здесь обнаруживаются аспекты? Очень часто они, к сожалению, ускользают от нашего внимания. Кроме такого естественнонаучного, технологического взаимодействия человека с природой, существует еще и общественное, мировоззренческое, социальное, гуманистическое, нравственное даже взаимоотношение с природой. И, конечно, эстетическое отношение к природе. Вот такое многоцветие разных подходов к рассмотрению этой проблемы человека и природы – вот что сейчас начинает утверждать философия. И вот об этом мы и хотим сегодня поговорить. Мы хотим на-

помнить одновременно о великих традициях философии в рассмотрении этих проблем и показать, как они сейчас начинают возрождаться, развиваться, утверждаться, в том числе, и у нас, в нашей культуре, и мы видим хорошие, такие обнадеживающие приметы утверждения этого всего и в практике, что очень важно.

Н.В. Мотрошилова. Есть природа, есть человек, есть человеческие мысли, культура, есть вообще все, что создано человеком. Маркс, кстати, вот это созданное человеком богатство материальное, материальных предметов, называл второй природой. Это очень важно. Может быть, мы еще и вернемся как-то к этому вопросу, что такое вторая природа. Но сейчас я говорю о том, что существует первая и вторая природа. Потом вот этот совершенно необычный, великолепный, может быть, не всегда прекрасный, иногда отталкивающий нас мир человеческих мыслей, идей. Ведь они тоже рождаются, существуют, ведут какую-то свою особую жизнь. Когда мы спрашиваем: что есть общего между всем мною перечисленным, мы говорим: все это есть, все это существует и существует каким-то особым образом, но вместе с тем образом сходным, единым для всего этого существующего. Вот тогда и употребляется понятие «бытие». Философия обозначает им предпосылку единства мира, предпосылку, без которой этого единства не будет. Прежде чем что-то развивается, оно должно «быть», оно должно существовать. Вот есть такие слова: «быть или вовсе не быть – вот здесь разрешение вопроса». Но не думайте, что здесь какой-то необычный перевод монолога из «Гамлета». Это строки, которые взяты из поэмы древнегреческого философа Парменида о природе. Вот видите, когда и в каких знакомых нам почти шекспировских словах была выражена эта идея – «быть или вовсе не быть». Это был разговор о том, какую роль понятие бытия играет в философии. Но созвучие это я

считаю совершенно неслучайным. То, что потом, через много веков Шекспир вложил в уста Гамлета этот вопрос – «быть или не быть?», и когда он расшифровал эту вечную тему человеческой жизни – «быть или не быть?», что выбрать – выбрать путь сопротивления и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними? Или жить до смерти спокойно, безмятежно, без вопроса к себе: а если я живу, то мое бытие достойно ли человека? Весь комплекс этих проблем, на первый взгляд кажется абстрактным. Философия-то выходит к практике и к жизни тем, что она зовет в мир абстракций, очень сложных и высоких абстракций, но между этим миром, сложным миром и миром науки, и миром человека существует тесная связь. Вот один пример из научного опыта. Вернер Гейзенберг пишет в своих работах о том, как много пришлось думать над таким вопросом: что такое бытие элементарной частицы, каким совершенно особым образом она существует? И он сказал такие, на первый взгляд, не очень понятные слова, он сказал, что бытие элементарных частиц абстрактнее, чем атомы у греков... Ну, казалось бы, элементарные частицы – это же реальность, а не абстракции... Но дело-то в том, что их очень трудно уловить, их нельзя просто так видеть. Значит, нужно построить какое-то понятие о бытии, о существовании. Это вопрос философский, он связан с этой самой темой бытия. Или, когда мы исследуем мысли, ну, предположим, мы исследуем общественное мнение... Один из самых первых вопросов, на которые надо ответить, – он совсем непростой, нетривиальный: а как существует, как бытийствует, говоря языком философов, общественное мнение? Это, вот, проблема науки. Хотела бы это мое рассуждение о категории бытия я закончить словами из недавно опубликованных стихов Бориса Слуцкого для того, чтобы проиллюстрировать, что бытие – оно с нами и проблема бытия – с нами. Он так писал: «Бытие, все его

категории, жизнь, и смерть, и сладость, и боль, радость точно так же, как горе, я впитываю, как море – соль». Да, мы впитываем, как море соль, вот эти категории, категории бытия и небытия, жизни и смерти, смысл бытия, потому что мы не просто живем, мы не просто в нашем быту, мы – в бытии.

И.Т. Фролов. У нас здесь Юрий Васильевич как художник свое слово, я думаю, скажет и в восприятии этой проблемы, и, насколько я знаю, Юрий Васильевич активно, средствами своего искусства ведет определенную работу по охране, защите природы.

На экране картина Ю. Васильева «Гамлет».

Ю.В. Васильев. Здесь я решал Гамлета не как Шекспировского героя, а я через Гамлета хотел показать проблему «быть или не быть» не самому Гамлету, а всему человечеству. Поэтому он изображен как бы классическим Гамлетом, но его оформление, его фон – тема такого космического, что ли, решения. Эти темы я очень долго исследую, и дело в том, что я это начал задолго до появления кометы Галлея. А потом выяснилось: «глаз» кометы страшно сходен с моими так называемыми «циклическими» изображениями, а я этот «глаз» никогда не видел.

На экране картина «Жизнь одной элементарной частицы».

Ю.В. Васильев. Эта картина называется «Жизнь одной элементарной частицы». В ней я хотел передать сущность заблуждения, может быть, личности, а может – народов, а может быть, человечества. А смысл такой – к этому центру, который как бы притягивает, как некая истина, стремятся частицы, одна из них более яркая, она хочет ворваться в этот водоворот, в этот самый высший орган вращения, как бы сказать. Но она там перекручивается и вылетает оттуда уже сгоревшая и голубой свет дарящая. Она с большими надеждами летит с красными,

она летает, но потом улетает в бесконечности, в голубом свете...

И.Т. Фролов. Маркс и Энгельс писали о том, что очень часто мы воспринимаем как бы порознь, отдельно историю людей и историю природы. А на самом деле они взаимодействуют, поэтому и мы должны исследовать именно это взаимодействие истории людей и истории природы. В этом смысле мы опять приходим к этой связи человека с природой, и вне этой связи для нас и не существует природа, хотя мы материалисты и знаем, что природа существует вне нас, помимо нас и так далее. Но мы-то ее воспринимаем как люди, воспринимаем именно так, и вне такого взаимодействия и по-другому и воспринимать нельзя. У Маркса даже есть такое понятие, что природа – это тело человека, и он должен постоянно поддерживать это тело, чтобы не умереть. Это предельно ясная и очень отчетливая позиция, и не худо бы нашим современным экологами это почаще вспоминать, потому что мы сейчас для экологических размышлений находим много различных источников, но мы еще, я считаю, по-настоящему не исследовали богатства марксистского понимания этой проблемы, такого понимания, которое одновременно унаследовало эту богатейшую традицию философии. Забываем даже о том, какая была докторская диссертация у Маркса, «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Вот та основа, на которой выросал Маркс, и, мне кажется, не случайно и последующее научное понимание того, что мы сегодня называем экологической проблемой, должно еще больше опираться на эти замечательные и, я еще раз подчеркиваю, может быть, мало изученные пока проблемы, мало соединенные с сегодняшней реальностью. Мы тоже в этом виноваты, мы тоже виноваты, мы мало пропагандируем эти идеи. Как Вы считаете, Вячеслав Семенович?

В.С. Степин. Я хотел бы продолжить эту мысль о том, что у Маркса действительно очень яркое выражение, он говорит: «Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело...» У Маркса вообще концепция человека очень специфична и, на мой взгляд, было великое открытие – понять, что у человека два тела. Одно – это то, которое дала природа и которое является продуктом биоэволюции, продуктом такого естественного развития природы, и второе тело – это то тело, которое сам человек создает в процессе своей деятельности. Он строит из материала природы вот этот самый сложный предметный мир, который выступает как вторая компонента его тела, и он эволюционирует дальше как двухкомпонентная система. У него эволюция идет такая, что чтобы понять, что он за телесное существо, надо обязательно понять, как возникает этот окружающий его мир, мир предметов, которые он создает, эта вторая природа. Существует очень интересное взаимодействие между первой и второй природой в процессе человеческой истории... Сейчас, когда мы обращаемся к современной научной картине мира, возникают ну просто поэтические заходы к пониманию того, что такое человек. Мы видим человека как естественный итог глобальной эволюции материи в космосе. Современная космология открывает такие новые сюжеты, что, оказывается, та Вселенная, в которой мы живем, – метagalactica, это один из возможных миров, и таких миров может быть очень много. Но наш мир такой счастливый, что он развернул внутри себя огромные богатства форм материи и форм ее движения, огромные богатства структур. Потенциально, в самом начале нашего мира, в эпоху большого взрыва, когда он возникал двадцать миллиардов лет назад, были заложены эти структуры как потенциалы, как возможности. Вот, говорят физики, космологи, что если бы, допустим, электромагнитное взаимодействие было устроено таким образом,

что постоянное взаимодействие было чуть-чуть меньше или чуть-чуть больше так называемой «постоянной тонкой структуры» (физики очень хорошо знают ее роль в том, как осуществляется электромагнитное взаимодействие), то в нашем мире не было бы атомов, не было бы молекул, естественно, не было бы человека. Вот есть такой «антропный» принцип. Он означает, что мировые константы, которые управляют электромагнитными взаимодействиями, так согласованы между собой, что позволяют, создают условия в нашем мире развернуться богатству всех материальных структур и возникнуть жизни, и возникнуть человеку. И сейчас мы человека рассматриваем не просто как итог эволюции живой материи, мы его рассматриваем как закономерный итог эволюции всей материи. Закономерный не с точки зрения какой-то predeterminedности, а с точки зрения тех потенциальных возможностей, которые в ней были заложены. И когда человек начинает развиваться, его развитие – это не просто биоэволюция, это уже история, это особый тип развития, и тогда возникает внутри человеческого общества особая линия развития самой природы. Ведь даже колеса природа сама сделать не может. Но возможность для этого есть в природе, и человек эту возможность реализует. В природе электронно-счетная машина на полупроводниках не возникает, есть аналог этих машин – наш мозг. Может, они даже и более мощные, чем наш мозг (не может, а, наверняка, так и есть), мозг – удивительное создание природы, но вот такого технического устройства в природе не возникает, они, как грибы, эти электронно-вычислительные машины, не растут. Для природы это маловероятная эволюция. Подсчитали, что для того, чтобы природа случайно сама создала, допустим, электронно-вычислительную машину, нужно время, превосходящее на много-много порядков, то есть в миллиард миллиардов раз, время существования самой метagalaktiki, двад-

цать миллиардов лет. Но мы-то создали это все! Значит, через творения человеческих рук природа развивает себя в какой-то новой ипостаси. И возникает тогда две линии эволюции – одна естественная, а вторая искусственная и вызванная человеком. И их надо состыковать. До поры до времени эти линии эволюции шли как-то сами по себе. Но вот настал такой момент, когда нам приходится, создавая этот предметный мир, понимать, что мы погружены в более сложную структуру, в биосферу, в сферу жизни, и мы являемся частью ее, и у нас существует постоянное противоречие между тем нашим естественным телом, которое природа создала, и тем нашим искусственным телом, которое мы создаем, усложняем, совершенствуем в процессе нашей истории. Вот эти две линии эволюции сейчас должны быть состыкованы, должны стать коэволюцией человека и природы. И эта идея, такое видение человека, возникли не просто в отрыве от практических проблем, как некоторое чисто философское разумение. Вовсе нет. Она обостряется сейчас всеми экологическими проблемами, экологическим кризисом, и это сложнейшая проблема – как эти две линии эволюции состыкуются, как они будут развиваться? Какова дальше судьба этого творения человеческих рук, этого очень маловероятного для природы состояния, ее предметов, вещей как части самого человеческого тела?

А.С. Яблоков. С биологической точки зрения проблема существа человека, природы человека, человека и природы встает перед любым исследователем, связанным с изучением самых специальных задач. Что такое человек? Мы понимаем, мы привыкли, что, с философской точки зрения, это уровень самопознания. Сейчас, да, наверное, и не только сейчас, все развитие естествознания показывает, что граница между человеком и природой с каждым витком развития науки стирается. У меня такое впечатление, что раньше мы думали, что человек более жестко отделен

от природы. Многие современные открытия показывают, что место человека в природе все-таки ближе к природе, чем это диктуется нам, допустим, религиозными воззрениями, которые утверждают, что человек – венец творения, оторван от природы, поэтому может управлять природой и так далее. Мы думали, что у человека есть присущие ему человеческие качества – любовь, сопереживание, зависть, ревность. И все это сейчас мы находим... в стаде обезьян. Стоит понаблюдать за этим стадом обезьян несколько часов, вы увидите любовь, и зависть, и ревность, и альтруизм, и сопереживание.

Что говорить об обезьянах! Обезьяны – близкие нам и филогенетически, и эволюционно. Ну, вот, крысы. В крысином «обществе», если можно так сказать, мы находим некоторые вещи, которые до удивления напоминают нам ситуации в человеческом обществе. В любом обществе крыс, в любой группе крыс мгновенно образуется иерархия: кто-то становится лидером, кто-то становится бета-самцом, как мы называем, и кто-то становится подчиненными. Это по «самцовой линии», так сказать. И вот исследователи, в частности, используя методику, разработанную профессором Крушинским, покойным, к сожалению, замечательным нашим физиологом, исследователем живой природы, исследователем сознания (именно сознания), стали выяснять: а чем же отличаются лидеры? Чем же отличаются крысиные лидеры? Отличаются одним: агрессивностью. Вы понимаете! Я далек от того, чтобы полностью переносить это на человеческое общество. Но все-таки, согласитесь, что в этом крысином «обществе» что-то такое есть, что связывает нас какими-то глубокими внутренними связями с общими закономерностями.

И.Т. Фролов. Это очень большая тема об эволюционно-генетических предпосылках некоторых высших этических качеств человека. В общем, здесь очень много сейчас

существует и неоправданных экстраполяций, хотя и есть нечто, что следует изучать. Кстати, очень интересно, что у нас традиции изучения этих проблем идут от Кропоткина. Вы, наверное, знаете, что Кропоткин был не только анархистом, но и одним из замечательных мыслителей, географом, он занимался также теорией эволюции и написал книгу об этике.

А.С. Яблоков. О взаимопомощи в мире животных. Он как бы противопоставлял: не борьба за существование, не прямая борьба, что око за око, зуб за зуб. А что в природе существует взаимопомощь.

Н.В. Мотрошилова. Природный альтруизм такой...

И.Т. Фролов. Ну, если позволите, я очень люблю такие яркие умные мысли. Вот Энгельс писал, что «история движется к примирению человечества с природой и с самим собой». Мне кажется, очень хорошо сказано! А вот, смотрите, какое замечательное, поэтическое такое высказывание нашего писателя Пришвина. Я очень люблю его и часто цитирую. Вы меня извините поэтому. Он писал: «Гармония – это когда в природе человек находит соответствие своей душе». И Пришвин призывал быть милостивым к природе и охранять ее, считая, что (и дальше я цитирую) «сам человек тем только и человек, что соединяет в себе все, что есть в природе, расставляет эти свои части на места, и когда это верно приходится, – все на места, – то достигается нечто новое в жизни, называемое по-разному: культурой, прогрессом, творчеством, и тогда вся природа включается в человека». Я считаю, замечательно сказано. Видите, сколько интересных мыслей и предостережений человечество накопило! А, к сожалению, очень часто мы следуем совершенно другим стандартам, совершенно другим представлениям. Это и создает острую ситуацию, в том числе и экологическую ситуацию, о которой сейчас много и справедливо говорят.

С.П. Залыгин. Сочетание этих слов – «природа» и «человек» – для меня это, может быть, самые современные понятия, более современных у меня нет. Мне это представляется потому, что такова история нашего существования в природе, что когда-то природа решала, быть или не быть человеку, а теперь человек решает, быть или не быть природе. И этот критический момент нас обязывает, если хотите, может даже и философствовать несколько иначе. Под углом зрения этого критического нашего состояния. Возьмем самые простые вещи, я потом снова постараюсь отойти от практики, печальной практики. Ну, вот у нас сейчас появилось такое понятие – «списание земель». Тысячи лет земли возделывались, а теперь мы в результате орошения или других каких-то мероприятий их списываем, нету земель, не стало. То есть списали природу. У нас в Средней Азии за двадцать последних лет списано три с половиной миллиона гектаров. Была земля – не стало земли. Вот такова наша роль. Мне кажется иногда – может быть, это моя фантазия, – но мне кажется, что мы с какого-то момента стали жить с природой в разных системах. Во-первых, мы как люди, как человечество, познаем себя, прежде всего, в своих потребностях. Мы развиваемся в своих потребностях, хотим больше знать, больше иметь, больше эксплуатировать. А ведь не может быть, чтобы не было ограничения такой линии поведения! И какие-то должны быть тормоза на этом пути! Потом, мы привыкли все вокруг себя измерять в каких-то единицах измерения. Метр, километр, килограмм, тонна, киловатт-час, киловатт установленной мощности, час, минута, сутки. А, на мой взгляд, природа на единицы измерения не может быть измерена. Она циклична, она живет циклами. Скажем, суточный цикл – утро, день, вечер, ночь, – годовой цикл, орбитальный цикл, жизненный цикл. И мы своими единицами измерения никогда не измерим этот цикл. Как

Гегель говорил, истина – это всегда целое. Вот это целое-то нам и не дается! И мы расходимся с той эволюцией, с той природой, которой мы часть и которую как целое мы никак не можем воспринять. Я думаю, что мы очень долгое время в понимании природы ограничивались любованием природой, а все остальное как-то отодвигали. Вот эта лирика тоже была причиной нашего эгоизма. Эгоизма потому, что мы не находили правильного соотношения между лирикой и эгоизмом. Две крайности.

На экране картина Ю.В. Васильева «Загрязнение».

Ю.В. Васильев. Я хотел изобразить на этой картине «Загрязнение», как страшное животное, на котором сидит сублильный человек, произвело вот это страшное загрязнение. Вы не знаете, быть может, тему загрязнения, тему очистки, которая у нас сейчас далеко не решена. То, что вывозят из наших мусоропроводов, потом едет на сжигание, потому что у нас очень мало перерабатывающих свалочных заводов, которые мы покупаем. И на самом деле вещи, которые туда вывозятся, просто сжигаются. И ядовитые вещи, и полезные...

На экране картина «Созерцание».

Ю.В. Васильев. Картина «Созерцание» – альтернативная. Это, как бы сказать, ответ тем, кто спрашивает: вот Вы показали, что человечество загрязняет природу. А к чему же Вы призываете-то? Я призываю к тому, чтобы природу оставить в хрустальной прекрасной первозданности, любоваться ею, жить с ней одним дыханием. Вот такая тема на этой картине...

На экране картина «Дон Кихот».

Ю.В. Васильев. Картина «Дон Кихот» написана в самые тяжелые времена – 1957-й г., когда возникла опасность атомной бомбы. Видите, на той ступеньке, на которой 57-й год, потом 58-й, 59-й, 60-й, он (а он – это мы, человечество) уверенно шагает, не задумываясь о том, что он рухнет. Это

как бы антивоенная реакция, донкихотство, понимаете ли... И вот картина «Загрязнение», если сравнить с этой картиной «Дон Кихот», то там героем кажется Дон Кихот, он как-то ещё героически сидит, держась за это уже распадающееся чудовище. А сколько мы сегодня видим загрязнений в отличие от 1957 г.!

С.П. Залыгин. Если мы будем эксплуатировать и дальше природу, то это же немислимое дело! И я думаю, что современная организация человеческого общества и, я даже не побоюсь этого сказать, и современная философия просто не вправе обходить вот эти проблемы сегодняшнего дня.

И.Т. Фролов. Сергей Павлович, в философии как раз уже давно вызрело это убеждение о том, что, может быть, какие-то духовные основы нашей цивилизации – порочны. Это и приводит к многочисленным движениям, которые сейчас осуществляются. И мы поэтому и вспоминаем многие мудрые мысли великих людей для того, чтобы вернуться к ним и не просто вдохновиться этими мыслями, а сделать их фактом массового сознания. Должен произойти очень существенный переворот в самом сознании, в мировоззрении, а значит, и в философии нашей для того, чтобы цивилизация пережила этот кризис, в котором она оказалась, и двигалась дальше уже в таком направлении, которое могло бы реализовать эту гармонию человека и природы. Философия в этом смысле есть уникальное изобретение человечества. Она дает всегда определенные варианты для выбора тех или иных решений, и может и по неправильному пути направить развитие людей, и в то же время дает определенные идеи, которые могут выводить человечество на правильный путь. Никуда мы от философии все равно не денемся...

С.П. Залыгин. Нет, не в этом дело. Я думаю, остановить нас сейчас одна отвлеченная философия без страха гибели человечества не сможет. Я теперь за страх, хотя его не-

навижу, и не люблю, и призираю. Но, может, этот презренный страх все же будет спасительным.

Н.В. Мотрошилова. И в категории философии тоже страх... тревога, страх, забота.

С.П. Залыгин. Да, спасительный страх. Это немножко иначе: не только тревога, не только забота, а, действительно, страх как таковой. Надо самые крайние понятия, пришло время самых крайних понятий.

На экране картина Ю.В. Васильева «Война миров».

Ю.В. Васильев. Ну, эта картина называется «Война миров», где, собственно, в этой схватке победителей не видно. Поэтому картина говорит о том, что, если будет схватка, победителей не будет в этой войне. Я об этом ее и написал, абстрактно, но очень, как бы сказать, доходчиво.

На экране картина «Георгий-победоносец».

Ю.В. Васильев. На классической теме «Георгия» я тоже самое хотел показать – зловещий принцип загрязнения, войны, страшного антихриста, зловещего, темного, все темные силы, которые грозят человечеству. И уверен в том, что здесь силы прогрессивные, которые я, как бы сказать, ассоциирую с Георгием, которые затопчут, как этот прекрасный конь, и пронзят это отвратительное чудовище, которое грозит человечеству.

На экране картина «Грусть, одиночество после ядерной катастрофы».

Ю.В. Васильев. Картина «Грусть, одиночество после ядерной катастрофы» показывает то, что осталось после катастрофы на земле. Какое-то яйцо или некое существо, которое сидит в еще не до конца высохшем водоеме...

Н.В. Мотрошилова. Прекрасный западногерманский философ, один из основателей экзистенциализма Мартин Хайдеггер сказал, что специфика человеческого бытия состоит в том, что человек – одно из уникальных, наверное, во Вселенной существ, которое может вопрошать о бытии.

Далее он заметил, что человек может не только вопрошать о бытии, но и нести ответственность за бытие. Вот сегодня мы поставлены именно у этого рубежа, когда человек, существо, умеющее вопрошать о бытии, наконец, должен с полной ответственностью задать себе все вопросы, которые касаются его ответственности за бытие, вот этой возможной угрозы, которую наносит человек сейчас, носит в себе эту угрозу планете, угрозу земному существованию, своему собственному существованию. Это один из парадоксов бытия сегодняшнего. Но и понять все-таки, что он – существо, способное ответить на вызов бытия и на ту ситуацию, которая возникла в сегодняшнем бытии из-за его вмешательства.

Б.Г. Юдин. Человек становится ответственным за природу. Ситуация такая, что вот вдруг в это взаимодействие человека и природы входит нравственная и этическая проблематика. То есть мы привыкли, что когда мы взаимодействуем с другими людьми, мы как-то должны учитывать их самость, то есть то, что это такие же самостоятельные существа, и из этого исходить. Ну, по крайней мере, так принято. Но у нас пока что не было такого навыка во взаимоотношениях наших с природой. И были разные концепции в истории человеческой мысли, разные понимания этих взаимоотношений человека с природой. Были такие представления о том, что природа – это нечто, безмерно превосходящее человека и как-то его подавляющее даже. Были такие воззрения, согласно которым природа – это то, что может учить человека и у чего должен человек учиться, природа как храм. Какое-то такое отношение к природе было как к чему-то священному и возвышенному. Было такое отношение к природе, что природу надо покорять, тем более что она без меры, и, в общем, все, что мы можем от нее взять, то мы и должны от нее брать.

И.Т. Фролов. Природа как мастерская.

Б.Г. Юдин. Да, и такое отношение хитрости даже, что вот там есть какие-то у природы секреты, а вот их надо изловчиться и обхитрить. Вот сейчас, по-видимому, настало время для выработки какой-то новой составляющей для осмысления, новой составляющей, которая должна возникнуть в деятельности человека. То есть составляющая эта связана с тем, что деятельность человека должна включать элемент ответственности по отношению к природе, что природа – это, скажем так, партнер, с которым можно как-то взаимодействовать, но надо как-то уважать в нем его самоценность, его какое-то собственное начало, его собственную линию развития.

И.Т. Фролов. У нас сейчас для этого созданы все условия. И Вы знаете, Сергей Павлович, мы с Вами обсуждали, как все горячо приветствуют это последнее постановление ЦК и Совета Министров о новых мерах по охране природы. И Вы помните, как наряду со всякого рода научными, технологическими, организационными мерами, как много там говорится о необходимости перестройки экологического образования и экологического воспитания. Что это такое, если это все свести к одному? Это и есть изменение философии природы, если хотите так, изменение понимания самого смысла взаимодействия человека и природы. Круглый стол, больших даже размеров, чем сейчас, с большим количеством участников, выдающиеся многие наши ученые, философы в журнале «Вопросы философии» провели в 1972-м г., назывался этот круглый стол «Человек и среда его обитания». Вот тогда в 1972-м г. постановка в широком мировоззренческом философском аспекте этих же самых проблем, это тогда было некоторое деяние. Сейчас мы с вами больше пропагандируем то, что за это время уже наработали, в том числе и мы, философы, советские философы. А тогда это было деяние. А почему? Да потому что

этот круглый стол все-таки состоялся до того, как в нашей стране был опубликован указ, первый вот такой большой указ об охране окружающей среды, и это вдвойне делает то, что произошло, ну, таким, я бы сказал, эффективным деянием.

Ю.В. Васильев. Темы, которые сегодня поднимали все присутствующие, как-то отражены в моих картинах: и Гамлет есть космический, и загрязнение окружающей среды, и все. Поэтому, я думаю, что все, кто действительно болеет за эти темы, они должны прислушаться к рассказу космонавтов. Они там говорят: «Посмотрите на нашу Землю сверху. Она вся такая нежная, такая красавица, ее надо лелеять». И тут вспоминаются слова Назима Хикмета:

Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Так кто же здесь рассеет тьму?

Так надо гореть, надо. Ну, Пастернак говорил, скажем:

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

Вот как нам всем привлечь любовь пространства? Это объединиться с природой, это так, я думаю, он говорил. Как Вы считаете?

На экране картина Ю.В. Васильева «Розы Иокогамы».

Ю.В. Васильев. Неофициальный символ Иокогамы – это белая роза. И вот, на фоне известного залива Иокогамы, вот этот падающий каскад роз, как бы сказать, символизирует чистоту, прелесть жизни и, так сказать, полноту и красоту японского искусства. Понимаете ли? Поэтому эта картина, я их написал в двух вариантах, одна в Японии находится, другая находится здесь.

На экране картина «Война и мир».

Ю.В. Васильев. Здесь можем назвать два названия: или «Война и мир», или «Мы не хотим войны». То есть, в сущности, здесь очень ярко выраженный образ войны, выраженный в сидящих на ветках этих страшных птицах, и полыхающий, и обжигающий эту темную женщину с белым ребенком. Решает даже и расовые проблемы, вот я считаю, что человечество все одинаково. Я не зря сделал эту темную женщину с белым ребенком, как бы это сказать, объединив все человечество этой темой. Она их отталкивает, этих черных птиц, она от них стремится, это, так сказать, гневный протест. А война спокойна, как живое чудовище, одним боком она еще полыхает.

На экране картина «В космосе».

Ю.В. Васильев. Здесь как бы изображен летающий космический корабль. Может, он где-то по своим абрисам напоминает летающую тарелку. А в нем группа космонавтов. По форме, по облику они ничем не отличаются от землян, только что они все безволосые. Их головы обрамляют то ли космические шлемы, то ли сияние, это автор оставляет, как говорят, за кадром. И вот они находятся перед этим дисплеем, цветным экраном, который выдает определенные гармонии, и по цветосочетанию они подлетают к каким-то определенным планетам. Они читают, что это такое. И название этой картины может быть такое: «В космосе». Другое название так: они направлены вот на ту планету, как бы перенесшую атомный взрыв и представляющую из себя только кучу раскаленного металла.

И.Т. Фролов. Мы должны, кроме всего прочего, ведь позаботиться о восстановлении именно истинно марксистского понимания этой проблемы, которое было, к сожалению, в предыдущие десятилетия просто утрачено и отброшено даже, растоптано, забыто. И реальная практика, в том числе производственная практика, строилась вне всякой связи с этими принципами. А значит, что, в опре-

деленных смыслах, она и не соответствовала истинным принципам социализма. И вот поэтому эта работа, работа перестройки, которая сейчас ведется, по восстановлению гуманного облика социализма в его марксистском понимании и восстановлению теоретических исходных позиций наших, марксистских позиций – это важнейшая задача. Это задача философов и это их реальный вклад в то, что мы сейчас делаем. Мы это должны развивать все более интенсивно. Пусть все понимают, что вклад философии здесь – очень специфический. Мы хотим затронуть, и мы касаемся каких-то глубинных основ, на которых, я еще раз повторяю, строятся отношения человека и природы. Они должны быть преобразованы в новом совершенно, гуманистическом смысле. И что здесь откроется нового для нашего понимания – это еще даже трудно сказать. И, кажется, мы вышли на совершенно новый этап нашего развития, и наступило время для того, чтобы очень серьезно задуматься о самых основах нашего взаимодействия с природой. Только тогда мы сможем и строить реальную политику. Экологическая проблематика все больше выходит на передний план в международных отношениях. Это глобальная проблема, мы сегодня говорили об этом. Это глобальная проблема, и значит, уже не только мы, социалистическая страна и другие страны социализма, но и человечество в целом должно во все большей степени обратиться к самым основам своего существования, к основам, на которых зиждется человеческая цивилизация, что-то переосмыслить, что-то изменить, может быть, что-то построить заново. Вот на этом, по-видимому, мы сейчас прервем нашу философскую беседу, мы еще не раз будем возвращаться к этим темам. А сейчас до свидания, всего вам dobroго!

Экология и новое мышление

В передаче принимают участие: д-р филос. наук Э.А. Араб-Оглы, д-р геогр. наук С.А. Евтеев, писатель С.П. Залыгин, чл.-кор. АН СССР В.С. Степин, академик А.Л. Яншин.

И.Т. Фролов. Экология и новое мышление – тема номер два после проблемы мира и разоружения. Они находятся в очень тесной связи и являются глобальными проблемами современности. Рассматривая проблему экологической безопасности в мировоззренческих аспектах, мы, очевидно, должны рассматривать и наши внутренние экологические проблемы. Думаю, что вообще невозможно обсуждать экологическую проблему как глобальную в отрыве от того, как она решается в той или иной стране, в том или ином регионе. На протяжении последних лет мы уделяем много внимания охране окружающей среды. Но такой интерес широкой общественности к этой теме и, я бы сказал, вторжение в сознание современного человека важности этой темы пришло к нам не так давно. Скажем, ещё двадцать лет тому назад мы несколько самодовольно говорили, что западные страны втягиваются в экологический кризис, что они пытаются изобразить

зять его как глобальный, но нас-то он не касается. Невнимание к этой проблеме двадцать лет тому назад, когда ещё многое можно было поправить, привело к тому, что сейчас произошло её чрезвычайное обострение. В ряде регионов возникло предкризисное состояние. То есть отрицая понятие «кризис» в отношении нашей страны, мы сами незаметно для себя втянулись в него фактически, в жизни.

Первые попытки рассмотрения экологической проблемы как глобальной, то есть имеющей общемировое значение и включающей в свою орбиту и нашу страну, встретили очень резкое идеологическое и политическое противодействие. Поэтому задача философов и пятнадцать, и более лет тому назад заключалась в том, чтобы дать идеологию этой глобальной проблемы. Речь шла о том, чтобы как-то органично вписать эту проблематику в систему наших идеологических, в том числе и философских, представлений. Но задача эта на первых порах встретила сопротивление, потому что предполагалось: это не главное, главное – социальные сферы, и марксизм ориентируется прежде всего на них.

Обращаясь к экологической проблематике, мы обращались одновременно к истокам нашего мировоззрения, к К. Марксу, и видели, что в марксизме в самом начале его возникновения тема взаимодействия общества и природы была очень хорошо разработана. Основоположники марксизма отнюдь не противопоставляли взаимодействие человека и природы, общества и природы всем другим социальным взаимодействиям. Наоборот, всё это находилось в очень тесной связи. И извращение этой истинной сути марксизма, марксистского учения, догматизм, которые господствовали в предшествующие годы, привели к тому, что мы стали руководствоваться какими-то ложными философскими, мировоззренческими стереотипами, суть ко-

торых в том, что человек – некоторый демиург, который может и должен всё преобразовать, переделать в природе. Совершенно исключались обратные зависимости, стремление построить гармонические отношения.

Поэтому, естественно, экологическая проблема не формулировалась в самостоятельном виде и рассматривалась как нечто десятистепенное по значимости. Вот в такой обстановке мы, философы, и начинали действовать с конца 1960-х – начала 1970-х гг. Тогда ещё были живы такие учёные, как академики Е.К. Фёдоров, П.Л. Капица, которые очень горячо поддерживали нас. Первый «круглый стол» был проведён в 1972 г. в журнале «Вопросы философии», то есть до выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР об охране природы. Это было тогда яркое, смелое деяние, и оно оказалось не отдельной вспышкой, а дало результаты. В последнее время деятельность философов несколько ослабела, но наибольшая их активность была тогда, когда нужно было ставить проблемы, это сильно возбуждало и деятельность многих ученых. Сейчас нужно вести систематическую, конкретную работу.

С.П. Залыгин. Природа в наших представлениях была категорией вечности. Человек уезжал из разных мест, через тридцать-сорок лет возвращался домой и встречал такую родину, которую помнил. Для него были вечными категориями дом, родной пейзаж, небо. Сейчас всё наоборот. Пока я живу, природа тех мест, где я родился и живу, изменилась три-четыре раза. В каком-то смысле, я более вечен, чем окружающая меня природа, мы с ней поменялись местами.

Иногда у меня такое впечатление, что я – свидетель того, как на моих глазах вечность канула в лету. Когда-то мы прислонялись к природе, испытывали чувство вечности, которое она в нас вызывала. Сейчас это чувство утеряно.

И.Т. Фролов. Помните, Пушкин говорил: «...и равнодушная природа красую вечною сиять...»

С.П. Залыгин. Критерии вечности утеряны в нашем сознании, в нашем существовании. С другой стороны, мы сейчас своим существованием, поведением определяем, будет ли у нас будущее или нет. В связи с этим возникает очень много чисто практических проблем. Я думаю, что неурядицы в отношениях между людьми, сословиями, социальными группами обязательно сказываются на отношении общества к природе. Если мы не можем найти общего языка между собой, то всё это отзывается на природе. Живя неправильно, неправильно строя свои отношения, мы обязательно переносим это и на наши отношения с природой. Был у нас культ личности, был сталинский план преобразования природы, который положил начало очень серьёзным экологическим последствиям вторжения человека в природу. Может быть, именно тогда произошли перемены, когда решили зарегулировать все наши реки одним махом, построить каналы, осуществить переброски водных ресурсов. Все эти идеи гигантомании, от которых мы никак не можем отделаться. А ведь они очень опасны.

Э.А. Араб-Оглы. Точно так же, как при культе личности растоптали достоинство человека, так же начали топтать природу.

В.С. Степин. Отношение человека к природе всегда коррелировано с отношением к другому человеку. Это, наверное, идёт ещё от эпохи Просвещения: предназначение человека – изменить, преобразовать нечто. В конце концов, это отражает суть человека, ведь он – деятельностное существо. Но что понимается под словом «преобразовать»? Когда человек работает с миром простых механизмов, неорганических предметов, он может отделить себя от этого предмета, может разобрать и со-

брать простой механизм, если он умеет это делать. Но с органическим целым человек не может этого сделать, потому что, разобрав на части живой организм, потом его не соберёшь. В эпоху господства централизованной административно-командной системы руководства, когда создавались все эти великие планы, к природе относились как к абсолютно гибкому и пластичному материалу, из которого можно слепить что угодно. Так же относились и к человеку. Возникла машинная концепция человека, когда у него «вместо сердца пламенный мотор», концепция человека-винтика. Эта концепция очень хорошо подходила для ситуации, когда всё общество организовано по принципу централизованной административно-командной системы, когда не надо думать о сущностных свойствах объекта, о том, как он тебе ответит: приказал и считай, что сам приказ должен абсолютно воплотиться в материале, что материал абсолютно лабилен. В этой позиции заключается целостное мировоззрение, и, если мы хотим перестроить наше отношение к природе, нам придётся прежде всего сломать те мировоззренческие структуры, которые сформированы в нас этой командной системой. Нам нужно по-новому понимать человека, особенности его деятельности, его честь, достоинство, природу и отношение человека к природной среде, его ответственность перед ней. То есть нам придётся решать целый комплекс мировоззренческих задач.

И.Т. Фролов. Я должен сказать, что всё это так, но нельзя забывать и технологическую сторону решения экологической проблемы. Только тогда и произойдёт поворот к новому мышлению, в том числе и экологическому, во всей его грандиозности. А обратив внимание на технологическую сторону, мы увидим, что представления о борьбе человека с природой прочно существуют

в человеке, может быть, даже на уровне генетических структур. Человек возник в природе, где первоначальной проблемой была проблема выживания; природа тогда угрожала, противостояла ему. Теперь всё по-другому. Мощные орудия, технические средства труда, знания, которые дают человеку возможность выживать и свободно развиваться, достигли таких колоссальных масштабов, что стали угрожать природе. Таким образом, требуется переосмысление гораздо большего, чем раньше, комплекса проблем. Роль философии при этом возрастает, потому что меняется наше осознание положения человека в природе, меняется представление о том, что такое природа.

А.Л. Яншин. Наши учёные, философы уже давно ставят вопрос об отношении человека к природе, о рациональном подходе к использованию природных ресурсов. Я загляну в ещё более ранние времена нашей советской научной жизни. Хочу напомнить, что ещё в 1920 – 1930-е гг. много внимания уделял этой проблеме великий советский учёный В.И. Вернадский, который разработал современные представления о биосфере и направленности её изменений. В.И. Вернадский не призывал к запрещению изменений, наоборот, он считал, что изменения природы нужны, но должны быть рациональны, что природа должна давать всё больше и больше для удовлетворения материальных, эстетических, духовных потребностей численно растущего человечества.

Но если отдельных учёных уже давно волнуют эти вопросы, то на страницах газет и общих журналов слово «экология» только что появилось. До 1982 г. включительно Вы не найдёте этого слова в периодической печати. Более того, когда в 1971 г. создавалось Уральское отделение Академии наук и был организован первый в нашей стране

институт, в названии которого стояло слово «экология», – Институт экологии животных и растений, – развернулись споры: чем же должна заниматься экология? Решили, что на первых порах экология займётся бобрами на Урале и полярными сусликами на полуострове Ямал. А мысли об экологии самого человека в 1970 г. ещё не было, этой проблемы никто не ставил.

Если обратиться к нашим академическим изданиям, то впервые вопрос о необходимости изучения экологии человека прозвучал на мартовском общем собрании Академии наук СССР как раз в 1982 г. В 1983 г. вышла первая книга «Теория и практика экологии человека».

И.Т. Фролов. Но это у нас, а на Западе уже развивалась экология человека, социальная экология. Термин «Экология человека» уже существовал.

А.Л. Яншин. До 1982 г. мы, по сути дела, не имели общей картины экологических беспорядков в нашей стране, не знали о размерах нашего экологического неблагополучия. Теперь, в особенности последние три года, в связи с призывом к повороту нашего мышления, мы всё больше и больше внимания уделяем этой действительно очень крупной и важной проблеме.

Именно потому, что мы очень долго думали и говорили лишь о покорении природы, изъятии её богатств и почти ничего не делали для экономного расходования, для восстановления этих богатств, во многих регионах нашей страны сложилась кризисная экологическая обстановка.

Виновато в этом загрязнение атмосферы. Например, подавляющее количество наших предприятий цветной металлургии, перерабатывающих колчеданные руды, до сих пор выбрасывают в воздух, не улавливая, сернистый газ. А в это же время Франция – страна, не имеющая месторождений серы, не только удовлетворяет свои

потребности, но и стала её экспортёром, потому что при сжигании любых сернистых видов топлива – бурого угля, мазута, нефти – производится почти полное улавливание серы с превращением её в кристаллическое вещество. У нас же сера – продукт предприятий не Министерства цветной металлургии, а Министерства химической промышленности. По этой причине Минцветмет совершенно не заинтересован в том, чтобы получать серу, ибо это дело Минхимпрома. Эта министерская удельщина (каждое министерство – удельный князь) очень мешает и правильному решению экологических проблем.

И.Т. Фролов. Не случайно, по-видимому, взаимодействуют экологические движения – национальные, региональные, по линии ООН. Есть движения учёных, объединяющихся для решения одновременно экологических проблем и проблем мира. Одно из таких новых движений – движение «Экофорум за мир».

С.А. Евтеев. С 1963 г., когда мы начинали подготовку программы «Человек и биосфера», проблема борьбы за мир стала для нас проблемой номер один, хотя занимались мы проблемой экологии. Если допустить чисто теоретически, что мы договоримся бороться против войны, за мир, и уничтожить все наши военные арсеналы, понадобится пять-семь лет, чтобы покончить с угрозой войны. Если мы все вместе договоримся об экологической безопасности, то исправить всё то, что мы сделали с природой, удастся за пятьдесят–сто лет.

Надо предпринимать решительные шаги на международной арене, в первую очередь повышать роль ООН. Если мы хотим предотвратить сползание в пропасть экологической катастрофы, должен быть создан совет ООН по экологической безопасности. Раньше мы думали, что если смерть от ядерной бомбы быстрая, то экологическая смерть будет наступать медленно. Оказывается, это не

так: мы доходим до определённого предела, а затем наступает резкий качественный скачок, резкий коллапс. Сейчас в разных местах начинают рваться пределы функционирования экосистемы.

Второе, что нужно, – это массовые движения «снизу» – общественных, научных организаций. И, конечно, проблемы войны и мира, охраны окружающей среды – неразрывны. Движение «Экофорум за мир»³ – это единственное действительно международное движение, оно объединяет Восток и Запад, там есть представители развивающихся стран. Все вместе они очень серьезно разрабатывают эти две проблемы. Недавно была проведена большая конференция по Дунаю⁴. «Экофорум за мир» пытается перейти к решению каких-то конкретных задач, и это правильно.

Глобальные проблемы не поступают к нам из космоса, они возникают из множества совокупностей локальных, региональных проблем. С другой стороны, решение любой – локальной, региональной, национальной – проблемы происходит в глобальной обстановке: и экономической, и экологической, и военной, и любой другой. Поэтому «Экофорум за мир» взялся за решение региональной проблемы, но такой, которая в миниатюре обнажает глобальную проблему – проблему Дуная. Во-первых, восемь стран, принадлежащих к разным политико-экономическим системам, имеют прямое отношение к этой реке, находясь на её берегах. Во-вторых, на примере этой региональной проблемы «Экофорум за мир» может показать свои возможности и выработать подходы для международного сотрудничества. Кроме того, безусловно, как в отношении международного со-

³ «Экофорум за мир», международное экологическое движение, было образовано в 1986 г. в Болгарии при участии И.Т. Фролова.

⁴ Международная конференция «Дунай – река жизни и мира» (ноябрь 1988 г.).

трудничества, так и в отношении сотрудничества по Дунаю, есть много организаций, много соглашений о совместной работе. Вроде бы все работают, нельзя сказать, что кто-то что-то делает во вред делу, и тем не менее ситуация с Дунаем становится всё хуже и хуже. Может быть, через «Экофорум за мир» и его дунайский проект, в котором активное участие принимает и Советский Союз, мы могли бы показать конкретный пример сотрудничества, приводящего к улучшению обстановки в довольно большом регионе.

В.С. Степин. Было несколько этапов развития человеческой цивилизации. Каждой цивилизации свойственно определённое отношение к природе и особый тип мировоззрения.

Земледельческая цивилизация во многом была основана на балансе отношений с природой. Этот интересный момент адаптационного поведения человека по отношению к природе был разрушен. По существу, это была совсем другая культура.

Потом возникла техногенная цивилизация, основанная на ускоренном научно-техническом прогрессе, индустриальном развитии, которое, в свою очередь, изменило и сельское хозяйство, и отношение к природе. Сейчас, когда мы сталкиваемся с последствиями развития этой индустриальной, техногенной цивилизации, связанной в том числе и с нарастающим экологическим кризисом, очень часто предлагаются такие рецепты: давайте вернёмся к восточным культурам, воспримем то, что было там, и будем так же относиться к природе. Но просто так сделать это уже невозможно. Сейчас цивилизация переходит в какое-то третье состояние. Может быть, возникнет диалог, синтез культур, наследование лучших традиций. Но не будет полного возвращения к традиционному способу мышления, хотя идея

такой саморегуляции, адаптации, конечно, должна войти в понимание человеческого отношения к природе. С другой стороны, научно-технический прогресс – это то, что даёт блага для человечества, и без этого будущее развитие цивилизации немислимо.

Э.А. Араб-Оглы. Все экологические проблемы, о которых мы говорим, – это проблемы человека. И не только в том смысле, что они порождены действиями человека в мире, в природе, но и в том смысле, что они сами зарождаются внутри человека, в его сознании, в его поведении, в его восприятии мира.

Но когда я говорю об этом, это не значит, что я хочу переложить на простого человека, на всех вместе ответственность за всякие экологические бедствия. Да, какая-то весомая доля вины лежит на всех нас, но главная ответственность лежит на тех, кто ставит людей в положение, когда они вынуждены руководствоваться такими соображениями, мотивами. Я верю в человека, потому что точно так же, как он всё это порождает, он обладает возможностью всё это исправить, потому что главный наш ресурс – это человеческий интеллект, который не истощается по мере его использования. Наоборот, чем активнее мы используем наш интеллект, тем он ставится богаче, способен давать всё больше знаний, открытий.

Если использовать полностью все эти качества человека, его интеллектуальные ресурсы, предприимчивость, изобретательность, инициативу, самоуправление, то можно добиться очень многого. Если все это будет развиваться в правильном социальном русле.

Очень интересную мысль высказал крупный американский учёный Джулиан Сайлюк. Природа, природные ресурсы – это наш капитал. В том смысле, что это самое ценное богатство, которым мы должны дорожить. И человек

тоже богатство. Но есть и другой смысл: мы должны подходить к этому богатству не как расточители, описанные Бальзаком в его «Человеческой комедии», и не как Плюшкины, а как рачительные хозяева. А именно: мы должны так его использовать, чтобы этот капитал постоянно возрастал.

А.Л. Яншин. Но я хотел бы подчеркнуть, что, хотя действительно необходимо менять сознание, мышление нашего народа – это один из элементов новой системы мышления, к которому мы все приходим, но всё-таки, в некоторых случаях, в некоторых отношениях, после 1982 г. у нас в стране наметились сдвиги. Например, нельзя считать случайностью то, что у нас максимальный забор воды из рек и озёр был в 1982 г., а с 1983-го, несмотря на то что строятся новые заводы, появляются новые орошаемые площади, количество воды, забираемой на коммунальные нужды, на промышленность, на сельское хозяйство, снижается. В 1987 г. забрано на 17 кубических километров воды меньше, чем в 1982 г. Это потому, что у нас начался интенсивный переход промышленных предприятий на оборотное водоснабжение. Раньше каждую порцию загрязнённой воды они сбрасывали, не очищая. Теперь на Урале – 90%, на Украине – более 60% промышленных предприятий очищают забранную воду и снова пускают в технологический процесс с небольшими добавками свежей воды. Переход на оборотное водоснабжение большей части промышленных предприятий и введение норм на орошение, кое-где ещё далеко несовершенных, позволили начать сокращение забора пресной воды из рек и озёр.

Правда, Минводхоз планирует увеличение забора воды, но вот Госплан уже его не планирует. Возобладала точка зрения академика Б.Н. Ласкорина, который привёл убедительные данные о возможности дальнейшего сокращения

забора воды, несмотря на продолжающееся развитие народного хозяйства. Минводхозу нужно, чтобы было куда тратить 10–12 миллиардов рублей в год. К сожалению, такие министерства ещё не переведены на оплату своих работ хозяйствами, нуждающимися в их услугах, а получают деньги из госбюджета. Конечно, они придумывают такие работы, чтобы можно было вложить туда все ассигнуемые государством деньги.

И.Т. Фролов. А что делает сейчас АН СССР, чтобы предотвратить такие явления?

А.Л. Яншин. 23 июня 1987 г. Президиум Академии наук принял решение о подготовке обширной общеакадемической Программы биосферных и экологических исследований, была создана комиссия по разработке такой программы во главе с Президентом АН СССР Г.И. Марчуком⁵.

В реализации этой Программы будут принимать участие Академия наук, её Сибирское, Уральское, Дальневосточное отделения, все академии наук союзных республик и вузы страны. Госкомитет СССР по делам науки и техники определил приблизительный размер ассигнований: в 1989 г. будут отпущено около 50 миллионов рублей. Для начала это совсем неплохая сумма, но нужно создавать коллективы.

И.Т. Фролов. Очень важна практическая деятельность по конкретным направлениям той или иной науки, чтобы помочь на путях научно-технического прогресса решению экологических проблем, в том числе и создание безотходных или малоотходных технологий – это один из основных путей. Однако, серьезно анализируя объективные процессы научно-технического прогресса, мы мало внимания уделяем самому человеку, его сознанию, его мировоззрению. Мы недооцениваем то, что в нашем обществе,

---

⁵ И.Т. Фролов входил в состав этой комиссии и отвечал за социально-философские аспекты Программы.

в том числе и в воспитании научной и научно-технической интеллигенции, в широком массовом воспитании также произошли те сдвиги, которые мы называем технократическими. Поэтому необходима активная деятельность по экологическому воспитанию людей, в особенности нашей молодежи.

Наука – человек – гуманизм

VIII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. На фоне эмблемы Конгресса – здание МГУ, в котором он проходит. Выходят из автобусов участники Конгресса.

***Голос за кадром.** С 17 августа 1987 г. в Москве проходил VIII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Это первый проходящий в нашей стране крупный философский конгресс. Он собрал около полутора тысяч советских и иностранных ученых из нескольких десятков стран, специалистов, изучающих общие процессы развития научного познания.*

Философия – это самосознание науки, самосознание человечества, и в этом своем качестве она необычайно важна в наше время, когда стоит угроза выхода науки из-под контроля гуманного разума, реальна опасность потери человеком себя, своего человеческого лица. Поэтому главной темой Конгресса стала тема соединения науки с развитием человека и общества, а девизом – слова «наука – человек – гуманизм».

В вестибюле МГУ собрались участники Конгресса.

***Голос за кадром.** Теплая, дружеская обстановка, царящая на заседаниях Конгресса и в перерывах, создала благо-*

приятную среду для творческих дискуссий. В Москве собрались люди из многих стран, и установившиеся между ними контакты помогут развитию не только науки, но и укреплению понимания между народами.

Что такое научное знание и всегда ли на него можно смело и безусловно опереться в жизни; что значит наука для нас, дает ли она ответы на важнейшие вопросы, которые мы задаем себе? Люди должны знать, как и куда развивается наука, что думают те, кто возглавляет ее, направляя это развитие.

Ведущий – президент Философского общества член-корреспондент АН СССР И.Т. Фролов открывает Конгресс.

Прежде всего, позвольте мне от имени советского оргкомитета приветствовать участников Конгресса и настоящего «круглого стола» и пожелать всем успешной работы и благоприятного пребывания у нас в стране, в Москве.

Наука – одна из величайших культурных ценностей человечества. Огромен её разносторонний вклад в развитие современной цивилизации. В современной науке происходят очень интересные и сложные процессы, которые ведут ко всё большему ускорению научно-технического прогресса и повышению роли науки в жизни современного общества. Эти процессы в последние годы привлекают пристальное внимание широкой общественности. Сегодня можно говорить о том, что необходимость самопознания науки диктуется не только процессами, происходящими внутри самой науки, но одновременно является и социальной необходимостью.

Наш Конгресс посвящён изучению проблем логики, методологии и философии познания. В наибольшей степени это касается роли математических методов, моделей в научном познании. Не случайно поэтому у нас на Конгрессе четыре секции посвящены проблемам математической логики и теории науки. Это очень важно сейчас, поскольку

развитие фундаментальной науки происходит не только путём создания всё более сложных, дорогостоящих методов исследования, как это происходит, скажем, в ядерной физике и биологии. Однако современная наука осуществляет энергичное развитие и за счёт всё большего использования логических методов исследования, построения определённых аксиом, использования математических моделей и так далее. Другими словами, развитие научного знания происходит за счёт развития научных теорий. И очень сильным в любой из наук становится как раз теоретический раздел. В особенности это наблюдается в физике. Физика здесь как раз является пока своеобразным эталонным образцом развития современной науки, научного исследования, самого процесса познания.

Традиция исследований по философии, методологии и логике научного познания имеет большую и давнюю историю, однако сейчас эти исследования приобретают всё большее практическое значение.

Для повышения эффективности этих исследований необходимы очень тесные контакты учёных, занимающихся проблемами логики и философии науки с представителями самых разных наук, прежде всего – математики. И поэтому не случайно в работе нашего Конгресса принимают участие многие выдающиеся учёные, которые одновременно занимаются логикой, методологией и философией науки, то есть занимаются изучением процессов научного исследования, его структуры, направления развития и так далее.

Но это – лишь одна сторона в развитии науки. Есть и другая, и она во всё в большей мере сейчас выходит на первый план. Дело в том, что сейчас уже невозможно рассматривать современную науку лишь с точки зрения её функционирования, как чистое исследование. Современная наука тысячами нитей включена в жизнь общества. Она во всё большей степени касается человека. Делает человека объектом познания.

Либо объектом познания становятся природные процессы, в которые включён человек. А это означает, что, хотя и косвенно, но в этих случаях мы также касаемся человека. В связи с этим в мировом научном сообществе всё больше утверждается новое понимание образа, типа современной науки.

Наука является социальным институтом общества, результаты науки имеют огромное воздействие на самого человека, на общество. Поэтому мы должны рассматривать науку в социальном, культурном контексте, в её «человеческом измерении».

Такое понимание науки, соединение науки с человеком, с гуманистическими ценностями и зафиксировано в девизе нашего Московского конгресса. Поэтому в работе нашего Конгресса принимают участие представители и гуманитарных наук, работают секции, на которых обсуждаются проблемы этики научного познания, глобальные проблемы современности, проблемы комплексного изучения человека, рассматриваются социальные проблемы и последствия компьютеризации.

Эта гуманистическая и социальная проблематика отражена, как я уже говорил, в девизе нашего Конгресса – «Наука – человек – гуманизм». На Генеральной ассамблее нашего Союза⁶ сегодня также было высказано мнение о том, что наши Конгрессы теперь должны во всё большей степени развивать именно эту социальную, гуманистическую компоненту в анализе проблем науки.

Вот и здесь, в работе этого «круглого стола» участвуют не только представители отдельных наук, причём выдающиеся учёные, но одновременно и специалисты в области философии науки. Это – учёные, которые широко известны в мире тем, что они рассматривают сложнейшие социаль-

---

⁶ Имеется в виду Международный союз по истории и философии науки. Отделение логики, методологии и философии науки этого Союза регулярно проводит Международные конгрессы, Восьмым из которых был Московский конгресс 1987 г.

ные, гуманистические, человеческие проблемы современной науки.

Достаточно назвать такие имена, как профессор Морис Маруа, президент Международного института жизни; академик Никита Николаевич Моисеев, математик, но одновременно учёный, рассматривающий науку в широком мировоззренческом контексте, много внимания уделяющий изучению глобальных проблем, в частности экологии; лауреат Нобелевской премии профессор Илья Пригожин, чьи работы по математике, физике и биологии известны во всём мире. Мне, в частности, запомнилась очень интересная статья профессора Пригожина, которая называется «Какая наука нам нужна?» В ней говорится о том, что нам не нужна наука, занимающаяся далёкими от человека проблемами, нам нужна «человеческая наука», утверждает профессор Пригожин.

Здесь же присутствует профессор Веселин Нейков, наш друг из Болгарии. Он занимается проблемами экологии и одновременно является секретарём Международного экологического движения «Экофорум за мир».

Мне кажется, что с участием этих специалистов мы сможем более подробно и более доходчиво обсудить проблематику Конгресса и показать широкой аудитории, что за таким, может быть, очень мудрёным понятием, как «логика, методология и философия науки» на самом деле скрываются острейшие проблемы современности. Отмечу ещё раз, что при обсуждении этих проблем учёным присуща определённая и вполне объяснимая осторожность, однако одновременно растёт и понимание необходимости обсуждения проблем социально-этической ответственности науки, учёных, что проявляется, в частности, и в ходе работы нашего Конгресса.

Я хотел бы, чтобы, может быть нам профессор Маруа как президент Института жизни, специалист по проблемам биомедицины, медик по образованию и одновремен-

но очень известный философ сказал что-то по проблематике Института жизни. Я знаю, что Институт в течение последнего времени работал над большой программой «Наука на службе человечеству», той программой, которую в свое время одобрили Михаил Сергеевич Горбачев и президент Рейган как такую программу, которая могла бы стать основой для обсуждения многих важных глобальных проблем современного человечества.

Как сейчас обстоят дела с разработкой этой программы, как идут здесь дела, было бы очень интересно это послушать.

М. Маруа. Мы должны спасти жизнь и сохранить ресурсы, от которых она зависит, мы должны провозгласить ценность жизни и вдохновить использование науки для целей спасения жизни. Мы должны побудить все человечество и все правительства преследовать эту благородную цель – спасение жизни и, особенно, спасение человеческой жизни.

Именно поэтому более четверти века тому назад был образован Институт жизни. Сегодня он включает более двух тысяч пятисот ученых из 60 стран мира.

Институт жизни является институтом, объединяющим цели отдельных людей, и цели, устремления и интересы всего человечества.

12 февраля 1986 г. от имени Института жизни я послал письма с аналогичным текстом генеральному секретарю Горбачеву и президенту Рейгану. Письма содержали призыв, вызов и тему. Вызов – «да» жизни. Тема – это наука и решение глобальных проблем спасения жизни.

От генерального секретаря Горбачева и президента Рейгана были получены ответы, которые представляют огромную важность. Генеральный секретарь Горбачев писал:

«... Жизнь в настоящее время может быть сохранена, только если мы предпримем энергичные усилия к этому,

нет задачи важнее сегодня. Мы обладаем возможностями и техническим потенциалом улучшения жизни, а также для достижения гармоничного развития личности. Мы готовы рассматривать конкретные предложения, направленные к спасению и сохранению жизни и перевод этой проблемы в область конкретной политики».

В 1987 году в Швейцарии состоялась конференция, в работе которой по приглашению Института жизни приняли участие представители нескольких стран. Советский Союз представляли профессора Фролов и Моисеев. Целью конференции была выработка программы конкретных действий, направленной на достижение целей, провозглашённых Институтом жизни.

Для того чтобы выразить добрую волю народов, сейчас готовы предложения, выработанные на этой конференции. Мне особенно приятно сказать, что мы отрицаем, не признаем разделения цивилизации на два исторических гольфстрима.

Диалектика соревнования и борьбы двух полюсов современного мира не только не отводит человечество от признания общих целей, но и предполагает их.

И.Т. Фролов. Спасибо, профессор Маруа. Думаю, что теперь очень интересно всем нам послушать мнение профессора Пригожина.

И. Пригожин. Большое спасибо. Для меня большая честь участвовать в этой встрече, но хочу заметить, что я – не профессиональный философ, а человек, который не может рассматривать науку и её социальное применение как какие-то различные типы деятельности.

Я думаю, что надо обратить внимание на одну важнейшую тенденцию в развитии европейской мысли, а именно, на наличие двух типов рациональности. Первый берёт своё начало от создания науки в современном её понимании в XVII в., а второй – берущий начало от греков, который я бы

назвал «социальной рациональностью», «гуманитарной рациональностью», «рациональностью социальной организации».

Европейцы всегда жили в рамках этих двух типов рациональности: научной и социальной рациональности. Очень интересно, что сегодня отношения этих двух типов рациональности изменяются, становятся более тесными, чем были ранее. В связи с этим профессор Фролов очень правильно отметил, что существует новое понимание науки.

Люди чувствуют, что в науке происходит что-то новое, когда говорят о таких феноменах, как компьютерная революция, биологическая революция. Я бы сказал, что во второй половине XX в. изменяется не только восприятие науки, её понимание, но сам объект науки, её содержание.

Классическая наука разделяла жизнь и людей, с одной стороны, и природу, выраженную науками – физикой, химией и другими науками, с другой. Трудно придумать более характерный пример такого разделения, этой пропасти, чем существование истории, которая рассматривала общество, и физики, химии, космологии, которые занимались законами природы. Такое разделение, пропасть явились причиной своеобразного отчуждения общества от науки, когда развитие общества рассматривалось не в рамках естественных законов.

Современная история, биология обладают механизмами и средствами рассмотрения реальностей на всех возможных уровнях исследования. Новая ситуация преодоления этого разрыва позволяет сделать (что очень важно) науку приемлемой для человека, рассматривать её не только как что-то навязанное извне, а как что-то, что вводит его в мир.

Уверен в связи с этим, что конгрессы, подобные этому, важны именно потому, что выносят проблемы, о которых

мы здесь говорим, на широкое рассмотрение и дают возможность обсудить эти проблемы с разных точек зрения. Другими словами, они создают больше возможностей для создания новой ситуации в науке и культуре.

М. Маруа. Я хотел бы добавить, что я лично не думаю, что сейчас самым важным и центральным является тип своеобразной «защитной науки». История Земли очень многообразна, турбулентна. Были в этой истории периоды, когда Земля очень сильно изменялась, например несколько тысячелетий назад очень сильно изменился район Сахары. И теперь это – пустыня. Это происходило не по причине какого-то вмешательства человека, а было следствием процессов, происходящих в биосфере.

И.Т. Фролов. Я хотел бы отметить, что сказанное профессором Маруа имеет и общекультурное значение. Действительно, сейчас иногда говорят, что формируется какой-то новый образ, новый тип науки, где в единое целое должно соединяться и познание законов природы, и гуманистические ценности. Сами учёные приходят к этому. Другими словами, такое понимание диктуется не только логикой общественного развития, но и логикой развития самой науки. С этой точки зрения очень интересна работа, которую проводили и проводят наши математики, которые обращаются к исследованию процессов, происходящих в биосфере, исследуют очень многое, что связано с социальными явлениями жизни человечества, такими как, скажем, возможные угрозы ядерной войны.

Сегодня мы всё чаще говорим – и очень правильно, считаю, говорим – о том, что формируется новое мышление, новое политическое мышление. Но одновременно мы должны по-новому взглянуть и на саму науку, процесс познания, по-новому взглянуть на тот мир, в котором мы живём, на его перспективы. В существенной степени основы такого нового политического мышления, считаю, форми-

руются работами учёных, в том числе математиков, которые обращаются к анализу глобальных проблем.

Никита Николаевич Моисеев сделал много в этом направлении, и, думаю, было бы интересно послушать его.

Н.Н. Моисеев. Я, может быть, продолжу тему, которую затронул мой давний знакомый и добрый друг профессор Маруа.

Он сказал о том, что главная ценность сегодня для всех – это жизнь. Понимание этого факта становится достаточно общим, и ориентация исследований учёных разных специальностей становится несколько иной, чем это было, скажем, ещё тридцать-сорок лет назад. Появляются проблемы, которые раньше, казалось, вообще лежат в стороне от науки. Но вот я представляю тот вид научной деятельности, который, может быть, лежит на самом острие научно-технического прогресса.

Хотел бы обратить внимание на два обстоятельства, подтверждающие мысль, которую в самом начале сегодняшнего обсуждения высказал профессор Фролов.

Логика жизни, потребности жизни, обеспечение жизни потребует изучения Земли, земной биосферы как единого целого. Здесь мы не можем рассчитывать на какой-то эксперимент, он чересчур не только дорог, но и просто опасен. Появляется необходимость заниматься математическим моделированием таких вот глобальных процессов. Но, разбираясь с этими задачами, которые сами по себе уже диктуются гуманизмом, мы приходим к целому ряду вопросов, которые также являются вопросами гуманизма.

Смотрите, для того чтобы правильно понять стратегию человечества, мы должны увидеть место человека в его эволюции, в эволюции окружающей природы. Человек есть часть какой-то неведомой силы, человек возник как часть природы, может быть, как исключительное явление – это трудно сказать. Но он тем не менее возник,

значит, надо понять, как это произошло, какое место он занял, какое влияние он будет оказывать на развитие общественного процесса.

Это воздействие разума нарастает непрерывно. Вот мы волей-неволей приходим к вопросам гуманистическим, к вопросам философским, к вопросам этики, к вопросам морали. Но мы сегодня регистрируем возрастание человеческой силы, цивилизации, и надо уметь этим воспользоваться. Для этого человек должен, во-первых, осознать то, что он имеет в руках. И, во-вторых, суметь направить эту силу разумным образом.

В этих сложных вопросах невозможно разобраться без науки. Наука становится той силой, которая поможет человечеству двигаться вперёд. Мы не можем жить без научно-технического прогресса, без той могучей техники, без той могучей силы, которые нам даёт наука.

Мы часто повторяем, что «красота спасёт мир». Правильно. Красота спасёт мир, но в том числе и красота мысли – это же высшее достижение, высший взлёт и высшее понимание красоты. Разум человеческий, соединённый с гуманностью, и спасёт жизнь. Для этого должна быть единая культура. Всё должно быть в гармонии – вот то, о чём мы говорим.

И.Т. Фролов. Было бы интересно узнать, что по этому поводу думает представитель экологии профессор Нейков.

В. Нейков. Прежде всего хочу сказать несколько слов по поводу того, о чём говорили профессора Моисеев и Пригожин.

В связи с человеком. Логично поставить вопрос о том, что делается с природой в лице человека, имея в виду человека – венец ли он, как принято говорить, или венец, но колючий. Колючий потому, что после его появления пришла опасность для Земли.

Думаю, что тогда, когда человек поднимется до уровня того, чтобы быть братом природы и её союзником, именно

тогда он и будет настоящим человеком, настоящим «человеком разумным».

Теперь несколько слов о нашем движении. «Экофорум за мир» – новое мировое движение, которое было создано в прошлом году в городе Варна. Мне приятно сообщить, что за этим «круглым столом» сидят трое из основателей этого движения: Н.Н. Моисеев, И.Т. Фролов и ваш покорный слуга.

В Варне собрались 88 учёных из 32 стран, а также представители 12 международных организаций. Эти люди движимы различными силами, но одна сила их объединила категорично и безусловно. Этой силой была потребность в спасении человеческой цивилизации, в спасении жизни на Земле. А потому главной задачей нашего движения явилось стремление помочь делу сплочения человечества.

Когда говорим о новом мышлении, мы обыкновенно имеем в виду ядерную сферу, ядерную опасность. Однако нужно понять, что необходимость нового мышления в экологической сфере ощущается не менее остро, чем в области политики.

Более того, я бы сказал, что новое мышление является одновременно новой этикой, поскольку речь идёт не только об этике отдельного человека, а об этике всего человечества.

И.Т. Фролов. Подводя итог состоявшемуся обсуждению, хочу отметить, что, начав его с очень абстрактных проблем математики, математического моделирования, математической логики, мы закономерно пришли к обсуждению острейших проблем современности, которые неизбежно возникают в связи с научно-техническим прогрессом.

Возможна ли единая наука о человеке?

В передаче принимают участие: д-р филос. наук Э.А. Араб-Оглы, академик АМН СССР Н.П. Бочков, д-р филос. наук Л.П. Буюва, академик Н.П. Бехтерева, академик Ю.В. Бромлей, д-р псих. наук Б.М. Величковский, академик АПН СССР В.В. Давыдов, д-р филос. наук Ю.Н. Давыдов, писатель С.П. Залыгин, чл.-кор. АПН СССР В.П. Зинченко, д-р филос. наук В.В. Иванов, академик АМН СССР В.П. Казначеев, академик АПН СССР И.С. Кон, д-р психолог. наук А.Н. Лебедев, академик АПН А.В. Петровский, чл.-кор. АН СССР П.В. Симонов, чл.-кор. АН СССР В.С. Степин, д-р филос. наук П. Тульviste, д-р психол. наук А.И. Юрьев, д-р филос. наук В.А. Ядов.

И.Т. Фролов. Здравствуйте, уважаемые товарищи, сегодняшняя наша передача будет посвящена человеку, собственно, это главный предмет философии и это проблема для многих наук.

Наша сегодняшняя беседа будет построена несколько необычно, мы поведем разговор со Всесоюзной конферен-

ции, которая была посвящена как раз комплексному изучению человека.

По-видимому, это вполне логично, поскольку проблема человека является не только философской проблемой, но это и центральная проблема для целого комплекса наук.

Решать эту проблему как комплексную могут лишь представители разных наук, и вот они собрались на этой конференции для того, чтобы обсудить с разных сторон эту важнейшую и сложнейшую проблему.

«Немедленно браться каждому за дело, чтобы все науки работали в пользу единства всего человека на всей земле во все времена», – эти слова Пришвина показывают вдохновляющую цель научного познания перспектив человека, очень современно они звучат сегодня, когда все соглашались, что человек, его развитие – подлинная цель и критерий общественного прогресса, когда познание человека в его целостности становится важнейшей задачей в науке.

Нам сейчас нужен переворот в мысли, формирование новых представлений о человеке, о человеческом сознании, о человеческой деятельности. Человек – не только движущая сила, но и высшая цель и ценность общественного прогресса. Человека нельзя низводить до уровня простого средства для решения определенных целей.

Изучение человека – это не только важнейшее практическое богатство, не только потребность, отчетливо сформировавшаяся в сознании, но это и важнейшая научная проблема.

Человек изучается многими науками – общественными, естественными, техническими, – но каждая наука изучает человека в своем аспекте, в контексте своих проблем, поэтому создать целостное представление о человеке пока не удается.

Главным результатом работы конференции могли бы быть предложения по организации комплексных исследо-

ваний человека, которые затрагивают практически все направления естественных и общественных наук и создали бы реальную программу изучения человека и пределов его возможностей.

Более двух тысяч лет назад философия провозгласила непреходящую идею о том, что человек есть мера всех вещей, но от философии требуется определение измерений самого человека, критериев его поведения и социальной позиции, его места в жизни, его ответственности за судьбы цивилизации, за социальный прогресс и гуманизацию отношений людей.

В.С. Стёпин. Мы с вами вообще очень живые люди, в философском понимании, но даже в механическом модельном представлении человек является не линейной, не стационарной системой. Очень существенно зависит поведение механических характеристик тела человека при работе с различными техническими объектами от времени функционирования, утомляемости, целого ряда параметров, поэтому эта задача по виброзащите, по изучению влияния шума на человека, отдаленные последствия виброакустических воздействий в смысле влияния на наследственность, проблемы, связанные по существу с экологией, защитой этой среды, становятся чрезвычайно важными. В наш технический век в связи с развитием технических наук, научно-технического прогресса быстро растет уровень шума. Человек вообще был создан, конечно, в условиях, когда шум не превышал 10 децибел, это шум в глубоком лесу. Уже шум в читальном зале составляет 40 децибел, наконец, легковой автомобиль, заметим, для здоровья неприятен, если добавить вибрацию других воздействий и их длительность, то здесь происходит нарушение нервной системы и вестибулярного аппарата. Это порядка 80 децибел, тяжелый грузовик – 100 децибел.

Очень опасным для здоровья является вот этот самый оркестр, причем самое удивительное, что здесь еще есть не только высокие частоты, но и инфразвуки. Я хочу сказать, что спасает человечество только то, что это воздействие всегда бывает относительно кратким.

Ну и, наконец, взлетающий самолет, 130 децибел.

С.П. Залыгин. Нас окружает природа, мы сами – явление природы, и настало такое время, когда наше отношение к природе, умение взаимодействовать с ней – это вообще отношение наше к социализму, к нашему обществу и к нашему ближайшему и более отдаленному будущему.

Если мы в природе, в ее ресурсах что-то не использовали сегодня, так это никак не пропадет, это останется для следующих поколений. Когда не выполняется, скажем, какой-то план на производстве, то у нас здесь есть такая надежда, что мы через два-три года исправим положение и «догоним», как говорится, свои намерения.

Но когда мы что-то истратили в природе, то это потеря невозвратимая. В этом смысле очень большую роль, конечно, должна сыграть и, как мне кажется, уже сыграла наша общественная мысль и общественная деятельность.

Я имею в виду то развитие общественного мнения, которое развернулось у нас в период дискуссии вокруг проектов переброски рек. Я смею утверждать, что в истории России, а, может быть, и всего мира такого общественного движения никогда и нигде не было. Мы говорим, что воды не хватает, что нам надо перебрасывать воду из Сибири, а в это время заболачиваем целую республику. Чуть ли не каждый восьмой-десятый ребенок рождается уродом. Потому что вот эта вся среда, эти засоренные земли и почвы, они, понимаете, становятся непригодными для нормального существования людей. И это в пустыне, в которой никогда не хватало воды.

Вот этот дисбаланс мы принимаем как нечто должное. Но это дисбаланс и в нашей психике, и, если хотите, в на-

шем нравственном сознании, и, если хотите, это дисбаланс нашего мышления.

Ю.В. Давыдов. Век человечества и век человека тождественны. Точно так же, как человек смертен, так же в этом буквальном смысле слова перед нами обнаружилась смертность человечества. И впервые в иерархии бытия человечество предстает как высшая ценность.

Н.П. Бочков. Ни одна естественная популяция не увеличивает так численности, как увеличивается сейчас человеческая популяция. И второе, это уменьшение давления отбора за счет, соответственно, того, что человечество организует и создает возможности выживать и слабо приспособленным. И если в первом случае речь идет о демографическом эффекте, то во втором случае это генетический эффект.

Эти две важные характеристики необходимо иметь в виду при рассмотрении взаимосвязи генетики и демографии.

И если в центр внимания поставить охрану не только живущего поколения людей, но и будущих, то должно быть, безусловно, взаимопроникновение многих генетических и экологических вопросов. Сейчас, после аварии на Чернобыльской атомной электростанции, совершенно ясно, что мы столкнулись с радиацией и что необходимо это интенсивно изучать, но ведь несколько тысяч активных веществ, которые широко распространены в сельском хозяйстве, в промышленности, в быту, вызывают наследственные изменения.

Это означает, что мы живем с веществами, которые повреждают нашу наследственность, мы их вдыхаем с воздухом, мы их поглощаем с пищей, с лекарствами, мы контактируем с ними на рабочем месте. Нужна система, которая бы позволяла не выпускать в экологическую среду обитания человека факторы, повреждающие наследственность человека.

В.П. Казначеев. На восточных территориях, где работает Сибирское отделение Академии медицинских наук,

сейчас в большом ансамбле институтов, в комплексе с ВАСХНИЛ, идет попытка понять феномен восточных популяций – что же это за население, почему складываются такие качественные характеристики этого населения, и, может быть, через изучение этой территории попробовать подойти и к глобальным вопросам.

Почему так? Потому что площадка за Уралом – это площадка, где противоречия наших общественных отношений и экономического планирования, вероятно, наиболее высоки. Противоречия планов распределения добывающей промышленности, все это несомненно работает, как колоссальная машина, гигантская государственная машина, где человек, как бы мы себя ни тешили, используется как средство производства. Это средство производства, это экономический инструмент в добыче, все остальное нормативно. Но эти нормативы не соответствуют амортизации, не соответствуют качеству жизни и труда, не компенсируются, и поэтому нормативы призрачные. И по нашим расчетам, и Института экономики Сибирского отделения, потеря здоровья на восточных территориях зависит от недостатка медицинских услуг примерно процентов на 12–15, все остальное есть несоответствие социально-экономической естественно-природной организации вот этой гигантской страны, части нашей страны за Уралом.

Груз прошлого настолько прочен, догматизм, понимаете, настолько въелся во все, и мы думаем, что таблетка и врач – это, понимаете, спасение. Таблетка и врач – это самообман. Если мы всю машину, где мы хорошо экономически меряем производственный продукт, не переведем в производство человека, тут есть противоречия, но они сегодня реально могут быть разрешены. Через управления по детям, по беременным, питанию, по климату, по маршрутам можно управлять популяцией, управлять там, где мы в управлении видим продукт человека, но надо,

чтобы в партийных, советских и других органах поняли, что человек – это главный продукт, а не газ и не нефть, понимаете, и не железные какие-то болванки, но за человека надо отвечать. Экономика человека должна быть.

И.Т. Фролов. Мы говорим о Ренессансе, о Возрождении и связываем это с тем, что возрождались в свое время гуманистические традиции, обращенность к человеку, та, которая была господствующей в античные времена. Мы можем говорить сейчас о том, что мы делаем некоторое такое обновление, возвращение, мы можем говорить о грядущем Ренессансе в гуманистической культуре и культуре гуманизма, которая выражена марксистской традицией.

А.И. Юрьев. У нас резко упало качество человеческого материала, то есть на наших глазах по экспериментальным исследованиям мы видели, что у нас ухудшается качество станков, машин, оборудования, одежды, качество нашего быта, качество нашей жизни вообще, но это было вторично. Это было вторично по отношению к качеству человеческого материала. Мы располагаем действительно срезами психических свойств, состояний, которые показывают, что мы сильно ухудшили их за истекшие двадцать лет.

И проблема стоит сейчас действительно остро, потому что, если нам не удастся восстановить именно человеческий материал, может быть, немножко грубое слово, но никакие проекты, которые мы сейчас перед собой ставим, не будут решены. Ни в коем случае не будут.

Я наблюдаю, как сейчас в промышленность вкладываются сумасшедшие деньги для того, чтобы автоматизировать, роботизировать. И я вижу людей, лично наблюдаю, которые эту технику освоить в принципе не могут.

Ю.В. Бромлей. В условиях экономической реформы вряд ли следует игнорировать самобытность производственных, трудовых традиций нашей страны.

Сложившийся в рамках национальной культуры разный опыт трудовой деятельности содействует высокой результативности в одних обстоятельствах, но не позволяет достичь подобных итогов в других. В условиях перестройки этот пример весьма наглядно проявился при создании первых кооперативов. Так, в организации подобных объединений, связанных с кондитерским делом, впереди оказались эстонцы, со строительством – армяне, с производством трикотажа – литовцы, с огородничеством – корейцы и так далее.

Особенно важно учитывать традиции, связанные с трудовым ритмом в течение рабочей смены, недели, года, меры интеллектуальности труда, его нестереотипность и так далее.

Необходимо учитывать и сам механизм формирования национального сознания.

Как известно, человек не рождается ни националистом, ни интернационалистом, но на процесс формирования познания неизбежно влияет в той или иной мере синдром так называемого этноцентризма, восприятия каждым человеком, хочет он того или не хочет, культуры другого народа сквозь призму своей культуры, полученной первоначально. К тому же, если национальная ориентация, национальное чувство людей складываются как бы сами собой, прежде всего в семье, то интернационалистские взгляды в основном надо специально воспитывать.

К сожалению, такое воспитание начинается в довольно позднем возрасте, притом нередко в весьма примитивной форме, и практически приходится не воспитывать, а перевоспитывать.

Б.М. Величковский. Что говорить, если число психологов в нашем государстве, в великом государстве, занимающем по целому ряду параметров ведущую позицию на мировой арене, число психологов у нас на уровне Пакистана,

Индии и других государств, которые традиционно относятся все-таки к государствам развивающимся.

Простите, вот я только один пример здесь хотел привести. Все мы теперь понимаем, что компьютеризация народного хозяйства – это главная задача у нас, задача, безусловно, приоритетная, одна из важнейших задач. Сейчас становится совершенно ясно, что чем более совершенную вычислительную технику мы будем разрабатывать, тем в большей степени мы должны учитывать то обстоятельство, что с вычислительной техникой должен работать человек.

Причем с ней должен работать человек, часто не являющийся профессиональным программистом. Вот, скажем, известная японская программа создания компьютеров пятого поколения. Главное, чем они будут отличаться от предыдущих поколений компьютеров, – тем, что там будет так называемый интеллектуальный человек, а человек, не владеющий навыками программирования, не знающий математические языки, не сможет общаться с этой машиной. Вот мы недавно провели научное экспериментальное исследование так называемых одержимых программистов. Оказывается, есть среди программистов такая категория людей, которые проводят исключительно много времени, общаясь с компьютером, и складывается впечатление, что компьютер очень часто заменяет им в общении привычных человеческих партнеров. И вот оказалось, что, действительно, Вы знаете, структура особенностей механизмов общения у этих людей отличается от того, что можно было бы считать нормальным. По ряду личностных тестов здесь есть некие отклонения, наверное, это отчасти связано с тем, что существующая вычислительная техника не позволяет нам реализовывать естественные человеческие потенции общения и деятельности.

Эту ситуацию нам нужно изменять. Если мы сейчас не развернем исследования в этой области, то задача полной компьютеризации, продвижения вычислительной техники в разные отрасли народного хозяйства не будет решена. Будут возникать ситуации, которые возникали на заре промышленной революции, помните, луддиты ломали первые паровые машины? Я боюсь, что то же самое может начаться в этой области.

А.Н. Лебедев. Почему у них так много психологов, а у нас так мало? Простите, может быть мысль кощунственная....Но за рубежом, в ведущих странах с более полной автоматизацией производства, отменой физического труда, где больше людей заняты в сфере обслуживания, вот в той сфере, где требуется интеллект, требуется разум, у человека и возникают болезни, неврозы и т.п. Отсюда и потребность в медицине, вот почему так много психологов. Не за горами и у нас этот период, тоже понадобится очень много психологов, особенно, если мы станем более интенсивно, более напряженно развиваться во всех отношениях.

В.В. Давыдов. Хорошо известно, что человек с разных сторон изучается самыми разными науками, прежде всего гуманитарными науками. Я перечислю некоторые из них: философия, социология, педагогика, человеческая физиология и медицина – но даже сравнительно близкие из этих дисциплин проводят свои исследования, как правило, независимо друг от друга. Мало связаны друг с другом педагогика и психология, психология и медицина.

Возникают сложные и почти неразрешимые проблемы, как установить взаимосвязь сведений, получаемых этими науками. На мой взгляд, преимущественное использование в ряде гуманитарных дисциплин методов наблюдения и констатирующего эксперимента при всем многообразии и глубине знаний не позволяет этим дисциплинам спать

свои сведения в единое представление о человеке. Но организовать комплексные исследования, как показывает опыт, можно лишь тогда, когда ученые станут использовать достаточно новый метод, который мы назвали методом формирующего эксперимента.

П.В. Симонов. На протяжении многих лет человек является предметом изучения целого ряда отраслей знания: философии и социологии, психологии и физиологии, антропологии, медицины, педагогики, искусствоведения. Вместе с тем, простое суммирование сведений, добываемых каждой из этих наук, их сопоставление в процессе обсуждений, где каждый специалист продолжает говорить на языке своей профессии, не дает желаемого эффекта. Человек остается разобраным по ведомству отдельных научных дисциплин, качество системности само себе, увы, не возникает.

Мы до сих пор не имеем сколько-нибудь общепринятых определений таких ключевых понятий современного человековедения, как «личность», «характер», «темперамент», «сознание», «эмоции», «воля» и так далее.

На самом живом и остром стыке экономического и социального, материального и духовного, личного и общественного, на этом перекрестке животрепещущих и малоисследованных проблем можно ожидать и наиболее серьезного методологического прорыва всего нашего обществоведения в целом.

Н.П. Бехтерева. Если человек занимается стереотипной деятельностью и деятельность эта, даже мыслительная, повторяется все время в каком-то одном и том же варианте, ну, например, человек все время читает только газеты и не читает художественную литературу, а в газетах, естественно, есть определенный словарный набор, то наступает момент, когда обеспечение этой деятельности идет минимальным количеством звеньев, мозг все время

как бы, с одной стороны, включается во всякую новизну, а, с другой стороны, как только ситуация стереотипна, старается как можно меньшим количеством звеньев обеспечивать эту деятельность.

И вот, если мы будем с вами навязывать мозгу монотонность, стереотипность, то, в конце концов, мы зафиксируем ее в памяти, и очень трудно будет выйти за рамки вот этой стереотипности.

Мозг все время будет упражняться при каждой новизне, но уже к творческой деятельности, собственной мыслительной деятельности он не будет столь готовым, как до вот этого навязывания стереотипа.

(Музыка)

В.П. Зинченко. Мы слышали о мозге, слышали о национальности, слышали о потребностях, услышим о генетике, о культуре, об экономике, об истории и так далее.

А что может быть принято за основание интеграции наук о человеке?

Я не отрицаю пользы того, что я перечислил, того, что мы слышали, и того, что мы услышим, но, мне кажется, что одним из оснований интеграции, в качестве одного из вариантов такого рода оснований, может быть предложена проблема сознания. Тем более что сознание может выступать и как цель исследования, и как средство интеграции. Но для этого нам надо, как минимум, признать, что в человеке есть не только мозг, сердце, печень, но есть и душа, дух, сознание. Душ, правда, говорят, меньше, чем людей, не всем достаётся... Ну, а что такое жизнь? Жизнь есть некоторая утрата степеней свободы, которыми обладает человеческое тело.

Приведу такой пример. Слух младенца, только что родившегося, открыт к фонематическому звуку любого из семи тысяч языков, существующих на Земле, но уже в первую неделю створки закрываются, и для того, чтобы чело-

век смог выучить второй язык, нам нужно построить Институт иностранных языков.

В то же время формируются другого рода функциональные органы. Они, конечно, возникают на соответствующей морфологической базе, это такие органы, обладающие свойством открытости мышления, способом действия и так далее.

В.В. Иванов. Когда мы говорим о человеке, то существует непосредственная связь между средствами передачи информации в обществе и тем, как устроен сам человек.

Я приведу пример из более далекого прошлого, из греческого чуда. Когда возникла греческая цивилизация, она возникла, конечно, не сразу, а возникла, продолжая то, что было начато некоторыми культурами Древнего Востока. Греческая культура стремилась все, что тогда знало человечество, изложить очень кратко на какой-то единой основе, с помощью очень маленького набора исходных понятий. А вавилонская культура погрязала в колоссальном количестве подробностей и, между прочим, при этом себя запутывала и запугивала.

Есть одно обстоятельство, которое должны все знать.

Недавно установлен состав библиотек, так сказать, интеллигентных людей в древнем Вавилоне перед их гибелью, что они читали. Никто из них не хранил дома курсов художественной литературы, все тексты единообразны. Это разного рода гадания о будущем. Гадали по печени животных, по звездам, по полетам птиц, и эти гадания обычно плохого рода, то есть когда погибнет царство, когда вторгнется неприятель, когда что-то произойдет плохое. Общество находилось в состоянии такого ужаса, но совершенно конкретного, не вообще о гибели света, а конкретно о собственной гибели. И это была, с нашей точки зрения, конечно, псевдонаука, построенная, как наука, даже с некоторыми подобиями рассуждений. Все построено по структуре.

Вот духу науки отвечает единое учение о человеке, которое вместе с тем и чрезвычайно нужно. Ну, я чуть-чуть перефразирую слова французского антрополога, который давно уже несколько раз повторял такое изречение, что XXI в. будет веком науки о человеке (у него сказано, гуманитарной науки), или его не будет вообще.

П. Тульвисте. Вот мы много сейчас говорим о гуманитаризации, о том, что нужны гуманистические составляющие, которые должны как-то умерять, как-то направлять научно-технический прогресс, а тут ставим, по-моему, довольно жесткий вопрос: а насколько гуманитарные знания соответствуют современному состоянию того, что дает наука и дает техника современному человеку и современному миру? Потому что она дает не только те позиции, на которые мы сейчас, как говорят, опираемся. Вот техника дала человеку смертоносное оружие, она дала ему разобщение людей, она дала ему вот эти все стрессовые ситуации современного мира и так далее, и так далее. А можно спросить и другое: а если эта вся техника и современная технология исчезнет? Представим мысленно такой мысленный эксперимент: мы переходим в другой мир, к другой технике и технологии – мы захотим там жить с нашими гуманистическими ценностями?

Э.А. Араб-Оглы. Мы, европейцы, привыкли считать, что наше мышление научно, а то мышление, которое есть в других культурах, которые мы не причисляем к цивилизованным культурам, которые называем национальными культурами, что это мышление не так хорошо и не так развито, как наше научное мышление. Мы неправомерно высоко оцениваем только одно – научное мышление, которое, безусловно, важно. В то же время мы не даем достаточной оценки другим типам мышления, которые применяются, скажем, в обыденной жизни, применяются в

искусстве. Если мы не учитываем этого вот разнообразия мышления, которое вытекает из разнообразия культуры, то так мы будем до конца своих дней удивляться, что человек, очень умный в науке, в то же время верит, скажем, в астрологию.

Дело в том, что эти типы мышления имеют совершенно разные функции, это разные типы мышления.

(Музыка)

И.С. Кон. Мы привыкли изучать детство отдельно, юность отдельно, старость отдельно. Методологические принципы дисциплин при этом не всегда состыковываются. Между тем возникают совершенно реальные проблемы. Скажем, вот сейчас проблема непрерывного образования. А почему необходимо непрерывное образование, почему мы поняли, что невозможно дать все на школьной скамье?

Не только потому, что объем знаний увеличился, а потому что усложнилась сама структура жизненного пути, какие-то вещи человеку требуются в более старшем возрасте, и дело не только в том, что изменяется тот набор знаний, который ему дают в школе, и возникают острые проблемы, даже социальные проблемы. Ну, скажем, мы прекрасно знаем, мы привыкли считать, что надо, чтобы профессиональное самоопределение было, по возможности, раньше, и чтобы оно было окончательным. Потому что, если человек вдруг разочаровывается, бросает профессию, то это и государственные деньги потрачены зря, и для него это драма.

Но сегодня и обыденное сознание, и наука начинают понимать, что этот вариант тоже не лишен своих минусов, потому что стабильный выбор на всю жизнь – это очень удобно, спокойно, но, с другой стороны, это значит катиться все время по одним рельсам. А если на каком-то этапе развития у человека возникает потребность попробовать себя в других сферах, может он это сделать?

И вот здесь это большая проблема. Я думаю, что она обсуждалась в разных секциях нашей конференции с разных сторон, что наше сознание, ориентированное на стабильные, стационарные, неизменные модели и формы поведения, не совсем соответствует реальной экономической, технической, научной и всякой прочей мобильности общества.

А.В. Петровский. Обратите внимание, везде все время говорим – междисциплинарный, междисциплинарный. Это не случайно. Чем междисциплинарней, тем ближе к жизни. Мы сами разложили разные науки по полочкам, и человека тем самым как бы расчленили на многочисленное количество частей, а потом вдруг думаем, что это сделано по законам природы, и нам наше научное разделение уже начинает казаться вечным.

Вот почему именно на пороге 1930-х гг. произошло такое срезание междисциплинарных исследований? Ответ для меня один – в культуре, в науке, в социальной биографии культуры начал преобладать образ человека-марионетки.

Именно на такой образ был заказ, и именно поэтому вдруг уходят на задний план и оказываются в тени такие могучие фигуры, как фигура Вавилова, как фигура Выготского, как фигура Вернадского. Именно их идеи, их образ духовного человека в культуре не вписывались в контекст ни науки, ни социальной биографии, ни культуры того времени.

В.П. Зинченко. Мы знаем, что в 1920-е гг. и до середины 1930-х гг. развивалась педология. Педология – наука, которая пыталась осуществить комплексный подход к ребенку. Силами целого ряда наук – физиологии, психологии, антропологии, медицины – этот комплексный подход, конечно, был провозглашен, но, может быть, не полностью реализован. Сама идея была правильная – видеть развивающуюся личность и исследовать ее силами разных наук.

Затем, после середины 1930-х гг., этот комплексный подход был отброшен вместе с разгромом педологии.

В.А. Ядов. Ну, тогда очень многие науки перестали существовать. И социология, и социальная психология.

В.П. Зинченко. Но приоритет был у педологии, ее первой обозначили как лженауку. И после этого фактически комплексное изучение ребенка в педагогике прекратилось, педагогика стала во многом бездетной, и ее многие годы после этого в бездетности справедливо упрекали.

И.С. Кон. Не только бездетной, но и бесполой.

В.П. Зинченко. И бесполой то же самое, а психология лишилась возможности осуществлять психодиагностику постольку, поскольку в этом видели тоже педологические подходы, и, в конечном счете, и педагогика, и детская психология, и педиатрия, и ряд других наук разошлись по своим местам и издалека приглядывались к тому, что делают другие, не имея возможности вмешаться в этот процесс.

Л.П. Буева. Если человек сам себя, свою жизнь, свою человечность, свою зону влияния не ограничивает, в его распоряжении находится такое количество ценностей и возможностей, что он может воздействовать на ход исторического процесса.

И.Т. Фролов. Соединить исследовательские и ценностные подходы в некоторое единство, это сейчас очень важно. В особенности тогда, когда наука обращается к человеку.

Ведь здесь каждый шаг должен постоянно анализироваться, он должен постоянно подвергаться экспертизе. Всюду не только радость открытий ожидает исследователя, но и всюду подстерегают огромные опасности. Иногда такие опасности, которые, возникнув в виде чего-то такого случайного, побочного в эксперименте, могут принять глобальные катастрофические масштабы.

Встает уже практически настоятельная необходимость построения, формирования науки нового типа, науки, в которой эти исследовательские подходы не были бы отсоединены от ценностных, от социально-этических своих оснований. Так, чтобы все эти результаты наук и сами направления исследований все-таки получали, как мы говорим сейчас, и человеческое измерение.

(Музыка)

Человек, личность

В передаче принимают участие: д-р филос. наук Э.Ю. Соловьев, академик АПН СССР И.С. Кон, д-р филос. наук В.А. Ядов, чл.-кор. АПН СССР В.П. Зинченко.

И.Т. Фролов. Я хотел бы начать с, на мой взгляд, блестящей фразы Маркса, который отмечал, что различные общественные функции, преломляющиеся в отдельном человеке, – это, главным образом, сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. И дальше: как само общество производит человека как человека, считал Маркс, так и человек производит общество. И слова Ленина: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя, несомненно, деятелей.

Мне кажется, что это может быть ключом к нашей беседе. И я не случайно привел эти слова Маркса и Ленина, чтобы показать, как интересно и как глубоко рассматривали они эту проблематику – проблему человека, личности.

И это я хотел бы сделать назиданием, если хотите, некоторым нашим сегодняшним теоретикам и публицистам, которые очень легко разделяются, так сказать, и с марксизмом, и с Марксом, считают, что все это устарело, а не-

которые снобы думают, что неприлично даже и говорить об этом.

Меж тем, когда поглубже копнешь все, оказывается, как правило, что это люди, которые совершенно не представляют себе всю глубину учения Маркса и о человеке, и о личности, и гуманистические традиции марксизма, и вообще марксизм как реальный гуманизм.

Исходя из этого мы должны посмотреть и на многие современные проблемы, относящиеся к человеку, относящиеся к личности в ее соотношении с обществом.

Именно диалектическая связь личности и общества, их взаимодействие – вот что, мне кажется, должно лежать в основе этого анализа, и это может позволить правильно понять очень многие проблемы, которые сегодня обсуждаются.

Например, те деформации, которые возникли в период господства авторитарно-бюрократической системы, культа личности Сталина. Вспомните буквально ученическую эту работу «Анархизм или социализм» Сталина, где прямо говорится, что позиция марксизма – это масса, позиция анархизма – это личность.

Конечно, это все бесконечно далеко от истинной сути учения Маркса. Я не хочу сказать, что из этих теоретических нелепостей и ошибок вытекала и последующая практика, но, видимо, связь тут тоже какая-то есть.

Такое пошлое, вульгарное понимание Маркса и марксизма приводило к такой негодной практике.

Между тем о той форме общества, которая утверждалась Сталиным и его окружением в те годы, очень хорошо сказал сам Маркс. Я не видел у наших публицистов ссылку на эту мысль Маркса, когда Маркс говорит об этом грубом, вульгарном казарменном коммунизме, отрицающем повсюду личность.

Это очень важно, «отрицающий повсюду личность». Это и произошло. С одной стороны, культ какой-то одной

личности, а с другой стороны, такая система, которая отрицала личность.

Мне кажется, это одна из главных характеристик этого общества – личность превращалась и человек превращался в какой-то винтик. Об этом мы говорим. Но дело не только в этом. И второе. Можем ли мы на основании такой практики, которая была, сейчас бросаться в другую крайность? Мы говорим о том, что происходило отчуждение личности. Сейчас мы делаем все для того, чтобы снималось это отчуждение. Но можем ли мы говорить, что люди, которые жили на протяжении этих десятилетий, не могут быть рассмотрены как действительно соответствующие своему назначению, как люди, личности и т.д.?

Действительно ли это было время абсолютно безличностное, действительно ли в эти годы полностью рухнули все предположения и марксистские, в том числе, о том, что человек будет лучше, что необходимо иметь определенный идеал человека и что сама природа человека создается определенными условиями, но и он, человек, творит эти условия, это вытекает даже из слов Маркса, которые я здесь привел?

Действительно ли коммунисты не смогли ничего здесь добиться, и в этом смысле не прав Ленин, который говорил о том, что мы начнем строительство социализма с тем человеческим материалом, который оставлен капитализмом? Он опровергал эту меньшевистскую идею по поводу того, что не надо начинать революции, пока не создан, «в парниках» приготовлен какой-то новый человек. Ленин выдвинул, по существу, эту главную идею о том, что, создавая новое общество, будет создаваться новый человек, и этот новый человек будет создавать новое общество.

Мы знаем, что идеальность этой схемы была очень сильно нарушена. В жизни получилось очень многое не так.

Но можно ли считать, как нам пытаются внушить не только западные, но и наши теоретики, утверждая, что, по существу, это означает крах идеи коммунизма, идеи социализма, крах марксизма и, главное, крах учения о человеке и о возможностях определенного формирования нового человека и его совершенствования?

Нас призывают вернуться к исходному пункту, т.е. к тому, что является его антиподом, тем моделям, тем построениям, которые мы делали, представляя себе человека будущего.

Можем ли мы вообще при рассмотрении современных проблем человека, личности отказаться от обращения к будущему? В какой степени это допустимо или недопустимо?

Я думаю, это тоже надо обсуждать, потому что мы иначе можем действительно шарахнуться в другую крайность, многое потерять и, главное, что многое разрушить из того, что, в общем, не надо бы разрушать, а наоборот, нужно и дальше совершенствовать и создавать. Ну а этим людям, которые здесь ругают марксизм и социализм, можно было бы сказать, что здесь участвовал и участвует не только марксизм и социализм, а здесь участвует и многовековая практика человечества, и, в том числе, философия, которая одновременно и создавала какой-то тип, образ человека, к которому мы должны стремиться, а не абсолютизировать только то, что есть.

Может быть, несколько затянувшиеся мои рассуждения порождены определенной реакцией на то, что я сейчас читаю, слышу.

Но мне кажется одновременно здесь и ставятся какие-то вопросы, которые надо, безусловно, обсуждать. Вот как Вы в этой связи считаете?

И.С. Кон. Я полагаю, для того чтобы ответить на этот вопрос, надо восстановить понимание того, что личность

с ее активностью есть исконная и первоначальная тема марксистского анализа.

Я думаю, что многие телезрители, которые слушают нашу передачу, сели перед телеэкранами с ожиданием услышать, что раз мы говорим о личности и обществе, значит, мы будем рассуждать, прежде всего, о том, в какой мере личность зависит от общества, как многим каждый из нас обществу обязан, и как мало у нас прав занимать по отношению к нему позицию, скажем, индивидуалистического высокомерия или равнодушия.

Все мы эту тему хорошо знаем, и все мы в своих работах, кстати, внесли в нее достаточно серьезную лепту. И все-таки сегодня, в пору перестройки, мне кажется, акцент надо делать на другое.

Действительно, когда мы имеем дело с такой ситуацией, когда большое число людей потеряли доверие к порядку, долгое время непосредственно их детерминировавшему, то, наверное, тут нельзя ограничиться повторением абстрактно справедливой фразы о том, что человек не может жить вне общества и поэтому не может быть свободен по отношению к нему. Что же сейчас, мне кажется, надо сказать?

То, с чего Иван Тимофеевич начал свое рассуждение, что единственно живыми и активными участниками исторического процесса являются люди, великие или малые, они, как говорил Ленин, живые деятели истории. Как бы ни велика была сила общественного целого, оно все-таки не является кукловодом, который водит отдельного человека, как своего рода марионетку. Вообще пора понять, что общество, социум – это лишь форма, внутри которой в данный момент времени находится множество людей, действующих в открытом историческом процессе, людей, действительно устремленных к будущему и к идеалу.

Это особенно, мне кажется, важно подчеркнуть, когда речь идет об обществе в пресловутой отдельно взятой стране. Ориентация на историю всегда есть ориентация на всемирность и на мировое сообщество. И, между прочим, именно для того, чтобы эта ориентация существовала, в обществе должна существовать развитая, должествующая, ответственная перед собой и перед самим обществом личность. Понимаете, конечно, человек как личность – это насквозь общественное существо, общественное вплоть до самых интимных своих проявлений. И все-таки это не основание для того, чтобы представлять общество как подобие роя или муравейника, подобие сверхорганизма, отдельными подвижными органами которого являются единичные люди. В применении к обществу, мне кажется, нельзя злоупотреблять понятием системы. Я имею в виду системный подход, который у нас утвердился в 70–80-е гг. Системный подход дал очень значимые результаты в анализе общественных групп, общественных институтов и их отношений. И в то же время все-таки ведь не случайно, что, по сути дела, этот подход стал своего рода методологической идеологией периода застоя. Он дал почву для массового, совершенно нового типа схоластических рассуждений, в которых, если что-то и терялось, это прежде всего индивидуальное человеческое бытие. Кстати, системный подход, в психологической науке, например, привел просто к бессистемной эмпирии. В том числе в области личности... Да, интересный обратный эффект. Может быть, лучше даже говорить о каком-то целостном восприятии личности.

Я хочу подчеркнуть, что на самом деле человеческое общество – это всегда сообщество, то есть единение, я даже хочу подчеркнуть, согласие разумных, ответственных, выбирающих свою судьбу людей.

Мне кажется, что самого переживания этого факта в целом нашей науке пока недостает.

Мы довольно подробно исследовали механизм воздействия общества на индивида, но очень мало занимались механизмом обратным, т.е. механизмом воздействия сознательной ответственной личности на общество. А ведь это воздействие есть то, что мы сегодня обозначаем понятием «демократия», которое на устах у всех.

В.А. Ядов. Демократия – это не просто отдельная тема для государствоведов и специалистов по теории права или для людей, подвизающихся в области так называемой философии политики. Тут вообще трудная проблема, потому что очень хорошо в абстрактной форме сказать, что, между прочим, прекрасно Маркс говорил о том, что как общество производит человека, так и человек производит общество. Это понятно, это очень диалектично. Но вот это схватить... Вот мы здесь эмпирики, в каком-то смысле. Мы хотим схватить, измерить, осознать. Это очень трудно. Субъективность человека схватить чрезвычайно трудно.

Потому что общество на самом деле система. Почему мы говорим о диссидентах, инакомыслящих, инакодействующих. Они именно инакодействующие, инакомыслящие, потому что выламываются из системы.

Но только таким путем система и развивается, когда созревают какие-то условия в самой системе, в экономических, социальных отношениях, тогда они становятся не «инако-», а «за ними идущими». И вот схватить это эмпирически, понять это – это на самом деле трудно. Институт человека комплексный, например это очень трудно схватить эмпирически, это хорошо – поставить задачу, а решить ее чрезвычайно трудно. Эту субъективность ухватить очень трудно.

В.П. Зинченко. Нам надо, вообще говоря, разобраться в том, что нынешняя наука, общественная наука и времен

культы личности, и времен застоя, до чего она довела образ человека, в том числе и понятие личности самой, потому что ведь чудес не бывает...

Мы все говорим, винтик, винтик, винтик... А теперь говорим, фактор, между прочим... я бы сказал, тоже не очень хорошо.

Но что значит, винтик? Ведь была же воссоздана определенная концептуальная основа. И если ее реконструировать, хотя бы основные ее черты, то вообще хорошая идея формирования человека, она ведь превратилась в абсолютно лысенковскую идею превращения овса в овсюг.

Казалось, что это очень легко и просто сделать. Человек – продукт коллектива. Конечно, продукт коллектива. Но не надо забывать, что он его основа. А эту часть вообще забыли.

И у нас тогда человек стал субъектом молчаливого голосования вместо того, чтобы быть субъектом активного действия.

Человек – обладатель высшей нервной деятельности, после известной павловской сессии лишенный органов духовной и душевной жизни. Это же целая концепция. Человек – детерминированное существо, лишенное свободы и достоинства. То есть компонент свободы совершенно забывался при характеристике человека. Человек и его психика имеют реактивную природу. Он лишь реагирующее существо, а не активное. Кстати, в 20-е гг. педолог Басов развивал идею активного деятеля.

То же самое было у Выготского. Что значит, реактивное существо? Мы даже приняли на вооружение идею рефлексов целей и рефлексов свободы. Понимаете? Поведение человека не активно, а адаптивно. И была построена даже целая таксономия видов адаптации от индивидуальной до тотальной. Понимаете? Это же есть основа конформизма, т.е. все упихивалось в установку приспособления. То есть я

говору, что имелась целая (и она еще существует, к несчастью, и в учебниках психологии) концепция теоретического обоснования человека-винтика.

В.А. Ядов. Ну, я не совсем соглашусь, пожалуй, с этим, потому что в таком, скажем, широком биологическом смысле, а человек ведь и биологическое существо, представитель вида гомо сапиенс, да? Говорят, и мне кажется, что не без оснований, об активной адаптации человека, скажем, к окружающим новым условиям экономическим и т. д. К стрессовым состояниям.

Это большая тоже проблема, скажем, лучшего психофизиологического оснащения человека для того, чтобы он мог жить нормально в тех условиях, которые имеются сейчас... Мы не можем, в общем-то, уже во многих случаях избавиться от того, какими стали эти условия.

В.П. Зинченко. Заметьте, Вы же сами подчеркиваете – активная адаптация. А активная адаптация – это уже по сути деятельность, понимаете...

И.Т. Фролов. Да, Владимир Петрович, для человека даже и понятия активной адаптации мало. Он, конечно, выше того, что можно назвать приспособлением. Поскольку это понятие биологическое, я должен немножко защитить его. Личность как раз ярче себя выражает в совершенно парадоксальных возможностях противостояния обществу как социальной среде. И вот вопрос о сталинском времени, который Вы поставили, – это вопрос о том, что, несмотря на всю совокупность этих условий, как это ни парадоксально, как это ни похоже на чудо, но находились люди, которые имели возможность именно гуманистического и исторического противостояния этим обстоятельствам.

Вот еще, мне кажется, правильно говорит Владимир Петрович, когда он подчеркивает, что у нас все-таки проблематика приспособления, адаптации с ее типологиями настолько в психологии заслонила другие мотивы, что

нам трудно пока и выйти к поставленным нами сегодня задачам.

В.А. Ядов. Мне хотелось бы просто немножко заземлить эту проблему. Дело в том, что взаимоотношения личности и общества ведь не существуют в абстрактности.

Всегда, и социально-психологические данные об этом говорят, человек строит свое отношение к обществу по аналогии со своими взаимоотношениями в тех конкретных группах, коллективах, к которым он принадлежит, в которых он действует.

И коль скоро в этих реальных группах, коллективах довлеет принцип подчинения, дисциплины, исполнительской деятельности, то соответственно и модель самосознания идет по этому же самому исполнительскому типу.

Между тем отсюда эта проблема конформизма, которую мы концептуально разграничивали, но очень часто в общем, когда мы говорили о коллективизме, мы подразумевали конформизм, вот эти формулы насчет того, что «коллектив всегда прав», «коллектив не ошибается», и так далее.

Но когда эти проблемы были предметом экспериментальных исследований, то они выявили некоторые нетривиальные вещи.

Вот начинается с такого глобального противопоставления – конформист или независимый индивид, и в эксперименте ставился вопрос, может человек или не может выдержать групповое давление. Начиная с классических экспериментов 50-х гг., ставится вопрос, может ли человек сказать то, что он видит, если перед ним все единогласно говорят нечто другое, или он повторяет мнение большинства. Но когда экспериментальная эта работа усложнилась, то выяснилось совершенно другое: выяснилось, что да, в определенных недемократических ситуациях независимость можно проявить, только сказав «нет». И ничего

другого нет. И вот эта модель берется в качестве основной. Она нравственно очень хороша, когда Вы ничего реально не можете сделать.

Но если мы вступаем в полосу конструктивной общественной жизни, то возникают уже другие модели и другие принципы – тогда возникает вопрос о способности проявлять инициативу. И, кстати, в этом отношении, при расхождении с группой существуют три разные стратегии и у индивидов, и у меньшинства. Одна стратегия: когда я вижу, что происходит что-то не то, я хочу стать таким, как все, это проще, безопаснее, приятнее и т.д. Вторая стратегия: я хочу получить право быть не таким, как все. Значит, признайте мое право, я вас не трону, вы меня не трогайте. И третья стратегия – это стратегия изменения: если я убежден, что я прав, то я хочу убедить других.

И вот всеобщий политический опыт и психологические эксперименты показывают в одном и том же направлении, что реальное влияние и в коллективе, и в обществе на макроуровне идет не только сверху и от большинства к меньшинству и от группы к индивиду, но оно идет и от меньшинства к большинству, снизу вверх. И конечный результат определяется, прежде всего, стилем поведения вот этого самого меньшинства, потому что инициатива никогда не принадлежит большинству. Она всегда рождается в чьей-то индивидуальной голове, а дальше, значит, если есть меньшинство – захватывает его. Поэтому, если обратиться к тому, что мы сейчас переживаем, я вижу, что реально в наших производственных и всяких прочих коллективах изменения происходят только там, где есть достаточно энергичное меньшинство, которое готово проявить инициативу, которое готово взять на себя ответственность, которое готово нести риск. И тогда оно может убедить других, тогда что-то получается. Там, где мы ждем, что

это будет нам дано в готовом виде, там ничего не получается. И это самый тревожный симптом, когда у нас сейчас большой подъем инициатив, но, честно говоря, недостает исполнителей.

Я совершенно точно знаю и могу рассказать, чем каждый из вас должен заниматься. Каждый из вас так же может меня озадачить. Но, поскольку мы очень хорошо знаем, что надо делать другим, но не хотим делать чего-то, так сказать, предложенного другими, то идет вот такая пробуксовка.

Поэтому, мне кажется, что в проблеме личности и общества сегодня на первый план выходит проблема психологических механизмов в позиции личности и общества; вот здесь я стою и не могу иначе, и поэтому я не подпишу гнусную бумагу...

И.С. Кон. Психологически ведь это же всегда драма. Потому что ведь, если вернуться к вопросу, который Вы поставили о том, что такое личность, так ведь личность – это же в высшей степени динамическое понятие, о чем говорил еще Курт Левин, известный психолог, потому что личность – это всегда становление и это всегда преодоление. Личность – это преодоление ситуации. Личность – это преодоление: у меня есть какое-то пространство деятельности, из которых я могу нечто выбрать. Значит, я личность...

В.А. Ядов. Вот у вас есть пространство, чтобы выбрать, а общество вам может или дать, или не дать эту возможность.

И.С. Кон. Это верно, да, и вот здесь уже и в драматический момент, я могу всё равно выбрать. Общество творит личность так же, как и наоборот, личность творит общество. Оно в разных условиях, в разные исторические эпохи, по-видимому, дает возможность, так сказать, перевес в одну или другую сторону. Иногда есть выбор – только уйти.

И.Т. Фролов. Вообще говоря, при всей гениальности Маркс, наверное, не мог предположить, что может быть такое общество, как при Сталине, да? Которое до такой степени поглотит личность и до такой степени докажет всем, что все, что связано с проявлением личностного и индивидуального, это является какой-то аномалией, ненужной обществу, и Маркс, может быть, даже и слабо сказал об этом, когда характеризовал казарменный, грубый коммунизм. Он просто сказал, что это такой тип общества, которое повсюду отрицает личность. И все.

И.С. Кон. Для него просто понятие личности было очень содержательно, и этого было достаточно. Кстати, понятие личности ведь возникло сравнительно поздно, потому что Вячеслав Иванович Иванов, символист наш, он же говорил, что древнее имя личности – это герой. А потом уже возникло понятие личности. Но я возвращаюсь к этой идее преодоления, преодоления самого себя, преодоления собственного пространства деятельности.

Вспомните Гогена. Его не устраивало то пространство деятельности, которым он обладал, и он в сорок лет уехал на Таити и начал строить новую деятельность свою, понимаете, он стал художником.

В.П. Зинченко. А как тогда быть со свободой, осознанной необходимостью?

И.С. Кон. Вот свобода, осознанная необходимость... Вот три лунки, я вижу, что именно три и не больше. Моя свобода заключается в том, что я точно знаю, что три лунки, я выбираю одну из этих лунок, ну, по каким-то соображениям.

В.П. Зинченко. Так, дорогой мой, ты же ставишь проблему буриданова осла. А человек в этой ситуации никогда не оказывается, потому что у него есть как раз свобода выбора. Нет равных альтернатив... И потом не будем преувеличивать, мы достаточно натерпелись в последнее

время, чтобы понимать, что свобода никогда не познана и не осознана до такой степени, чтобы я пришел к ситуации двух или трех лунок. По сути дела, все-таки всегда, когда мы говорим об осознанной необходимости на современном уровне понимания, мы имеем в виду нереализованную историческую возможность, в которой личность должна принять участие.

Э.Ю. Соловьев. «Казарменный коммунизм» (удивительное понятие молодого Маркса, о котором напомнил Иван Тимофеевич), может в какой-то момент принимать настолько чудовищный характер, что не остается уже никакой иной возможности, кроме той, о которой говорил Игорь Семенович, то есть просто ухода из ситуации.

Но это ненормальное состояние самой коллективной жизни. Мы сейчас вступили в фазу, когда в общем-то, слава богу, стоят иного типа задачи. Стоит вопрос именно о том, как меньшинство может сказать что-то и превратить коллектив из конформистского в демократический.

Ведь часто коллективное мнение – это просто совместное, совокупно сложившаяся безответственность. Вот я вспоминаю очень интересный пример. В 60-е гг. возникла в МГУ студенческая студия «Наш дом», которая потом была известна под названием Театр под руководством режиссера Марка Розовского. И вот в 60-е гг. они разыграли на своей сцене, на своих подмостках совершенно удивительную репризу. На сцену выходил человек, который говорил: «А что я мог сделать один?» Потом появлялся другой и тоже говорил: «А что я мог сделать один?» Потом также выходил третий, четвертый. И вот уже на сцене стояло множество людей, которые кричали вразброд, а потом дружно, хором говорили: «А что я мог сделать один?»

Вот вам композиция, так сказать, некоторого коллективного согласия, возникшего на почве отказа от самого себя и на почве неверия в самого себя.

И я уверен, что это механизм не только возникновения конформистского коллектива. Это, между прочим, отчасти и механизм возникновения культа личности, о котором говорил Иван Тимофеевич. Мне вот в последнее время часто вспоминаются строки из известного очень стихотворения Михаила Исаковского:

Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Я понимаю, что это стихотворение написано сразу по окончании войны, когда Исаковский передавал, в общем, вполне реальные и приемлемые для меня переживания солдата, который вручает свою судьбу военачальнику.

Но, мне кажется, оно передает и гораздо более широкую эпохальную загадку, загадку времени, которая заключается в том, что можно назвать самоотчуждением совести, когда я не доверяю своим впечатлениям, своим самостоятельным суждениям, не доверяю своим силам, именно поэтому переношу свои ожидания на некоторую сверхчеловеческую полубожественную личность, которая за меня и вместо меня должна решить какую-то совокупность проблем.

В.П. Зинченко. Самое страшное в те времена было то, что Михаил Михайлович Бахтин назвал деградацией поступка. Низведение поступка до уровня физиологического, технологического акта.

Это значит, что центральное в личности – это способность осуществлять свободные и ответственные действия – поступки.

Вот, это наиболее существенная черта. И если вернуться к дефинициям личности, то мы об этом просто забывали в те годы, то есть, конечно, не все забывали, но редуцировали личность к потребностям и говорили, что личность – это совокупность ее потребностей.

Слушайте, а сколько мы знаем людей, у которых потребностей хоть отбавляй, а личностью и не пахнет. Или личность – это иерархия мотивов, понимаете. Мотивы можно перестроить, и, казалось, можно легко изменить личность. Или личность – это направленность. Возьми, поверни ее в другую сторону... Опять это же то, что Мераб Константинович Мамардашвили, один из участников наших бесед, называл социальной мифологией, или социальной алхимией.

В.А. Ядов. Еще хорошее к этому выражение, к социальной мифологии, я заметил, называется так: «социальная мифология особого назначения».

(Смеются)

И.Т. Фролов. Это хорошо.

И.С. Кон. Ну, вот мы теперь возвращаемся к проблеме системы. Это очень хорошая была тема затронута, и вообще понятие очень важное. Действительно, личность – не мотивация, не память, не воля в конце концов. Даже не индивидуальные различия, не типы нервной системы.

Да, вот этот вопрос лунок я снова возьму, он мне нравится самому. Вот ведь в чем же штука с этими лунками? Надо в том, что реально есть, увидеть новую возможность, причем реальную возможность. Да? Для этого нужен и интеллект, и воображение, и культура, и образование и, конечно, воля, чтобы реализовать это свое действие. Ведь правда? Значит, личность – это очень богатое понятие. Нам схватить это эмпирически довольно трудно, но мы можем его хотя бы терминологически как-то сейчас определить.

И вот то, чего нам сейчас не хватает, то, чем мы должны заняться. Что значит, выделявание личности сейчас? Это выделявание знаний, выделявание воображения, выделявание воли и выделявание готовности действовать – все надо выделявать.

Э.Ю. Соловьев. Мне кажется, Вы уже подвели нас к ответу на вопрос, когда употребили слово «культура». Павел

Александрович Флоренский говорил когда-то, что культура – это особого рода среда. Среда, которая не просто окружает, но растит и питает личность.

И.Т. Фролов. Мы с самого начала ведь договорились, что мы будем иметь в виду взаимное влияние. А то это мы возвращаемся к старому российскому спору насчет личности...

Э.Ю. Соловьев. Иван Тимофеевич, это же среда, может быть среда здесь, среда в нашем обществе и среда мировой цивилизации.

И.Т. Фролов. Это то, над чем издевался Достоевский, Вы помните, «среда заела», и так далее. Это снимает нравственную ответственность с самой личности.

Э.Ю. Соловьев. В том-то и дело. И Павел Флоренский, мне думается, размышлял как раз над этой проблемой. Культура не есть среда в расхожем ее понимании. Ее нельзя мыслить просто как комплекс влияний, стихийных или педагогически организованных. Культура – это среда, которая непременно предполагает и запрашивает ответственный отклик со стороны реципиента. И вот обстоятельство, на которое мне хотелось бы обратить особое внимание: только в человеческой культуре возможен такой акт, как упреждающее доверие. Личность, на мой взгляд, формируется не какими-то особыми системами педагогических приемов, а прежде всего потому, что мы (общество) предполагаем в человеке личность. Предполагаем, прекрасно зная о том, что человек еще далеко не всегда является личностью, что личность – это некоторый идеал индивидуальной интегрированности. Это, если угодно, такое состояние, когда у человека как бы вообще нет бессознательного, когда он проникает в себя до самых глубин: всё ему видно, всё он о себе знает, полностью собой руководит. Это, конечно же, идеал, которого нет в наличии. И в то же время, в возможности, в проекте, в ка-

честве ориентирующей запредельной «сверхзадачи» мы такое состояние мыслим, допускаем и никому не вправе в нем отказать.

И.С. Кон. Я, например, придерживаю дверь, когда иду в метро, чтобы она не хлопнула другого...

Э.Ю. Соловьев. Да, Вы неожиданно, но совершенно адекватно откликаетесь на мою тему. И вопрос в том, как эту установку прояснить и выразить обобщенно. Первый шаг представляется мне достаточно простым: я от лица общества, от лица культуры авансирую человеку, что он личность, а затем ожидаю, что он этот мой аванс в реальном действии подтвердит.

Может быть, это хитрость? Нет. Опыт показывает, что предваряющее, упреждающее доверие способно пробуждать в человеке ростки личности буквально подобно весеннему солнцу...

И.С. Кон. Так у Макаренко...

Э.Ю. Соловьев. Совершенно верно, это одна из основных его установок. И наоборот, когда человека презирают, не уважают, а особенно когда на нем «ставят крест», – это сплошь и рядом предрасполагает к полной личной деградации.

Вспомните замечательный эпизод из пьесы Александра Вампилова «Утиная охота»: приятели – как бы в шутку – преподносят герою пьесы похоронный венок (символ завершенной несостоявшейся жизни), и это действительно оказывается стимулом к попытке самоубийства (слава богу, всего лишь к попытке).

Культура – не просто носитель некоторых влияний. Это носитель ответственных человеческих отношений и, прежде всего, отношений доверия и недоверия.

И.С. Кон. Это Вы сейчас говорите об образце, об идеальной культуре.

Э.Ю. Соловьев. Да, разумеется... Конкретные культуры, особенно если речь идет о культуре массовой, мало

чем отличаются от «среды» в расхожем смысле этого слова. Среднетипичный индивид, которого они формируют, редко вырастает в развитую личность, но весьма часто с подозрением и неприязнью относится к чужому личному своеобразию. Бестактность в отношении нетипичного, нестандартного, непохожего культивируется уже с детства и заявляет о себе как черта социального характера.

И.С. Кон. Кроме того, речь идет так же и о личности... Идеал, норматив и некая реальность модальная – мы говорим про наиболее распространенный тип личности. А когда мы говорим о конкретных культурах, то иногда, так сказать, приходится признать, что наше наследие, которое и формирует, влияет, оно делает в конце концов человека, массового человека, личность в социологическом понимании как тип социальный. Это же черты социального характера нашего, которые вовсе даже не от сталинских, не от хрущевских времен, а идут гораздо глубже еще, гораздо глубже. Они тоже не очень-то для перестройки с ходу годятся.

Ведь работа для нас – это в основном все-таки наказание божие. В нашей культуре это ж наказание божие, работа, правда? Это в протестантской культуре, в протестантской религии работа – это каждый своим усилием, своей волей, своим трудом приходит к господу. Не идеальная модель, но все-таки, так воспитывался человек с детских лет. Для нас уважение чужой точки зрения, так сказать, или наоборот, выделение своей позиции – это в нашей культуре, в культуре нашей общины российской, да? Это же ведь не очень тоже типично, наоборот, нетипично. Нетипично, это «ячество», это нехорошо. Вождь или лидер какой-то – это хорошо, я на него ответственность перекладываю. И этот период, 37-й г., сталинщина, он, в общем, закрепил эти черты. Закрепил. Теперь очень большие усилия нужно приложить, чтобы преодолеть это в себе...

В.А. Ядов. Вот эти черты социального характера, они досознательны, они становятся бессознательными. Вот мы кричим часто. Я недавно прочитал, я не помню, у кого, но это мне очень понравилось, что в наших фильмах кричат без конца, и поэтому их плохо на Западе покупают.

Мы орем друг на друга, громко говорим, потому что не уверены, что тебя поймут, что тебя понимают, как личность, я должен доказать это. Это бессознательно...

В.П. Зинченко....Роджерс, один из создателей гуманистической психологии, приехал в Москву на встречу с нашими психотерапевтами. И, вернувшись, он опубликовал статьи со своими впечатлениями. И одним из самых больших впечатлений оказалось то, что мы не можем слушать друг друга. Это психотерапевты не могут слушать друг друга... Вот это бессознательно. Вот я уже контролирую, что нельзя кричать, значит, действительно, я уже и фильмы наши так воспринимаю – почему, действительно, орут? Я смотрел фильм из французской жизни, поставленный нами, и там эти «французы» кричат друг на друга точно так же, как это в Тамбове бы происходило, понимаете.

И.Т. Фролов. Кричат – это не то, что сидит в генотипе или в подсознании. Кричат – это признак, в общем, малой культуры. И, как некоторые снобы даже говорят, что это какой-то признак «простых», то есть трудящихся, людей. А эти «простые» трудящиеся люди, кроме всего прочего, кричат, потому что они разговаривают на далеких расстояниях и привыкли это делать в поле, они кричат, потому что им надо перекричать шум станков и так далее, и так далее.

В.А. Ядов. Правильно.

И.Т. Фролов. Это постепенно переходит в быт. Я хочу просто сказать, что вы, социологи, очень часто склонны упрощать какие-то вещи и не видеть какую-то подоснову,

которая формируется тоже в человеческом общежитии и в человеческом общении. Я соприкоснулся с этим в детстве, поэтому мне как-то понятна вот эта вот сама манера. И я вижу, как культура избавляет во многих случаях многих людей от этого, а кого-то не избавляет. Воспитанный русский человек, конечно, без надобности не кричит.

Я только считаю, что ко всей этой проблеме, которую Вы подняли, надо добавить еще одно измерение. Дело в том, что то, что мы наблюдаем в элементах крика, неуживчивости и так далее – это результат слишком стремительного разложения патриархального мира и невозможности так же быстро войти в цивилизованно упорядоченный какой-то строй жизни. Поэтому мне вообще кажется, что этот феномен выпадения из традиционных структур, феномен «омассовления», как часто говорят, имеет огромное значение для истории нашего общества, огромное значение и для понимания темы личности, в частности.

И.С. Кон. В общем, в значительной мере то, что условно называли бы «кричащий тип» – это просто тип, а вовсе не традиционная русская культура. Раздраженные, и так далее. Я считаю, что это идет в самые даже такие глубины. Например, деревянной ложкой простые люди пользовались очень тактично... Но это культура поведения, это культура, так сказать быта.

В.А. Ядов. Это не только культура поведения, это тип самосознания. Здесь есть и социальная подоплека... Это высокомерие, воспитанное при том унижении, в котором находился человек и личность, скажем, во времена Сталина. Одновременно у него и воспитывались некоторые, так сказать, черты самомнения, превосходства, нетерпимости, хамства. Так же эти хамы учат ученых, как делать науку, художников, как рисовать картины, писателей, как писать книги, и так далее.

И.С. Кон. Такое социальное хамство требует анализа. Здесь есть все. Между тем одно из важнейших, если не важнейшее, определение свойства личности – это чувство собственного достоинства.

В.А. Ядов. Это вот правильно. Мы недаром говорим о том, как нам его не хватает. И, кстати сказать, и сегодня, и уже давно, уже примерно два десятилетия нам его не хватает. Это понятие, которое по происхождению является философским, а потом переведено уже в психологические параметры. Самое главное измерение личности – это самоуважение, потому что высокое самоуважение дает возможность проявления и инициативы, и ответственного поведения, и так далее. Пониженное самоуважение снижает уровень притязаний, оно коррелирует статические, самые разные формы девиантного поведения.

То есть это фундаментальная проблема, потому что личность невозможно ни оценить, ни описать, ни рассмотреть только изнутри, потому что при этом подходе мы неизбежно фиксируем внимание на ее зависимости от окружения. А наиболее интересное и трудное для эмпирического исследования – это то, что эта личность производит, то, что она творит. Это значит, что нас интересует ее внутренний мир, и мы его принимаем, и не просто скрепя сердце, вынужденно, а принимаем другого человека как некую данность.

И.С. Кон. Я тогда опять вернусь к динамизму личности. Как только человек перестает себя творить, он перестает быть личностью, потому что еще одна черта личности – это самосозидание, самоосуществление.

И.Т. Фролов. Существует такая позиция, что якобы существует какая-то неизменная, неподвижная природа человека, и эта позиция, к сожалению, сейчас возвращается, она противопоставляется марксизму, но мне кажется, она не выдерживает критики, и я хотел бы для иллюстрации

опять процитировать Маркса. Маркс писал, что превращение индивидуума в личность – это ее дальнейшее обогащение, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу.

И дальше прекрасно Маркс написал, что человек здесь не воспроизводит себя в какой-то одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления.

Вот, чего, может быть, очень часто не хватает многим поверхностным рассуждениям об обществе, личности. Понять саму суть – как человек становится. Он находится в абсолютном движении становления, то есть идет детство, подросток, Вы этим занимаетесь (обращается к И.С. Кону), очень успешно, я считаю, но и в историческом плане человек еще есть нечто становящееся. Мы, может быть, слишком переполнены каким-то снобистским самомнением, что мы достигли уже каких-то вершин. Но не в эволюционном смысле, а в историческом смысле как личности мы еще находимся в процессе становления. Поэтому такая масса проблем, такая масса противоречий, о которых мы сейчас говорим.

И я хочу в связи с этим сказать нашим телезрителям, что сейчас, слава богу, у нас уже, кажется, не будет ограничиваться все такими разговорами, постановками проблем, призывами и так далее.

А весь сложный комплекс проблем человека, его становление, проявление определенных нравственных его качеств, психологических сторон, исследование даже генетических, психофизиологических особенностей человека – все это мы теперь получили в виде такой прекрасной возможности для изучения, исследования, координации после того, как совсем недавно Президиум Академии наук создал Всесоюзный межведомственный центр наук о чело-

веке, Институт человека. При нем и журнал даже под названием «Человек».

Мы сейчас получаем отличную возможность все соединить, направить в определенное русло комплексные исследования проблем человека, и, я думаю, что здесь будут и определенные практические результаты, по крайней мере, мы уже получили заказы на реализацию некоторых тем, которые дадут нам возможность решать эти проблемы.

Ну и, в общем, науки включаются в этот процесс.

Мы не должны, я еще раз это повторяю, отнестись к самой задаче, нашей этой человеческой задаче как к чему-то, что якобы теперь, после этих ошибок, которые были совершены, должно идти стихийно, так я понимаю призывы возвращения к человеческой природе и т.д. Я думаю, что это должно быть реалистическое видение перспектив, но это в то же время видение именно перспектив.

Потому что ограничить себя только тем, что сейчас есть, – это бы означало просто обеднить человека и не видеть этот процесс абсолютного движения становления.

Это все равно, что 20 лет назад, когда мы рассуждали о перспективах человека и включали туда экологические, демографические аспекты, даже медико-генетические и так далее, нам говорили: «О чем Вы говорите, о чем Вы рассуждаете? Экология – что это такое? У нас, так сказать, нет этого, это есть на Западе, поэтому зачем сейчас об этом говорить?»

И вот результат: экология человека исключалась из «человеческой» проблематики, пока, так сказать, не грянул гром, да еще такой⁷, вот действительно «мужик не перекрестился».

Я понимаю, что здесь есть нечто и такое, что должно нас настораживать, и, наверное, мы это тоже еще будем обсуждать.

---

⁷ Имеется в виду авария на Чернобыльской АЭС.

Конечно, вот и Вы, Игорь Семенович, говорили, что человек определенного типа, личность определенного типа складывалась в административно-бюрократической системе, потом Вы сказали о временах Хрущева, но почему-то последующие времена Вы проглотили. А когда я сейчас наблюдаю попытки сказать, что вот теоретики времен Хрущева, эти абстрактные утописты, идеалисты, вот они столько писали о коммунистическом типе человека и так далее – это вскрывается, так сказать, как какая-то отрицательная сторона, какой-то недостаток того, что возникло в то время. При этом упускается из виду, что это же были первые годы, это же была реакция на те авторитарно-бюрократические времена, когда отрицали личность, отрицали человека, и можно понять даже психологически взрыв такой антропологической, человеческой проблематики с утопическими всякими перекосами и так далее.

Потому что это реакция на этот бездушный, казарменный социализм, отрицающий личность.

Э.Ю. Соловьев. А помните, в те же годы была написана блистательная книга Ильенкова об идолах и идеалах.

И.Т. Фролов. И это тоже, но ты дослушай дальше. Буквально так говорится, что первые следы отрезвления наступили в начале 1980-х... Это пишут «теоретики» вот этого застойного периода. Причем пишут уже со знаком плюс. Это что означает? Это они «отрезвели» тогда, когда они спаивали народ? И они в это время «отрезвели»?

В.А. Ядов. Правильно, Иван Тимофеевич, все правильно. Это и есть формула реального социализма. В переводе на простой язык это значило: «жри, что дают».

И.Т. Фролов. И было понятно, что есть нечего, поэтому надо приспособить модель к существующей действительности, так что в каком-то смысле «реализм на подножном корму». Понимаете, я просто хотел сказать, что именно это

время породило идеологию... Самое плодотворное время было в нашей жизни.

Конечно и тут нужно общую мысль понять, чтобы быть реалистом: в социальном мышлении вообще просто нельзя без идеала, потому что иначе можно «доотрезвляться» до полного цинизма. И как раз, конечно, выдвигание идеала, прояснение его, гуманизация идеала, вкладывание в идеал каких-то предельных человеческих ожиданий, не просто там, так сказать, «распределение по потребностям» – кисельные реки, молочные берега, а то, что Маркс говорил о свободном развитии человека и об обществе как об ассоциации всесторонне развитых индивидуальностей, вот этот возврат к отдаленному предельному смыслу марксистского идеала произошел именно в 60-е г.

А еще добавлю, что это было и время элементарно завышенных ожиданий, ожидания типа того, что «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме»... Это тоже такое примитивное представление о коммунизме.

Э.Ю. Соловьев. Здесь надо бы вспомнить Канта с его умением дистанцировать высокие идеалы и не смешивать их с программами. Вот об этом, мне кажется, сегодня прежде всего следовало бы задуматься.

В.А. Ядов. Так социальный критицизм и есть настоящий реализм.

В.П. Зинченко. Идея Леонтьева о деятельности сменилась идеей общения, понимаете, это же тоже давление социального на индивидуальное, на субъект, это очень показательно, как менялось... Указывался предмет общения, а то во время застоя и предмет общения не указывался, а просто «общёмся»...

И.Т. Фролов. Я очень рад, что вы так дружно поддержали это все, потому что, признаться, у меня внутри все время сидит раздражение по поводу таких якобы предельно реалистичных этих высказываний этих брежневских

идеологов, которые действительно спаивали народ. Разлагали его, растлевали, можно сказать, и в то же время оправдывали эти свои действия тем, что «а нам не нужны какие-то высокие идеалы!»

Почему? Они нужны нам, они нужны и в особенности тогда, когда мы заняты каким-то реалистическим делом, как вот сейчас, во время перестройки. Смотрите, сколько обнаружено негативного, смотрите, какая ведется реалистическая, очень критическая и самокритическая будничная работа по решению насущнейших проблем человека и нашего народа.

И в то же время, соскользнуть сейчас на почву такого эмпиризма, оправдания, возвеличивания всего того, что есть, значит, потерять из виду какую-то определенную цель. Это противоречит просто человеку, и никогда в истории человечества к чему-то хорошему не приводило.

Я понимаю, что многое из того, что происходило и негативного в истории человечества, шло от идей, шло от каких-то мысленных конструкций, которые сочиняли и политики, и великие философы, писатели. Мы прекрасно знаем свою жизнь, пытались втиснуть её в эти придуманные конструкции, хотя вся натура во многих случаях у многих людей протестовала против этого. Возьмем того же Льва Николаевича Толстого, типичнейший пример этого, ну можно и в более широком социальном плане эти вещи видеть.

Но ведь это тема – человек, а человек отличается вообще от животных тем, что он руководствуется определенными идеями, определенными целями, и задача заключается не в том, чтобы отбросить это все, а в том, чтобы выработать такие цели, идеалы, которые бы вели вперед и в то же время не отрывались от реальности и могли бы действительно способствовать этому абсолютному движению становления человека и человечества.

В.А. Ядов. Тут надо немножко вернуться к первой части передачи, «общество–личность». Проблема самостоятельности, отражения своей позиции, выражения своего «Я» – это все-таки так или иначе было связано с частной собственностью. В феодальном обществе этого отстаивания мы особенно не наблюдаем. Конечно, всегда при наличии религии возможны протестные движения. Например, Ермак Тимофеевич – пример одновременно сословности и чести, которую нельзя потерять.

И.Т. Фролов. Я хочу вернуться к нашей реальности – это проблема разнообразия форм собственности. Конечно, когда есть одна государственная форма собственности, то тут нет вообще материальной зацепки за то, чтобы отстаивать свой интерес и противостоять, доказывать и вообще думать по-другому.

Мы должны оставаться материалистами в этом положении. Вот это чувство хозяина, которое сейчас образуется, – это очень важный фактор для формирования своей позиции. Мне кажется, что сейчас мы можем в таком личностном срезе понять, что происходит в нашем обществе, в процессе революционной перестройки. Обращаясь к человеку, мы одновременно обращаемся к личности. Вопрос сейчас стоит так, что наше общество в процессе этого обновления нуждается сейчас в ярких неординарных личностях. Причем это не должно быть так, как некоторые ученые-педанты высчитывают процент, что где-то 4 или 5% популяции являются творческими людьми. В том-то и дело, что при всем разнообразии человечества, при всем том общем, что имеется у нас на родине, я думаю, что у нас неисчерпаемые резервы для проявления личности, которые, я уверен, не ограничиваются этими небольшими процентами. Когда ставится задача демократизации общества, то это означает активизацию всех, а не отдельных,

так сказать, выдающихся людей. Сколько их там – 5–7 процентов? И вот они якобы должны повести за собой всю остальную массу. Нет, в каждом человеке, говорил Маркс, заключен Рафаэль. Надо только выявить это как следует. Нет людей неспособных и нет людей, тем более, неспособных стать личностью.

Признание же противоположной точки зрения противоречит основным принципам гуманизма, всякого гуманизма, тем более, марксистского гуманизма. Поэтому, когда мы именно таким образом сейчас поймем задачу нашей перестройки, то можно эту задачу понимать, как реализацию тех высших целей, которые были в самом начале поставлены марксизмом, социализмом, теорией нового общества и, прежде всего, Марксом.

Я начал нашу философскую беседу с этого, и я хотел бы этим закончить. Я хотел бы закончить тем, что, может быть, нам больше всего нужно обратить наше внимание на эти самые основы, на самую сердцевину марксизма, а не заниматься легкомысленными какими-то наскоками на это учение. Надо поставить себе задачу подняться на такой уровень культуры, чтобы на этом уровне и прийти в высокое соприкосновение с этим высоким учением.

Нельзя ничего упрощать, мы уже много потеряли от этого упрощения, в частности во времена Сталина. Но и нельзя нам быть нигилистами и не видеть всего того, что может составить сейчас такую точку опоры, рычаг, может быть, определенный для тех позитивных изменений в нашей жизни, которые должны служить человеку и расцвету личности.

Я думаю, этим мы сейчас закончим нашу беседу, и я благодарю вас за внимание, а всех участников за активность, которая должна соответствовать и соответствовала новым требованиям личности, за то, что они высказывали свой подход.

Я не увидел ничего такого необычного сейчас здесь в этом плане, потому что, по крайней мере, собираясь и год назад, и 10, 20 лет назад вот в таких компаниях, может быть, даже больше проявлялись различия, сейчас годы стерли немножко у нас эти различия.

И.С. Кон. Человек звучал гордо, а сейчас он может быть начнет и выглядеть прилично.

И.Т. Фролов. Ну что же, посмотрим, что будет дальше, и постараемся участвовать во всем, что сейчас происходит. Спасибо, до свидания.

И.С. Кон. А теперь я наговорю небольшой текст, который, возможно, пригодится для иллюстрирования нашей передачи.

И.Т. Фролов. Хорошо, договорились.

И.С. Кон. Это действительно так, культ личности, культ выдающейся личности и обезличенность рядового человека – это две стороны одной медали, и, чтобы увидеть это, вообще-то не надо углубляться в какое-то теоретическое исследование.

Вот давайте вспомним, каким образом документальная кинохроника 30-х гг. представляет миру и рекламирует наши достижения, нашу силу, нашу эффективность, наше историческое своеобразие.

Ну, прежде всего, в образе механически упорядоченной массы. Какой-то идеал видят в том, чтобы множество людей совместно и одновременно слились в одном простом движении. Перед нами стоит образ коллективизма, который заимствован из устава действующего воинского подразделения. При этом совершенно неважно, что в руках у людей не винтовки, а, скажем, лопаты или серпы, или даже праздничные воздушные шары. И в сцене труда, и в сцене радости люди напоминают солдатскую колонну, которая послушна приказу. Это, так сказать, машины из человеков, это пирамиды из юношей и деву-

шек, наконец, это цветущие клумбы из детей. Вот как в 30-е гг. предъявляется миру коллективное всенародное единение.

И все это у подножия каменного постамента, на котором стоит маленький вождь, он единственный в этом ритуале анонимности, у кого существует привилегия на индивидуальность. У него есть право на теплую патриархальную улыбку, а правильнее сказать, на патриархальную гримасу, поскольку она очень уж не соответствует его действительному облику.

Кто же завладел нашим вниманием в нынешние 1980-е гг.?

Я имею в виду вот эту череду фотографий, относящихся к реабилитации жертв сталинского режима. Вот, скажем, такую череду мог увидеть тот, кто посетил в прошлом году одну из выставок, организованную Музеем революции. То есть один за другим перед нами проходят лица людей, каждый из которых неповторим в своей повседневной обыденности, в своей ранимости, в своей посильной для человека стойкости. Это и Чаянов, и Флоренский, и Вавилов. Это Бухарин и Рыков, это Клюев, Мандельштам и Мейерхольд. И дальше крестьяне и рабочие, представители советской и церковной культуры, русские, украинцы, грузины, евреи, прибалты.

Конечно, и эти люди подвергались процессу обезличивания, да еще какому. Они их представляли, как лагерную пыль, но вот в процессе самоотчуждения совести, о котором мы выше говорили, эти люди все-таки в большинстве своем не участвовали.

Не будем продолжать лагерный опыт. Часто это опыт человеческой немощи, опыт нравственного падения и разрушения личности. В этом опыте много такого, что вообще нельзя взять обратно в нормальное человеческое общежитие.

И все-таки, конечно, среди этих людей за колючей проволокой были те, кто был в то время в наибольшей степени достоин высокого титула личности, которые испытали трагедию противостояния абсолютному злу, появившемуся в XX ст.

Пока что опыт этого противостояния мы знаем из мемуарной или художественной литературы. Этика и философия его не касались. Но, я думаю, что без обращения к этому опыту настоящую современную теорию личности построить просто невозможно.

И.Т. Фролов. Да, я согласен, это так. Спасибо.

О смысле жизни, о смерти и бессмертии

В передаче принимают участие: писатель С.П. Залыгин, академик Н.Н. Моисеев, академик АМН СССР В.А. Неговский, митрополит Питирим.

Предварительные переговоры.

И.Т. Фролов. Ну, вы все знакомы. Никита Николаевич у нас уже принимал участие, Сергей Павлович, естественно. Сегодня у нас новое действующее лицо – Владимир Александрович Неговский. Мы с Владимиром Александровичем давно знакомы и даже как-то участвовали вместе вот в такой телепередаче. А проблемы, которыми Владимир Александрович занимается, очень интересные, они не только в таких медицинских аспектах, но и, я бы сказал, в философских. Вот есть ряд работ Владимира Александровича, где он делает определенные обобщения, а в особенности в связи с той дискуссией, которая некоторое время назад проходила в Соединенных Штатах, вообще в западном мире, в связи с выходом книги «Жизнь после жизни». И много было всяких разговоров и обсуждений, в которых участвовал и Владимир Александрович.

Я ведь этим тоже занимался. И сейчас мы будем говорить как раз о такой проблеме, по поводу которой я уже

сейчас недавно в «Политиздат» книжку сдал: «О человеке и гуманизме. Работы разных лет».

И там две главы будут как раз по проблемам нравственной философии, смысла жизни, и одна глава прямо посвящена смерти и бессмертию человека вот в таких нравственно-философских аспектах. Я там сделал много нового, но в то же время очень много и взял из того, что было уже опубликовано, вот «Перспективы человека» и т.д.

У нас сейчас больше начинают обсуждать это все. Наконец-то приходят к пониманию того, что и эти темы, а не только политические, они важны в жизни людей. Ну, я не знаю, какотреагируют даже на нашу передачу в этом смысле, у меня есть некоторое беспокойство, потому что ведь сейчас много таких ретивых людей, которые скажут: вот, у нас такие важные события, есть нечего, еще что-то, а они о смысле жизни... Вот нам надо и показать, что, наверное, это не менее важное, чем кусок хлеба, все эти вещи...

(Пауза)

И.Т. Фролов. Здравствуйте, товарищи.

Мы сегодня собрались обсуждать чрезвычайно важную тему, и я хотел бы предварить обсуждение, нашу беседу словами Достоевского, который сказал, что тайна бытия человеческого не только в том, чтобы жить, а в том, для чего жить. И вот без такого четкого представления, для чего жить, говорил Достоевский, человек может и не захотеть жить. Или, как он писал, скорее, может быть, он истребит себя, нежели оставит на Земле, и как он добавлял: «Хотя бы и кругом были хлебы». Это перекликается с религиозным известным положением о том, что не хлебом единым жив человек. И конечно, мы сейчас много думаем о насущных наших проблемах, о хлебах, о которых говорил Достоевский, но в то же время, естественно, по-видимому, для человека и важны эти проблемы – смысла жизни, да и, пожалуй, мне кажется, от того, насколько человек правильно решает эти проблемы, может

быть, в очень существенной степени зависит и обилие, избыток или недостаток хлебов. В человеке так все тонко интересно связано, что разделить это просто невозможно. Если жизнь человека наполняется определенным смыслом, то все у него получается, получается, в том числе, в материальных его действиях. Но во всяком случае это одна из важнейших тем, которая сейчас поднимается, еще и в связи с переосмыслением нашей истории – очень трудной, трагичной очень часто. И многие люди сейчас задают себе такой вопрос, когда мы подвергаем сейчас анализу, критическому в том числе, наше прошлое: была ли осмысленной жизнь многих поколений или она лишается определенного смысла? Как сейчас мы формулируем смысл нашей жизни и, соответственно смысл нашей деятельности? Причем это не касается только каких-то, мне кажется, таких высоких, философских, что ли, профессиональных рассуждений. Каждый человек, когда он задумывается вообще, то он неизбежно ставит эти вопросы. Это не зависит даже, я бы так сказал, от степени образования человека. Это не результат образования. Это нечто присущее самому человеку. Он находит удовлетворение и ответы на эти вопросы и в философии, и в литературе в очень сильной степени. Я не случайно в самом начале на Достоевского сослался, потому что это вообще одна из ведущих тем классической русской литературы – и у Достоевского, и у Толстого. Мы будем ссылаться на него. Это, так сказать, очень важно сейчас – многое переосмыслить.

Музыка (текст за кадром). *Жизнь, окружающая меня, становится все безумнее и безумнее: еда, наряды, игра всякого рода, суета, шутки, швырянье денег, живя среди нищеты и угнетения, и больше ничего. И остановить это, обличить, усовестить нет никакой возможности. Глухие скорее услышат, чем кричащие не переставая. И мне ужасно, ужасно тяжело. ...Зачем не дано мне хоть перед смертью пожить, хоть год, хоть месяц, свойственной мне*

жизнью, вне той лжи, в которой я не только живу, но участвую и утопаю.

И.Т. Фролов. В философии русской это получило большой развитие – у Владимира Соловьева. Я вот внимательно изучал его труд «Оправдание добра», о проблемах смысла жизни человека. Это одна из важнейших тем у многих наших мыслителей, к сожалению, забытых на определенный период. И у таких, как Бердяев, возьмите его книжку «Смысл жизни», Евгения Трубецкого. Да, очень интересно, хотя, конечно, не со всем можно согласиться. Вопросы эти ставятся постоянно, на протяжении истории мировой философии эти вопросы так или иначе возникали. Но я хотел бы вот подчеркнуть именно то обстоятельство, что и каждый человек, простой, как мы иногда говорим, человек в той или иной форме ставит эти вопросы.

И он находит ответы, в том числе, и приходя к религии. Это тоже большая проблема.

Вопросы смысла жизни неизбежно связаны, неразрывно связаны с проблемами смерти, причем не в таком чисто биологическом только смысле, а и в нравственных, гуманистических аспектах, философских аспектах.

К сожалению, это мало рассматривается у нас, особенно, что касается проблемы бессмертия. И нельзя думать, что проблема бессмертия лишь касается чисто религиозных сюжетов – бессмертия души и т.д. Вот я знаю, Сергей Павлович недавно написал блестящую, я считаю, статью по проблеме бессмертия. Он хорошо показал, как это может ставиться материалистически мыслящим человеком, я с большим удовольствием прочитал эту статью. Сейчас эти проблемы возникают уже не только по отношению к отдельному человеку, но и к человечеству в целом. Мы говорили о том, что, может быть, впервые так остро сейчас в связи с термоядерной угрозой, с другими опасностями, в том числе и экологическими, о которых вот говорил в

своей статье Сергей Павлович, возникла эта проблема, связанная с тем, что мы ощутили, что человечество является смертным. Что оно может исчезнуть, если будет неразумным и если разразится термоядерная война или экологическая угроза достигнет такой степени остроты, когда это по существу тоже будет означать угрозу смерти для человечества.

Вот Никита Николаевич Моисеев очень много занимается этим, ставит эту проблему как проблему экологического императива. Это тоже очень интересно.

Я думаю, в этих аспектах мы сегодня постараемся обсудить эту важнейшую тему. Ну, я даже испытываю какую-то робость, приступая к ней. Хотя я говорил, что уже и книжки написал на эти темы.

Реплика. Это необъятная тема.

И.Т. Фролов. Да, необъятная тема, это так, действительно. Я уверен совершенно, что мы не сможем в этой передаче даже все вопросы поставить, которые относятся к ней. И поэтому, может быть, мы согласимся с самого начала, что эта наша передача будет некоторым приглашением, что ли, к обсуждению, к размышлениям на эти темы. Мы, может быть, потому еще вернемся по письмам наших телезрителей, продолжим эту беседу. Вот так, я думаю, мы на этом остановимся. Так, ну, кто решится начать? Может быть, мы Вас попросим рассказать?

Митрополит Питирим. Ну что же, у меня, естественно, положение, я бы не сказал, что самое трудное, но тем не менее все-таки сложное в том отношении, что я дитя своего времени. Я родился и вырос в нашей действительности преобладающего материалистического мировоззрения и тех философских течений, которые обнимают собой в курсе истории философии от древней античности до современных марксистских концепций. И тем не менее я все-таки родился и вырос в религиозной среде, в религиозной семье, поэтому

для меня религиозное мировоззрение – не приобретенное из книг, а врожденное, если так можно сказать. Поэтому для меня проблема бессмертия решается однозначно: человек бессмертен, но сложен в своем составе. И только эти две, я бы сказал, фракции, две сущности его – материя, которая рождается из всей таблицы Менделеева, из всех элементов земного бытия, она, видимо, разрушается, но дух бессмертный, заложенный в нем, причем у нас нет богословской концепции, как рождается душа человека: Бог ли ее создает и дарует в какой-то момент. На Западе есть концепции, православное богословие не касается этой тайны. Вообще, надо сказать, что в православном богословии есть особая этика, есть предел, за который не вторгается логика. Хотя богословие очень логично, последовательно логично, есть пределы, за которые оно не выходит. Поэтому человек составлен – материя и дух. Дух бессмертен, материя переходит из одной формы в другую. Разрушающийся телесный состав человека, его корпус, разлагается опять-таки на составные элементы – переходит в другие формы растительной жизни, животной жизни, поскольку это земля. Но в конечном итоге – когда, никто не знает, – он персонально будет воссоздан. Воссоздан в его личном качестве, в котором душа остается неизменным компонентом, от начала данная, а тело, приобретая определенные свойства, воспроизведет его определенные и персональные качества. Это опять-таки не поддается экспериментальным исследованиям, это дается только верой. Вера эта религиозная, которая и в античные, и в христианские времена имела свои аргументы, свои различные формы что ли, верования. Но вот та религиозная идея, та догма, которой я придерживаюсь как православный русский епископ и богослов, она выражается именно вот в этом: мы верим в бессмертие, бессмертие личное, персональное, говоря русским языком, при этом бессмертие определяется тем путем, которым человек прошел жизнь.

Очень интересно высказался в свое время Василий Великий – это кесарийский епископ четвертого столетия – и ряд других богословов того золотого века богословия, что будущее жизни – это траектория камня, выпущенного из пращи в момент его отделения. То есть если он был плох в жизни – он продолжает эту же негативную траекторию, если он стремился к лучшему – он продолжает свою позитивную траекторию, при этом совершенство посмертное как в негативном, так и в позитивном плане является тоже процессом, который он продолжает.

И.Т. Фролов. Но, владыка, конечно, нам невозможно, наверное, представить то, что Вы так легко для себя как верующий человек мыслите.

Митрополит Питирим. Конечно, конечно. Я даю максимум, максимум догм.

И.Т. Фролов. Постольку, поскольку мы знаем также и историю науки, и историю философии, и эта история была связана с дискуссиями вокруг этих догм, и мы знаем, что наука занималась этим на основе экспериментов в том числе, которые Вы исключаете как нечто, что можно проверять. Вот Ваше утверждение. Мы знаем о том, что такое сильное направление развития человеческой мысли, выраженное в науке, оно, так сказать, опровергает вот эти религиозные постулаты. Мы имеем много свидетельств чисто уже и экспериментальных, полученных с помощью биологической науки, что нет такого вот, так сказать, перехода... Хотя я помню, что мы в прошлый раз говорили с Вами, что еще Сократ говорил, что, по-видимому, уже к такому состоянию больше приближаются философы, которые, как говорил Сократ, все больше и больше отделяют себя от тела и уже, так сказать, смыкают свою деятельность только с каким-то духовным началом, и так далее. Но и это тоже мы воспринимаем чисто иронически.

Вот, чтобы не вести такие бесплодные разговоры, мы пригласили сюда Владимира Александровича Неговско-

го – нашего крупнейшего специалиста по проблемам реаниматологии. И вот как раз, мне кажется, Владимир Александрович, кроме всего прочего, и чисто экспериментально, так сказать, наблюдает это, и я уж не знаю, сколько он видел смертей... И Вы также, владыка, но Владимир Александрович относится к этой проблеме как исследователь и человек, который и возвратил многих людей из клинической смерти. Проблема эта обсуждается очень интенсивно в последние годы в связи с успехами реаниматологии. И Вы знаете, много появилось книг, в которых утверждается как раз, что вот люди, побывав за порогом смерти, они уже получили какие-то чуть ли не ощущения и представления о загробной жизни, много рассказывают сейчас об этом. И насколько мне известно из литературы, Владимир Александрович Неговский хорошо это объясняет и как практик, и как теоретик-философ. Владимир Александрович, как Вы могли бы здесь нам помочь?

В.А. Неговский. Я охотно выскажусь на эту тему, но считаю нужным вначале высказать свои соображения по первому вопросу – о смысле жизни. Вот я смысл жизни вижу в том, что человек честно трудится над каким-либо любимым им делом, если у человека есть любимое дело, которому он предан, которому он отдается безо всяких измерений. Это суть его жизни. Тогда он счастлив, что у него есть дело, которое останется и после него. Это общее такое представление, как я представляю себе смысл жизни. То есть занятие любимым делом, но так заниматься, чтобы это было занятие на уровне хорошего художника, хорошего мастера, чтобы это оставило след, чтобы его уважали люди, чтобы люди ценили его и при жизни, и после его смерти, говорили, какое замечательное дело он сделал, чтобы это было итогом человеческой деятельности.

Но как медик я занимаюсь проблемами промежуточными между жизнью и смертью, клинической смертью. Я дол-

жен сказать, что в этом разделе несколько в ином плане вырисовывается смысл жизни. Я видел и самоубийц, которые умирали по каким-то глупым причинам (ревность, еще что-то необоснованное), но, если мы его оживляли, он был очень счастлив, говорил: никогда я больше такой глупости не сделаю, опять у него появлялась радость жизни, и он вновь начинал чувствовать смысл жизни. Или возьмите женщину, мать, у нее погибает ребенок. Ребенка удается оживить. Какой еще ей задавать вопрос о смысле жизни? Да у нее на руках ребенок, который ожил, которого она видела только что мертвым. У нее высочайшая радость жизни, высочайший смысл жизни в том, она видит живого человека, который мог бы быть мертвым. Вот в области реанимации так вырисовывается смысл жизни – как радость жизни, восприятие жизни. Это очень четко прослеживается на любом оживленном человеке.

Вы затронули вопрос, митрополит Питирим, насчет бессмертия. Я согласен с академиком Фроловым, что эта тема, может быть, будет развиваться дальше в этом плане. Но в общем направлении я хотел бы ее затронуть, потому что мне приходилось видеть многих оживленных людей, и умирающих, и умерших. Это уж моя специальность, хочешь не хочешь, но я работаю только с умирающими. Неумирающий – это не моя специальность. Я этим не занимаюсь.

Задача, вернее, доказательство сейчас достаточно большое в науке, что в целом ряде случаев люди умирают не потому, что их жизнь исчерпалась. Вот поломалась какая-то одна деталь в организме. Ее восстановить – опять организм живет.

Но вот что они говорят по поводу оживления после смерти. Я вспоминаю одного оживленного человека на фронте, мы его оживили, это был у нас первый оживленный случай. Мы его оживили, долго не говорили ему, что он был мертв. Мы его оберегали от таких слов, тогда ведь боялись такие

слова говорить, как это на психику подействует. Но потом пришли корреспонденты фронтовых газет, наскочили на него, и один в лоб задал вопрос: «Что Вы чувствовали на том свете?». А он и говорит, очень умно сказал, с точки зрения современной науки сказал: «Я проспал свою смерть». Действительно, раньше всего у человека кора мозга угасает, а сердце еще работает, дыхание еще может быть. Оживает человек в обратном порядке – сначала сердце заработает, потом дыхание и позже всего кора мозга, сознание.

Я помню одну девочку, которая умирала от ложного крупы, лет девяти-десяти. Привезли ее в Боткинскую больницу к нам, в отделение реанимации. Остановилось сердце, сознание угасло, клиническая смерть наступила. Мы оживили. И первая фраза её была: как я хорошо поспала. Вот ребенок так воспринял: я поспала. Глубокий сон. Это наиболее частая характеристика людей или восприятие смерти человеком. Но малый процент людей говорит о том, что они видели на том свете. Рассказывают, говорят о туннеле, о свете в конце туннеля, говорят о голосах, жизни, которую они видели, и так далее. Но это повторяю, большая тема. И видимо, специального рассмотрения требует.

А итог какой? Твердо доказано, что во время смерти, даже клинической, то есть после остановки сердца и дыхания, мозг молчит. Любыми самыми точными приборами показано, что прямая линия, никаких признаков жизни клеток нет, все остановилось. Вот часы. Остановили маятник – все стало. Потом оживили, запустили маятник. Пошли часы. Так же и человек. Сознание его пошло. Да, не сразу восстанавливается память. Вначале – человек мало что понимает, что происходит. Потом постепенно формируется то, что мы называем памятью. И вот люди иногда говорят, что они видели то или другое.

Так я к чему это говорю, насчет мертвой коры. Кора мозга, с которой связано сознание, поведение, она молчит.

Во время клинической смерти и, тем более, любой смерти человек ничего не воспринимает, ни с кем не разговаривает, ни с каким богом не касается. Все молчит. Но... он что-то чувствовал во время умирания. Умирание – это распад функций мозга. И какие-то обрывки этих воспоминаний он потом начинает рассказывать. Или в процессе оживления.

Еще больной мозг, еще не весь восстановился, еще некоторые детали мозга не восстановились. А он начинает уже восстанавливаться. Человек воспринимает какие-то обрывочные впечатления прежней своей жизни, вспоминает. Или творит. Это продукция больного умирающего или оживающего мозга. По нашим данным, это в основном продукция умирающего мозга, а не оживающего. Хотя взгляды есть и те, и другие. Мы считаем, что больше умирающего. Поэтому умирающий человек, воспринимая больным мозгом (умирание – это больной мозг, становится все более и более больной), теряет сознание, плохо воспринимает внешний мир, все тяжелее, тяжелее все, что происходит с ним, вокруг него. И вот восприятие внешнего мира больным мозгом потом передается в виде рассказа о том, что человек видел «на том свете». Он видел на этом свете в процессе умирания, но рассказать не может. И при большем детальном исследовании вопроса то, что я сказал, – это результат больших научных исследований. Это уже теперь не дискутабельно. А раньше казалось фантастичным и таинственным.

И.Т. Фролов. А вот этот вот туннель, это ощущение туннеля? Об этом тоже много сейчас пишут и говорят.

В.А. Неговский. Если я скажу, то потом что Вы будете меня в следующий раз спрашивать? Но все равно скажу, раз уж Вы мне задали вопрос. Кора мозга, затылочная часть коры отвечает за зрение. Информация, попадающая на зрительный нерв, попадает на затылочную часть коры. Представляете, полукруг типа месяца, и в центре этого по-

лукруга есть кусочек, который снабжается из двух сосудистых русел сонной артерии. При умирании вся остальная часть затылочной доли, которая воспринимает зрение, уже серенькая, уже не воспринимает ничего, а вот этот кусочек, в котором центр находится, еще воспринимает, там больше снабжение кровью. Уже кровь не поступает во всю остальную часть мозга, которая контролирует зрение, а в этот кусочек попадает потому, что в сосудистый куст поступает кровь, и человек видит только одну точку, одно направление, одно русло. Он не видит ни сбоку, ни слева, ни справа, ни вверху, ни внизу, а только одну точку, только воспринимает ее как туннель. Помните «Смерть Ивана Ильича» у Толстого? Упал человек и впереди увидел еще свет. А свет воспринимается потому, что свет может даже, не доходя до коры мозга, в полной мере восприниматься более низшим участком мозга. Когда человек с заболеванием глаз приходит к врачу, то что врач спрашивает его в первую очередь? Вы уже начали видеть свет? И тьму? Или пока еще не различаете? Он говорит, я уже начинаю немножко видеть свет. Это самое примитивное восприятие зрения. Оно сохраняется дольше всего. Поэтому человек видит туннель, вся остальная зрительная кора уже мертвая, ну, условно мертвая, уже не снабжается кровью. А центр снабжается, и он видит эту длинную полоску. Вот вам туннель. Он воспринимается как туннель. А свет – это то, что наиболее примитивно в области зрения, вот вам и свет в конце туннеля. Свет – яркое впечатление. Он очень эмоционально закрепляется в мозгу. Любой с рождения знает – свет и тьма – это то, что закрепилось на всю жизнь. Пока человек живет, он будет свет и тьму различать. Поэтому свет в конце туннеля. Вот, так сказать, грубо, примитивно, вот это я хотел сказать.

И последнее еще о душе, насчет души. Была у меня как-то группа ученых из Азербайджана. И говорят: ну что Вы

говорите, души нет, души нет... А мы говорим, душа уходит после смерти. За пять-шесть минут клинической смерти она никуда не уйдет, это еще не доказательство. Тогда мы сделали следующий опыт. Охладили животное, это было как раз в эксперименте. И они упорно сидели и ждали, что будет дальше. Ну, тридцать пять минут лежал труп собаки, а потом мы его оживили. Собачка ожила, стала реагировать, как обычное существо, и мы стали говорить, ну, а за сорок минут душа могла уйти? Я вам просто привожу пример. Душа, считается, уходит сразу. Ну, может быть, митрополит Питирим по-другому думает, но у нас такой был спор, ибо у них возникли сомнения. Не знаю, вот у нас не возникали сомнения, когда мы провели такой опыт, и говорим – вот, восстановили жизнь тела, а что же душа обратно пришла? Как сказать, ушла и пришла? Она же не ходит туда и обратно?

Митрополит Питирим. Это немножко другая тема, потому что здесь можно совсем другой ракурс этим проблемам придать. Я думаю, что мы ушли в сторону от той исходной темы, которая была предложена Иваном Тимофеевичем.

И.Т. Фролов. Никита Николаевич, Вы хотите сказать что-то? Пожалуйста.

Н.Н. Мусеев. Я хотел бы вернуться к изначальной теме о смысле жизни. Будучи естественником, я, конечно, смотрю несколько иначе, чем смотрит владыка Питирим. Самое интересное в том, что и естественные, и религиозные воззрения так или иначе дают определенную аргументацию для того, чтобы сказать, в чем состоит смысл жизни, определенную аргументацию. Я с интересом всегда читаю, слушаю, что говорят представители различных религиозных учений. И я вижу, что проблема аргументации в выборе цели жизни, она, в общем, оказывается, в конечном счете, достаточно близкой к тому, к чему мы приходим совершен-

но из других соображений. Видите ли, какова естественно-научная позиция? Вот есть некий процесс саморазвития, процесс возникновения более или менее стабильных структур, среди которых находится живое вещество, как говорил Вернадский. Возникает, наконец, однажды разум, возникает феномен, который состоит в том, что материя, материальная сущность познает самую себя и свои функции, и свои задачи, чтобы поддержать этот грандиозный эволюционный процесс, универсальный процесс, в котором возник человек как некая частица этого макрокосмоса. И коль скоро мы встанем на эту точку зрения и примем, что мозг – вместительница разума, и разум дает определенные способы адаптации, приспособления к окружающей жизни, обеспечивает существование популяции *homo sapiens* в этом мире, то неизбежно мы придем и к другому выводу. Этот инструмент, приобретенный человеком, направлен на то, чтобы обеспечить именно популяции «человека разумного» существование на Земле. Он дает определенное представление о том, что хорошо, а что такое плохо, именно с позиций, как мы теперь говорим, общечеловеческих. Это все можно раскрыть, конечно, гораздо более подробно, но вряд ли стоит занимать сегодня время. Важно то, что разум рождается как некое явление общечеловеческое, присущее именно человеку, в интересах человечества и сохраняет себя таковым до тех пор, пока человечество существует, как инструмент, позволяющий обеспечивать его дальнейшее развитие. И если так, то вопрос, который поставил наш председатель в качестве темы, заключается в том, каково соотношение стратегии разума и стратегии природы. И вот в сочетании понимания места стратегии разума и стратегии природы как некоего макроскопического явления и состоит основная цель человека. И вот тут мы приходим к некоторым выводам. Анализируя возможности, которые есть в распоряжении Разума (с большой буквы), т. е. разума всего

человечества, мы приходим к целому ряду положений, которые оказываются вообще общими для человека.

Первое табу, которое превратило нас из синантропов в человека – это заповедь: «Не убий», которая прекратила естественный отбор и позволила человеку превратиться в человека. Общество, или первобытное племя, стало брать под свою защиту всех, в том числе и немощных старцев, ценность которых для общества была в том, что они были носителями опыта, знания. В основных, крупных мировых религиях существует принцип: «Возлюби ближнего своего как самого себя» – один из основных религиозных принципов, один из постулатов, который сформулирован в Нагорной проповеди, по-моему. Вот сегодня он становится основой морали XXI в., основной эпохи, в которую мы вступаем. Потому что, если мы будем оставаться на позиции конфронтации, если мы будем по-прежнему поглощены собственным эгоизмом, если мы не найдем способов, любых способов – и научных, и душевных, я бы сказал, – открыть, отыскать компромисс, высказать готовность поступиться чем-то ради всех, то человечество просто не сможет существовать в условиях экологического императива. То есть экологический императив рождает обязательно императив нравственный, является естественно-научной основой видения этой проблемы. Как ни удивительно, эти цели очень близко совпадают с теми, которые свойственны мировым религиям и, прежде всего, христианству.

Вот в этом я, между прочим, вижу очень важную особенность современности. Есть некая общая линия фронта, которую все мы должны держать, общие задачи, не зависящие от мировоззрения человека, от того, как он объясняет цель жизни. Важно, что цель одна. Вот эта общность цели, которая обосновывается по-одному с позиции религиозной мысли, а по-другому с позиции естественно-научной мысли, оказывается одной и той же.

И.Т. Фролов. Я только хотел, может быть, добавить следующее. Такое общее, космическое, я бы сказал, глобальное определение цели и смысла жизни человека и человечества, оно, по-видимому, правильное. Есть какие-то традиции общие и у христианства, и в развитии науки, обсуждающей эти проблемы. Это все правильно. Но я хотел бы подчеркнуть, что, может быть, и в большей степени сейчас именно, я думаю, в условиях господства таких глобальных подходов, имеет значение еще и более конкретное определение смысла и цели жизни человека в таком, я бы сказал, индивидуальном плане. Вы помните, даже вот здесь была ссылка на толстовское произведение («Смерть Ивана Ильича»). Вы помните, там есть такой пассаж, когда Иван Ильич пытается утешиться и вспоминает из детства некий силлогизм: все люди смертны, Гай Юлий Цезарь – человек, и так далее, – все эти силлогизмы не утешают каждого конкретного человека, и все эти общие постулаты какие-то надличностные – цели служения разуму, служению прогрессу и так далее, они, по-видимому, должны быть очень тесно соединены с конкретным – индивидуальной неповторимой жизнью каждого человека. И что толку от того, что мы в общей форме определим какие-то цели. Ведь огромное и самое главное значение имеет то, как каждый человек для себя определит эти цели.

Я это говорю еще потому, что, к сожалению, в нашем обществе длительное время, мне кажется, в нравственной сфере господствовали общие постулаты, общие идеи. И может быть, они мало соединялись в жизни каждого конкретного человека, который лишь должен был почувствовать себя только частью чего-то общего. И вот хорошо сказал об этом Владимир Соловьев. В «Оправдании добра» у него есть такой пассаж, что человека, личность нельзя свести к положению нуля и растворить его в чем-то общем. Только тогда он примет это общее, когда оно станет его личным делом. Это очень важно, это сейчас, может быть, самая большая

проблема, поэтому и мы обратились к этой теме. Сейчас самая большая проблема – преодоление некоторого отчуждения. Это ведь тоже отчуждение, если вы растворяетесь в чем-то общем, вы отчуждаетесь в этом от своей жизни. А вот как сделать так, чтобы каждый человек чувствовал свою кровную привязанность к тому, что происходит в жизни, к тому, что делается обществом в данный момент? Вот это имеет значение. И тут, я думаю, могут быть и допустимы самые разные определения и смысла, и целей жизни, начиная от самого общего, что очень правильно Вы определили, это безусловно так, и кончая самыми конкретными такими формулировками. Я мог бы привести их десятки – из литературы из нашей и из жизни, когда, скажем, кто-то говорит: «Зачем живет человек?» – Ну, чтобы стать лучше или, скажем, сделать добро другим людям. Я вот должен сказать, что и в этом вот евангельском утверждении «Возлюбите ближнего как самого себя» мне с детства не нравилось что-то, я и до сих пор даже не решил. У меня, я помню, всегда было такое чувство: а почему, собственно, как самого себя? Может быть, я могу даже больше, чем самого себя, полюбить? Почему я должен этот личный эгоистический момент ставить на первое место? И мне все время казалось, что здесь что-то, что я лично не совсем приемлю. И я хотел бы обратить ваше внимание вот на что: больше всего мне нравится рассуждения на эту тему Толстого и Достоевского. Толстой, вы помните, говорит, что без того, чтобы не решить этот вопрос о смысле жизни, и жить невозможно... Он сам о себе говорит: я был на грани самоубийства, я не мог жить, пока я не решил для себя вопрос: зачем я здесь на Земле? Но это поиски и мучительные раздумья такого великого человека, и он решил это даже таким образом, вы знаете, что и смерть для него предстает совершенно в других аспектах, не в биологических и физиологических смыслах даже. Чтобы вообще подчеркнуть абсурдность этого утверждения

и в то же время отметить то прозрение, которое делалось им, Толстой даже говорит, что человек умирает не от того, что у него там печень больная или бомбу даже бросили, а он умирает от того, что он перестает уже чувствовать себя необходимым в этой жизни. Это не то, что он считает, что он уже сделал все, просто он больше не может уже ничего, ничего у него нет, ничего не осталось в жизни, никаких целей, и потому он умирает. И, кстати, в «Смерти Ивана Ильича» этот мотив звучит, и в особенности в этих двух смертях князя Болконского в «Войне и мире», одной не настоящей на поле под Аустерлицем, а потом уже в окончательной после Бородинского сражения. Там Толстой замечательно это все раскрыл, раскрыл свое понимание того, что есть смерть. Я думаю, что нам, может быть, здесь покажут в нашей передаче эти фрагменты блестящие, связанные с тем, как это понимал Толстой.

А у Пришвина есть фрагмент, где он говорит, что человек никогда не умирает до конца, от него всегда что-то остается. И вот что интересно, остаются не только какие-то великие дела. Мы привыкли говорить, что бессмертие достигается только какими-то великими делами и т.д. А он говорит, что даже остается от человека рукопожатие или улыбка, посылаемая, как он говорит, этим человеком. Понимаете, вот от него что-то остается. В этом смысле я хотел бы сказать, вот такие цели в жизни человека, они одинаково значимы и для великой личности, и для простого смертного человека, который воспитал детей, сделал добро ближним своим. И он уже утверждает что-то высокое в своей жизни, он утверждает себя как человек. Мне кажется, что это имеет сейчас большое значение. Почему-то в нашей идеологии, нашей литературе распространилось такое представление, что настоящей какой-то высокой жизнью живут только либо какие-то крупные личности, либо интеллектуалы, они что-то утверждают, что-то вы-

ражают, какое-то надвечное и т.д. И это очень часто, как я думаю, заставляет вольно и невольно простых людей, рабочих, крестьян считать себя исключенными из этого главного процесса человеческой жизни, соединенного со смыслом его, и т.д. Нет, напротив, в каждом практическом даже деянии больше реализуется высокий смысл человеческой жизни, чем в абстрактных рассуждениях, и поэтому каждый себя должен больше почувствовать сопричастным с этими делами, которые происходят здесь сейчас, в том числе в нашем обществе. Избавиться от этого надличностного представления о смысле жизни и понять, и это Толстой опять говорит, что в самой жизни заключен этот смысл. И в том, что мы ориентируем себя и стремимся жить правильно, по законам этой жизни, так, чтобы делать, приносить другим людям добро, и самому в этом случае получать или не получать удовлетворения, это уже другое дело. Вы знаете, что Кант считал вообще уже не моральным, если Вы делаете доброе дело и при этом получаете удовольствие. А сколько было насмешек на этот счет, что надо с отвращением делать добро!

Это уже философские изыски, а вот это, я думаю, главная проблема. Точно так же, как это сразу соприкасается с проблемой смерти. Даже вот сейчас мы говорим о такой колоссальной области культуры – умирании. Могилы, захоронения, понимаете, здесь важна даже сама процедура. Религия выработала определенную процедуру захоронения, которая и примиряет людей и с ощущением горя этой потери, и настраивает уже на определенный лад. Процессы эти подвигают к дальнейшей жизни людей, которые потеряли близкого. А что у нас взамен? Мы знаем такие пышные похороны со всякой этой атрибутикой, а простые люди, что они получили? Как это все происходит? Меня просто потрясла маленькая заметка в одной газете, не помню, как называлась, что-то «Память или бессмертие в целлофане».

Оказывается, в наших крематориях выдаются останки, пепел в целлофановых мешочках, и причем в очереди стоят и в очереди ругаются, как во всякой очереди, кто зашел раньше, кто зашел позже. Я думаю, что это большая общественная проблема, надо задуматься об этом, так как это прямо связано с пониманием смысла человеческой жизни, ведь если мы не уважаем себя здесь, если мы не видим, как все делаем каким-то пошлым, если мы способны на это, то тогда, значит, мы и жизнь неправильно понимаем. Значит, либо мы организовали так плохо свою жизнь, что пренебрегаем этими чисто человеческими житейскими заботами, считая, что в таком грохоте и громе таких общих возвышенных слов они должны утонуть. Человек вот как бы и не жил, получается, такой простой человек, если даже его останки в целлофановом мешочке выдаются...

Вот почему, Никита Николаевич, я считаю, что, начав, так сказать, с постановки вопроса о смысле жизни, вот так сразу перешли к этим проблемам смерти, ведь это все так тесно связано. И мне только хотелось бы, ну уж если на то пошло, всю эту тематику приземлить, что называется, соединить с жизнью простых, обыкновенных людей и не остаться на уровне каких-то общих философских рассуждений. Каждый человек – это большая величина. Религия это знает, религия это хорошо знает и научилась все это понимать. А мы, вооруженные мощью современной науки и техники и научной философии, мы, к сожалению, делаем не так, и при этом, очень часто сейчас это принято, ругают марксизм и т.д. А кто знал, и кто прочитал Маркса, Ленина под этим углом зрения? Я это проделал, и знаете, какая интереснейшая традиция рассуждений марксистов по этим нравственно-философским проблемам – смысла жизни, смерти? Мы только похоронили все это где-то в этой полуказарменной идеологии, которая выдавалась за марксизм. Не гуманный, не гуманистический марксизм.

Я прошу прощения, что я так, может быть, так долго рассуждал, но я говорю о том, что действительно, мне кажется, важно сейчас нам понять, в чем смысл, собственно говоря, и нашего обращения к теме сейчас.

В.А. Неговский. Насчет того, что каждый человек обязательно какой-то след оставляет... Вот в Ташкенте есть памятник, человек на площади, который во время войны больше двадцати детей воспитал. Еще мне показали один клуб – громадное здание, где показали изразцовые двери, сделанные из дерева. Говорят, вот эти двери делал такой-то мастер, его будут помнить десятилетиями, это шедевр. Это обычный мастер, он уже умер, давно умер, о нем говорят – он оставил после себя большой след. И маленький человек, и большой человек может оставить что-то большое после себя, которое будут помнить и благодарить за это, так что в этом Вы правы полностью.

Ну и последнее к Вам, Никита Николаевич, я с Вами полностью согласен, что мы готовы, я лично так вот понимаю, объединить себя с любыми представителями любых взглядов, если они будут за добро, за добрые отношения друг к другу, за помощь друг другу, за то, что они будут против войны. За то, что они будут взаимно помогать друг другу, мы готовы быть со всеми, вот я так воспринимаю.

И.Т. Фролов. Мы с Никитой Николаевичем работаем в Международном институте жизни, даже члены Директората, кажется, этого Института жизни. А как бы вот рядом с этим Институтом жизни, функционирует Институт... то есть то, что изучает смерть, это неразрывно, это неразрывно...

Есть определенные и практические рекомендации для нашей идейной, так сказать, духовной жизни, для организации и в том числе вот и того, о чем мы говорили. Это должно все больше и больше выходить на первый план, занимать первое место в нашей жизни – человек, его жизнь, его смерть, его бессмертие. Жизнь человека, наполненная

добрыми деяниями и смыслом самым высоким и в том числе в непосредственных его делах, во взаимоотношениях с другими людьми, с близкими и так далее. Вот это та область работы, которая, мне кажется, и должна сейчас интенсивно развиваться. Как Вы, Сергей Павлович, к этому относитесь?

С.П. Залыгин. Мне кажется, что какую-то формулу смысла жизни человечество никогда не выработает, потому что можно выработать это отношение к каким-то конечным величинам. Вот начало зафиксировано, вот конец, и вот это явление, оно в нашем сознании оценивается, поскольку известно его начало, та праша, о которой говорили Вы, а потом дальнейшая траектория. Мы не знаем, откуда рождается жизнь, откуда что явилось и, наверное, не узнаем никогда. Может быть, религия, так сказать, может, но она тоже не скажет, откуда бог, вечность. Я думаю, что смысл жизни не в выработке этой формулы, а в осмысливании жизни, в осмысливании этого процесса, в осмысливании того, как я вписываюсь в этот процесс, исторический, психологический процесс. Как я в него вписываюсь, и что я ему могу предложить как единица. Вот если я найду ответ для себя, что я могу предложить, как я могу вписаться, что я хочу в этом процессе сделать, как мне найти моё собственное место в нем, то я, по существу, уже ответил на этот вопрос. И, разумеется, я достигаю этого ответа, не полного, он никогда полным не будет, я его достигаю своей деятельностью, тем, что я делаю в этой жизни. И, конечно, человеку нужно верить, что он не кончается со смертью, у него должно быть какое-то убеждение, что что-то он оставляет. Двери ли он оставил после себя прекрасные, детей оставил, еще что-то, он что-то должен оставлять. Вы знаете, меня поразило, я недавно был на Русском кладбище в Париже. Это такой памятник русской культуры, потому что там одни имена следуют за другими, Вы идете, идете этими рядами. Не в первый раз

я там был, но нынче это особое впечатление на меня произвело. На очень многих памятниках написано так: «Господи, спаси и помилуй»... Это мертвого так, значит, это есть изречение в будущее, ему нужно спастись от небытия. От того, что он, уходя, должен что-то оставить после себя... Это воззвание, оно не только религиозное, оно и психологическое, и философское...

И.Т. Фролов. Анна Ахматова сказала: «Умирая, томлюсь о бессмертии».

С.П. Залыгин. Я думаю, что Вы понимаете, положение человека в этом мире очень трудное и сложное. Каждый вид, скажем фауны, флоры, он возникал в определенных климатических, геологических условиях, а человек переживает это, он становится, он ледниковый период пережил, он готов еще что-то пережить, он везде бытует, он бытует на экваторе и на полюсе, как ни один другой живой вид не может, понимаете, приспособиться, и в этом есть некоторая искусственность жизни, превышение ее над натурой, над самой природой, и отсюда вот этот поиск, понимаете ли, между натурой человека и зданием жизни, создаваемого им над природой. И особенно сейчас встает такая задача – продления жизни. И уже смысл жизни сводится к ее продлению, поскольку у нас есть опасность, что она может кончиться. Это тоже только деянием можно совершить. Деяние приводит нас к катастрофе, и оно же только и может нас предупредить от этого.

Я думаю, что, скажем, в общем, ведь природа тоже сама по себе, если мы примем ее как нечто живое, существующее. Так же, как и человек, существование, так сказать, в процессе существования. Она тоже стремится к какому-то благополучию, если на то пошло, не могу сказать точного выражения, она к какому-то покою и режиму стремится. И, наверное, у нее тоже катаклизмы какие-то наступают. Наводнение, очевидно, понимаете, – это выход из какой-то ситуации, которая могла бы быть гораздо более жестокой.

Если есть землетрясение, то оно, наверное, предупреждает о возможном конце света или распаде всего земного шара.

Мне вот так представляется, понимаете, значит, и в человеческой истории то же самое. Где-то наступают такие катаклизмы, при которых особенно, может быть, нужно уметь вписаться в общемировой процесс. С одной стороны, это я, я ощущаю себя только как я, а с другой стороны, общечеловеческое мной должно двигать. Но преломляюсь я через эти общечеловеческие задачи, потому что я не знаю ни одного человека, который бы поставил задачи, неизвестные никому. Цели и задачи у нас общие, все равно всегда все известно, какие задачи мы можем представить, какие у нас цели. Еще раз я повторяю то, что я хотел сказать, может быть, не так четко я высказал. Мне представляется, смысл жизни в ее постоянном осмысливании.

И.Т. Фролов. Да, мне кажется, это очень хороший угол зрения, то есть Вы переносите все в такой вот процесс. Но человек все-таки каждый раз стремится чего-то достичь. Каждый раз, когда он достигает какой-то гармонии своих целей, может быть, с более высокими целями, тогда он и приходит в это состояние, счастья что ли. Он чувствует...

Н.Н. Моисеев. Оправдание...

И.Т. Фролов. Ну, это тоже, наверное, надо рассматривать как важный элемент. Воздаяние, да, и в религии это тоже имеет смысл, загробное воздание за праведные дела, но мы это скажем по-другому, он и при жизни должен и может ощущать вот это воздаяние за добрые дела. Это, мне кажется, такой основной закон жизни, если он нарушается, жизнь нарушается. Воцаряется несправедливость, воцаряется хаос, и это, в конце концов, направляется против человека и самих людей, это вот мы знаем по нашему недавнему прошлому и поэтому так его осуждаем.

Митрополит Питирим. Воздаяние в нашей богословской концепции – это педагогический, так сказать, приём.

У нас есть великолепная принципиальная работа архиепископа, впоследствии патриарха Сергия Строгородского «Православное учение о спасении», где говорится, что добро, благо – это уже и есть само и смысл, и центр жизни, т.е. надо работать не для получения чего-то, а для создания внутри себя центра блага, совершенства.

И.Т. Фролов. Я это переношу и на более такой вот житейский лад, сознательно не пускаясь во всякие философские определения, потому что мне, еще раз подчеркиваю, важным кажется, чтобы каждый человек ощутил этот высокий смысл своей жизни и не считал себя каким-то отстраненным от этого высокого смысла жизни, тем более, что я согласен с тем, что сказал Сергей Павлович. Каждому человеку приходится участвовать в общем процессе жизни, и все мы дети своего времени, служим ли мы литературе, науке или богу, как Вы служите. Вы тоже дитя своего времени, Вы теперь народный депутат СССР, с чем мы Вас и поздравляем, это же земная работа, которая, я уверен, будет приносить большую пользу людям.

Человек никогда не может и не будет существовать вне каких-то высоких целей, которым он подчиняет свою жизнь, есть целые градации этих целей, и мы возвращаемся опять к тому, что в такой вот форме определенной выразил Достоевский, когда он сказал, что человек не захочет жить без того, чтобы определить, для чего он живёт, и, скорее, он уничтожит себя, даже если вокруг будут хлебы. Давайте мы и закончим, может быть, эту нашу беседу сегодня таким призывом: больше задуматься над этим, но не как, я еще раз повторяю, над очень абстрактной, очень философской проблемой, а как над тем, что вплетено в самую жизнь, в повседневную жизнь каждого человека.

С.П. Залыгин. Можно я приземлю, Иван Тимофеевич?

И.Т. Фролов. Да, пожалуйста.

С.П. Залыгин. Я вспоминаю свои детские, юношеские годы, вспоминаю мастеров, мастеровых, как называлось в русском народе, – или это сапожник, или печник, с которыми мне приходилось иметь дело. Когда их просили: «Ну как-нибудь побыстрее!» – он говорил: «Я не умею как-нибудь». Только хорошо может делать. Это ведь определяло русского мастерового.

И.Т. Фролов. Сергей Павлович, это тоже еще одно определение – вот сделать так, чтобы было хорошо. Сделать так, чтобы людям было лучше, – это тоже высокий смысл жизни человека, каждого человека, в том числе простого человека. Это может одухотворять его и не делить людей на тех, жизнь которых соединена вот с этим смыслом, так сказать, жизни и целями, и на тех, которые могут жить, ни о чем не думая, с сегодня на завтра перебиваясь, так сказать.

Каждый человек, в каком бы положении он ни оказался, не должен на себе ставить крест, ни в коем случае, и, мне кажется, сейчас в нашей жизни столько появилось возможностей каждому человеку проявить себя: и, прежде всего, в труде, и во взаимоотношениях с другими людьми, и в общественной деятельности. Смотрите, какие возможности открываются для проявления себя в общественной жизни. И сколько мы видим хороших примеров такого проявления. Надо сделать так, чтобы наша жизнь все больше наполнялась бы такой одухотворенностью, сопричастностью каждого с общей жизнью, жизнью всего нашего общества, мне кажется. Это вот главная задача.

Ну, я думаю, что мы будем еще не раз возвращаться к этим темам в более конкретных, может быть, формах, а на этом пока мы сейчас закончим нашу беседу. Спасибо вам.

Я повторяю, мы будем ожидать от наших телезрителей конкретных уже вопросов, писем, и мы постараемся обсудить это еще раз и ответить на эти основные вопросы нашей жизни, спасибо.

Институт человека в музее А.М. Горького

В первом заседании Института человека принимают участие: академик Олег Георгиевич Газенко, члены-корреспонденты Академии наук СССР Иван Тимофеевич Фролов и Павел Васильевич Симонов, поэтесса Белла Ахатовна Ахмадулина, кинорежиссер Алексей Александрович Салтыков, профессор Сергей Петрович Капица.

И.Т. Фролов. Мы начинаем очень большое и очень доброе дело, и не случайно мы будем вести нашу беседу здесь, в доме Горького. Для начала это очень важно, потому что именно здесь, в этом доме, даже за этим столом сидел хозяин этого дома Алексей Максимович Горький. Как раз обсуждалась эта проблема – проблема создания Института человека, проблема соединения усилий представителей разных наук: физиологов, медиков, философов в том числе, представителей искусства, литературы. Я очень рад, что и у нас они присутствуют. Сегодня, как никогда, эта проблема стала чрезвычайно актуальна и чрезвычайно обострилась. Почему? Во-первых, необычайно усложнился мир, в котором живет человек, и в техническом отношении, и развитие науки произошло. В то же время это мир,

насыщенный всевозможными стрессами, это мир чрезвычайно уплотненный и очень сконцентрированный, как какое-то испытание для всего, что есть у человека, начиная с его биологического оснащения и кончая его душевными нравственными способностями и возможностями. Обострились глобальные проблемы, прежде всего, самая главная – глобальная проблема мира. Жить с ощущением, что в любой момент мы можем быть уничтожены, – это, вообще говоря, большое напряжение для человека, его психики, и возникает много задач и проблем перед наукой для того, чтобы адаптировать человека к этим новым условиям. Выход человека в космос, овладение новой техникой – все это ставит проблемы адаптации, приспособления человека.

О.Г. Газенко. Весьма важно не только в космической, но и в нашей земной практике перейти к рассмотрению человека как звена в многокомпонентной системе. Причем каждый компонент имеет свой вес, имеет свое значение, и в принципе, эти вещи поддаются расчету. Мы должны знать надежность каждой системы. Если мы хотим знать конечный результат деятельности этого человека, то, в принципе, мы должны учесть все обстоятельства и самого человека, включая его внутренний мир, состояние его здоровья, наличные ресурсы на борту корабля, цели, которые он преследует, мотивы и многое другое. По существу, с этой точки зрения индивидуальное здоровье космонавта не является его личным достоянием. Я думаю, мы все должны осознать тот простой факт, что здоровье каждого из нас является общим, а не индивидуальным. Я могу отказаться от помощи врача или от приема лекарства, но самым главным является осознание людьми того, что их жизнь, их здоровье является общественным богатством. От этого очень многое зависит, в частности зависит счастье другого человека, потому что если Вы здоровы, Вы эффективно трудитесь, то Вы вносите свой вклад в общенациональный

доход, таким образом, от вашего здоровья зависит и общее благополучие.

И.Т. Фролов. Сейчас нужно именно комплексное, целостное изучение человека. Человек оказался каким-то разорванным, изучаются по частям различные его способности, свойства и т.д. А вот соединить в целое и посмотреть на это как на некоторую целостность – это самое главное. Мы, например, не понимаем очень точно до сих пор взаимосвязь каких-то психических процессов или даже физиологических процессов с нравственной жизнью человека. А взаимосвязь здесь есть, и из обыденной жизни мы знаем, насколько это тесная взаимосвязь.

П.В. Симонов. Я отнюдь не сторонник такой фетишизации всеспособности науки, которая нам все может объяснить, все может нам сделать. Но это особая, достаточно интересная тема, к которой мы обязательно будем обращаться.

И.Т. Фролов. Я думаю, то, что задумано сейчас в рамках этого цикла таких передач, – это будет реализацией этой замечательной идеи. Мне кажется, сейчас это получает не только теоретическое, но и практически актуальное звучание. Действительно, очень много из того, что нам предстоит сделать в соответствии с документами, решениями XXVII съезда действительно обращено прямо и непосредственно к человеку. Мы еще не использовали в полной мере все резервы и все возможности, которые заключены в человеке. Но это лишь одна сторона, и мы не будем, я думаю, сосредотачиваться только на этой утилитарной, что ли, стороне, потому что человек, его развитие, как говорил К. Маркс, это самоцель истории, самоцель развития, и эта проблема, проблема человека – самоценна: совершенно не требуется каких-то других ещё мотивов, в том числе прагматического, утилитарного толка для обращенности к человеку. Сам по себе человек есть некая высшая ценность, поэтому изучать целостного человека, его проявление

ния, учиться больше даже и охранять человека – это сейчас большая задача.

Б.А. Ахмадулина. Сама поставленная цель величественна, и по ходу времени она так или иначе будет решаться. Несомненно, что всякое бережное, целомудренное отношение к человеческому устройству, к мозгу и душе, их сложнейшему сочетанию – чем это будет более доброжелательно, более деликатно, тем больше будет у человечества поводов для блаженства и ликования.

И.Т. Фролов. После XXVII съезда в журнале «Коммунист» мы открыли такую рубрику, которая так и озаглавлена (мы взяли слова Горького): «Все в человеке, все для человека», и мы сейчас публикуем серию статей и предполагаем дальше их публиковать, которые раскрывали бы эту тему и показывали бы, что действительно это стало и является для нас сейчас центральной темой. У нас там есть подрубрика «Человек нового мира: дела, идеалы, ценности». Мы хотим показывать на практических примерах людей хороших, людей, которые могут служить образцом, людей с очень иногда непростой судьбой, не с какими-то «сладенькими» чертами характерами, а людей «крутых», людей с большими и трагическими иногда судьбами, но тех людей, которые действительно сейчас выходят на первый план и делают нашу жизнь такой, как она должна быть, и, я уверен, сделают её такой, какой она должна быть...

С.П. Капица. Иван Тимофеевич, хотелось бы понять, почему мы так долго ждем с этой проблемой? Я понимаю, что сегодня она стучится в каждую дверь в смысле здоровья человека, его психического состояния, его места в нашем обществе.

А.А. Салтыков. В этом есть своя закономерность. Руки не доходят, некогда подумать, некогда заняться, мало, может быть, тех людей сгруппировано, которые этим интересуются.

С.П. Капица. Почему так поздно мы спохватились? Может, нам обратиться к медикам, специалистам?

О.Г. Газенко. Как вам хорошо известно, на протяжении тысячелетий основной целью медицины была помощь страждущему больному человеку. Это специфическим образом окрасило весь комплекс медицинских знаний, и современная медицина накопила огромное количество сведений о различных заболеваниях, о характере течения этих заболеваний, о причинах этих заболеваний, ну и о способах лечения, оказания помощи человеку. И удивительным образом некоторое время тому назад, когда представилась возможность обратить свое внимание к тем людям, которых мы считаем здоровыми, открылась масса ранее неизвестных вещей, не только с точки зрения определений, которые очень важны, очень существенны, но и с точки зрения того, что нужно делать. Открылась возможность обратить внимание, в том числе специалистов самых различных медицинских профилей, на то, что можно добиться серьезного выигрыша в помощи человеку, если внимательно изучать образ его жизни, то, как он работает, трудится, эффективность его труда, и на основе изучения состояния его здоровья, особенностей его реакций, условий среды, в которой он живет и того конкретного труда, который он выполняет, построить такую систему рекомендаций (конечно, он их может принять, может отвергнуть), которые обеспечат и длительное долголетие человека (в пределах возможного), активное долголетие, получение еще большего удовлетворения от того труда, которым он занимается, и сохранение его здоровья.

Б.А. Ахмадулина. Я хочу сказать, что, может быть, именно наше уважение к индивидуальности человека, к оригинальности его устройства и будет пользой для общества. Все это так просто, и все-таки об этом приходится всегда помнить и напоминать: человек не есть изделие

ширпотреба и не есть предмет ширпотребного спроса. Это действительно тайна, т.е. это сказал Достоевский, Иван Тимофеевич повторил, а я решаюсь легкомысленно вспомнить свою строчку: «Есть тайна у меня от чудного цветения. И как же ей не быть? Все, что не тайна, – вздор». Именно наше нежное уважение к хрупкости каждого человеческого устройства, к его заведомой уязвимости, ранимости, может быть, и дает нам некоторый шанс в чем-то преуспеть. Как это необыкновенно, как завлекательно звучит: Институт человека, и вообще тема поведения человеческой души в пространстве. Какой простор для надежд и размышлений, но какой простор для сожалений о каких-то утратах. Все-таки когда мы говорим о человеке как о некоей отвлеченной и все-таки драгоценной одушевленности, мы должны исходить из заведомого поощрения к возможному творческому художественному изъявлению любой человеческой личности. Если фраза художника подобно формуле ученого состоит не из набора слов, не так просто: слова, слова, слова... а это слово, слово, слово, то порядок этих слов в строке великого поэта или писателя не может быть нарушен. Также я думаю, что именно для художника человечество не представляется каким-то сборищем анонимов, которых тьмы и тьмы, напротив, может быть, именно художник без всякого понуждения прежде других отдает свой долг человечеству. Он как бы все равно ничего не должен заранее, потому что он и так все сделает, что он может. Когда я говорю «художник», я не хочу сузить это человеческое положение: «На свете было ему занятие лишь искусство». Напротив, я отношу мое смутное определение к любому человеку, имеющему дар себя наиболее художественно выразить, и всегда в этом есть, конечно, готовность к жертвам, всегда это самопожертвование. И поэтому Иван Тимофеевич говорит, что подчас именно тот индивидуум, который так важен для своего времени, для

своих соседей по Земле, именно он никак не будет охранять, опекать сам себя.

И.Т. Фролов. Действительно, мы всегда имеем в виду не абстрактного человека, а человека с ярко выраженными определенными личностными качествами, и только такой человек и реально функционирует в обществе. Мы сейчас как раз находимся на таком переломном этапе, когда, как и всегда на всяких переломных этапах, общество нуждается именно в таких ярко выраженных индивидуальностях, личностях.

Б.А. Ахмадулина. И мне кажется, что выгода, и совершенно государственная выгода, была бы именно в попытке поощрять это драгоценное изъявление человеческого дара. Причем талант имеет цену гораздо большую, чем мы умеем подсчитать и знать.

П.В. Симонов. Насколько я понимаю, наша сегодняшняя эта встреча, и не случайно она проводится именно в доме Горького, носит несколько организационный характер, т.е. мы в своих коротких выступлениях скорее намечаем и заявляем кажущиеся нам интересными и важными темы, которые в последующем будут развернуты более обстоятельно. Белла затронула одну из важнейших тем: индивидуальность человека. Дело в том, что мои интересы в последнее время все более концентрируются на проблеме, которую с некоторой долей условности можно обозначить как естественнонаучная основа души. Совершенно обоснованно отвергнув религиозно-мистические представления о душе, господствовавшие в сознании людей на протяжении тысячелетий, мы в то же время в нашей повседневной жизни никак не можем обойтись без этого понятия, я подчеркиваю, не слова, а понятия. Мы говорим о духовности и бездуховности, о бездушии и душевности, о великой душе и мелкой душонке. Души нет, но она вместе с тем есть. И без нее просто невозможно жить. Имен-

но в последнее время, когда мы так много и так горячо, и так обоснованно говорим об опасности бездуховности, о важности возрождения духовности, это становится все более актуальным. Если вы откроете, скажем, энциклопедический словарь, энциклопедию и прочитаете, что там пишет о душе материалистически мыслящий философ или ученый, то вы там, как правило, прочтете, что душа в нашем сегодняшнем материалистически ориентированном понимании – это синоним психики, сознания. Можно заменить: можно говорить психика, можно говорить душа, можно говорить сознание, можно говорить душа. И тем не менее все-таки представление о психике, о психической деятельности человека гораздо шире, а мы интуитивно чувствуем, что понятие сознания не совпадает в каких-то очень существенных пунктах с понятием душа. Все-таки в душе всегда явно выражено какое-то эмоциональное, чувственное, сердечное, а не рациональное. Дело в том, что попытки анализа того, что я с некоторой мерой условности назвал естественнонаучными основами души, все больше показывают, что в основе того, что мы называем душой, лежат, в сущности, в основном и прежде всего, два очень глубоких и имеющих очень большую историю человеческих побуждения. Это потребность познания, бескорыстного познания мира, себя, своего места и предназначения в этом мире и, второе, это группа потребностей, социальных потребностей, которые тоже так условно и кратко можно обозначить как потребности для других. И мне кажется, что своеобразный не то, чтобы эпиграф, а, я бы сказал, лейтмотив дальнейшего, более обстоятельного анализа понимания души в сегодняшнем ее смысле дан Л.Н. Толстым. Лев Толстой обсуждает вопрос, что есть хороший человек, и он дает потрясающую, я бы сказал, научную по своей четкости и определенности формулу. Он говорит: лучший человек – это тот, который живет свои-

ми мыслями (об этом уже Белла говорила тоже) и чужими чувствами, а худший сорт людей живет своими чувствами и чужими мыслями. Из этих четырех основ, мотивов деятельности, продолжает Толстой, состоит все разнообразие людей. Мне думается, что формирование того, что мы называем духовностью, надо начинать с самых ранних (современная наука показывает, что, если не с первых часов, то с первых дней, не говоря уже с первых лет жизни ребенка) – это формирование этих двух побуждений: потребности познания и потребности для других, как бы мы ее ни назвали: сочувствием, сопереживанием, но не пассивным сопереживанием, а активным содействием, способностью прийти на помощь, подставить плечо, позаботиться о других. Я понимаю, как много в этой области могут сделать именно представители искусства, потому что искусство способно проникнуть в те стороны бытия, которые принципиально не доступны науке... Я глубоко убежден, что в том, целостном человекознании, человековедении, о котором так хорошо в начале нашей беседы сказал Иван Тимофеевич, только этот органический синтез того, что может наука, и того, что может искусство, и никто его в этом не заменит, даст нам то целостное, а не одномерное, не раздробленное представление о великой тайне человека, о которой мы ведем речь.

Сегодняшняя медицина может то, что никогда не могла медицина при всем ее искусстве в прошлом. Без компьютерного томографа Вы не увидите в глубинах мозга, и Вы не сделаете ту операцию, каким бы Вы ни были гениальным самородком хирургом, которую может сделать нейрохирург сегодняшнего дня. Но вместе с тем, конечно, так же, как в педагогике, так же, как в воспитании, так же, как в военном деле, остаются элементы того, что мы называем искусством, т.е. того, что не контролируется непосредственно волей и сознанием, что рождается из этого изу-

нительно интересного и загадочного механизма, который мы обычно называем творческой интуицией и который К.С. Станиславский, мне кажется, не случайно назвал, может быть, некоторых настораживающим термином сверхсознание.

С.П. Капица. Это очень интересно. Вы затронули очень интересную тему о соотношении техники и искусства, и, наверное, ни в какой области она не выражена так сильно, как в кинематографе.

А.А. Салтыков. Если продолжить то, о чем Павел Васильевич сказал, о возможностях разрушительности достижений в военной сфере, в частности, и о том, о чем Иван Тимофеевич говорил, о духе, то я в своей последней работе под названием «Крик дельфина» (это художественный фильм, только что вышедший из производства) пытался столкнуть эти два вопроса. В этом сюжете у нас фигурирует ученый-психолог, и то, как он ведет себя, как он оценивает эту критическую ситуацию, как он воздействует на лицо ответственное (на командира лодки), наверное, самое интересное, что заставило нас поработать над этой картиной. Играет Донатас Банионис.

И.Т. Фролов. Он в журнале «Коммунист» выступил недавно с интересной статьей, в которой рассказывает тоже глубоко об этом. Сам Банионис это хорошо понимает, больше, чем тот психолог, которого он играет.

А.А. Салтыков. Это очень важно, Иван Тимофеевич, потому что для перевода уже в реальность, в сферу кино и не искусства вообще, а именно кинофильма, кинокартины, такая подготовленность, человеческая зрелость и четкое осознание, что за проблема – духовная зрелость человека, как она может влиять на события, как она может по-своему поворачивать эти события в ту или другую сторону, если она обладает аргументами, доказательствами и суммой убеждения. Во всяком случае, в сюжете этого фильма мы

ставили вопрос предельно остро: жить нам завтра, человечеству, или нет.

Фильм «Крик дельфина».

Д. Банионис: По некоторым подсчетам, люди будут обитать на Земле еще шесть миллиардов лет, а это значит, что мы прошли всего один метр из десяти километров дистанции, которую нам предстоит преодолеть за свою историю.

Другой герой фильма. Я прочел груду этого вдохновенного дерьма, и я поражен: как ничтожна самооценка человека и его жизнь, как бессмысленно само его существование. Я пришел к очевидному выводу: человечество – тупиковая ветвь эволюции, а человек – ошибка природы, у него нет будущего, он обречен на вырождение и гибель. Так не разумнее ли помочь эволюции начать все сначала? Двенадцать ракет по Евразии, двенадцать по Американским континентам, и запылает всеочистительный костер, по всей планете пронесется огненное торнадо.

Д. Банионис: Не будет никакого начала. Настанет ядерная зима. Земля станет обугленной, мертвой, и оборвется нить жизни, единственной, неповторимой, навсегда. Пока есть жизнь, есть надежда. Даже бессильная перед смертью жизнь человека имеет свой смысл. Человек – самое уникальное творение природы, и он обязан осознавать, какими средствами он может или не может добиваться своей цели. Обязан осознавать свое глобальное космическое предназначение на Земле и во Вселенной. Бессмертие разума и гуманности человека – бессмертие человечества, его бесконечность.

А.А. Салтыков. Конечно, жизнь и род человеческий должны продолжаться, его предназначение бесконечно, может быть, даже и во вселенском космическом смысле это так, но реальность остается реальностью и угроза, что эта пуповина жизни будет перерезана.

С.П. Капица. Она, к сожалению, есть.

А.А. Салтыков. Об этом и идет речь, поэтому отвечать на вопрос, несомненно, можно только утвердительно, но заострять этот вопрос и привлекать внимание к нему – мне кажется, это имеет самое прямое отношение к проблемам сегодняшнего разговора о жизни, смерти, бессмертии.

С.П. Капица. В начале Иван Тимофеевич поставил вопрос: как жить тогда, когда есть эта угроза гибели, что делает жизнь бессмысленной, потому что она потеряет будущее?

И.Т. Фролов. Борис Львович Астауров, которого я глубоко почитаю и у которого, я считаю, многому научился, в одной из своих статей говорил даже таким образом: человечество и человек должны подняться на какую-то новую ступень своего развития, чтобы получить новое наименование homo sapiens et humanus (человек разумный и гуманный), и действительно, в этих тяжелых условиях, которые мы сейчас переживаем, человечество и человек должны подняться на какую-то новую ступень и разумности, и новую ступень гуманности. Поэтому не случайно сейчас так широко развивается убеждение, и это исходит от нашей страны, что необходимо новое мышление, новая психология, новое понимание смысла жизни для того, чтобы все люди смогли выйти из этой очень сложной ситуации и доказать одновременно, что человек – действительно разумный человек, потому что если произойдет то, что нам угрожает, то это будет доказательством неразумности человека и его негуманности. Вот почему мне кажется, что все эти проблемы человека, и особенно те, которые связаны с тем, что мы сейчас обсуждаем, приобретают исключительно большое значение. Мы исходим из того, что само развитие человека, его совершенствование, в том числе в нравственно-этическом плане, – это одновременно является гуманистической целью. Одновременно это и практи-

чески эффективно: человек высокой культуры, высокой морали лучше работает, более эффективно, он лучше относится к другим людям, и в своей семье, и в обществе в целом и т.д. Поэтому в данном случае такая гуманистическая цель очень тесно сочетается и с практически эффективными нашими планами. Здесь одно целое.

С.П. Капица. Я глубоко разделяю эти позиции того, что называют научным гуманизмом. Но как прийти к такому состоянию? Здесь было сказано, что надо воспитывать людей. Как их воспитывать? Правильно ли мы это делаем?

П.В. Симонов. Что касается воспитания, то теории воспитания в общепринятом смысле слова у нас просто нет, ее не существует в природе. Есть какие-то замечательные наблюдения отдельных выдающихся педагогов, будь то Макаренко, Сухомлинский, Корчак, Коменский, Ушинский. Но теории воспитания, которую можно было бы систематически изложить, объяснить мне, будущему педагогу, как именно, с помощью каких приемов нужно воспитать гармонически развитую личность, нет.

С.П. Капица. А не является ли искусство таким?

П.В. Симонов. Я думаю, что нет, при всем моем уважении к искусству, его мощи... Тут еще искусство воспитания – безусловно, и именно искусство воспитания, потому что каждый воспитанник – это неповторимая творческая индивидуальность. В этом отношении воспитание сходно с искусством, потому что и в том и в другом случае результатом усилий является нечто неповторимое, будь то произведение искусства или человеческая индивидуальность. Но тем не менее если не теории, то технологии воспитания практически нет. Посмотрите, какой парадокс: чтобы починить телевизор, мы приглашаем специалиста, не каждый из нас может разобраться. А воспитываем своих детей мы, не обладая никакими специальными навыками. А раз мы не знаем и не пони-

маем, как правильно воспитывать, остается уповать на самовоспитание.

С.П. Капица. Но есть Академия педагогических наук.

П.В. Симонов. Когда я слышу эти бесконечные лекции, которые читаются о самовоспитании, я как-то чаще всего вспоминаю барона Мюнхгаузена, который вытащил сам себя за свою собственную косу.

И.Т. Фролов. Но что касается воспитания детей в семье, то, конечно, здесь действует традиционный, проверенный – и он всегда будет, этот способ, – а именно: пример родителей – самое главное.

П.В. Симонов. Здесь я с Вами абсолютно согласен. Дело в том, что психологические исследования последнего времени показывают, что это имитационное поведение обладает одной очень интересной способностью: оно способно адресоваться непосредственно к подсознанию. В подсознание переходят некоторые и навыки, обретенные вначале сознательно, а потом в силу их автоматизации они переходят в сферу подсознания. Но подражание адресуется к подсознанию напрямую, отсюда такая потрясающая роль непосредственного примера. Ребенок имитирует, запечатлевает неосознаваемо примеры своего ближайшего социального окружения, и потом справиться с ним, апеллируя к его сознанию, чрезвычайно трудно, а в некоторых случаях невозможно. Мы можем сто раз объяснять ребенку, что такое хорошо и что такое плохо, а один непосредственный пример перечеркнет все наши объяснения. А мы фетишизировали сознание, и наша фетишизация сознания дошла до того, что человека, который ведет себя, побуждаемый социально-ценными мотивациями, называем сознательным, а того, который руководствуется асоциальными или антисоциальными побуждениями, – несознательным. Как будто, если он осознает, то тогда он будет вести себя хорошо. Но на этом была построена тактика всех утопистов,

они все наивно думали, что они объяснят людям, что хорошо, а что плохо, и те перестанут делать плохо, и будут делать, что хорошо.

С.П. Капица. Мы до сих пор видим такое стремление. К сожалению, оно не исчерпывается такими простыми вопросами, и даже в самых серьезных социальных проблемах мы видим проявление тех же самых подходов.

П.В. Симонов. Возникает еще одна тема для наших дальнейших встреч – это очень важная проблема неосознаваемого психического. Эта сфера, которой долгое время пренебрегали, психологи готовы были чуть ли не отрицать саму реальность ее существования, но, оказывается, она играет очень важную роль в воспитании человека, в формировании человека, в деятельности человека. Игнорируя ее, мы просто ничего не поймем. Иногда мы уж очень хотим человека под колпак посадить. И информации для него слишком много, и времени у него мало, и то и другое; вот освободить его от всего этого, и он... Нет ли здесь другой крайности?

С.П. Капица. Пушкин сказал: «...и жить торопится, и чувствовать спешит».

О.Г. Газенко. Тема возможностей человека – очень интересная тема, и нередко мы с вами поражаемся тем, как, скажем, балерина делает фуэте на сцене Большого театра, или тем, как человек перелетает через планку, расположенную на шесть метров от поверхности земли, как он достигает поверхности Луны или совершает почти годовые путешествия в космосе. Необычайно широко открываются возможности человека, скрытые возможности.

П.В. Симонов. Знаете, когда я слышу эту навязчиво повторяемую мысль: резервы человека, резервы человеческого мозга, извлечем резервы, мобилизуем резервы, мне приходит в голову мысль, а не хотим ли мы сами с собой сделать то, что мы уже сделали в значительной степени

с окружающей природой? Может, природа-то была умнее? Может, она потому и сделала их резервами, чтобы сохранить их на какой-то единственный в нашей жизни случай, когда потребуется их мобилизовать?

И.Т. Фролов. Об этом очень хорошо как раз писал и говорил в свое время академик Петр Кузьмич Анохин – один из первых участников заседания Института человека, начатого А.М. Горьким. Он говорил, что мы не знаем и не можем предсказать тех больших негативных последствий от случаев все большего растормаживания количества нервных клеток, связей и т.д., а это считается одним из путей использования резервов, активизации психики и т.д. Как это отразится вообще на состоянии здоровья человека, на его даже способности к воспроизводству?

Я вижу очень много интересных тем для обсуждения и, безусловно, безграничный совершенно мир этих проблем.

«Я» в современном мире

Репортаж с VII Всесоюзных философских чтений. Встреча с выпускниками философского факультета МГУ. Фрагменты документальных фильмов «Плотина», «Звезда Вавилова», «Сцены у фонтана».

Диктор. Что такое человек? Сейчас, очевидно, человек многое значит, но бывает, что не всегда его понимают. Не всегда дают ему возможность выразить себя.

1-й студент. Очень трудный вопрос. Он очень общий, конкретно нельзя ответить сразу на этот вопрос.

2-й студент. Но я бы не рискнула давать свое определение человека. Единственное, что я могу сказать: человек – это существо, которое видит свой основной интерес в самом себе, т.е. интересуется, прежде всего, своей собственной сущностью. А ведь за всю историю существования человека было очень много ответов на этот вопрос. Человек – это и существо скудельное, и прах высокомерительный, и царь природы. Самые противоречивые определения, и я думаю, что ответа на этот вопрос мы так никогда и не достигнем.

3-й студент. Вечный вопрос: зачем я родился? Вот этот вечный вопрос, зачем я родился? Может быть, этого и не надо было.

4-й студент. Самое обидное, что на него тоже никогда не ответишь, и ты в этом не виноват.

5-й студент. В существующем есть вполне конкретная опасность. Опасность, связанная с тем, что изыскания философов и раньше, и сейчас опять будут с огромным трудом пробиваться в реальную жизнь, к тем людям, которые принимают практические решения, к тем политическим институтам, которые ответственны за реализацию этих выводов обществоведов.

И.Т. Фролов. Самое главное заключается в том, что сейчас существует острейшая общественная, социальная потребность такого рода знаний, и это является гарантией того, что само знание получит хорошее применение.

Я думаю, что мы должны в большей степени показывать сейчас то, что называют комплексные подходы к исследованию проблемы человека и роль философии в этих комплексных исследованиях. Мне кажется, что в большей степени мы должны исследовать проблемы, связанные с общечеловеческими ценностями, глобальными подходами. Может быть, больше акцентов сейчас сделать не только на выяснении того, что специфично для постановки, решения проблемы человека в разных общественных системах, с разных политических, идеологических позиций и т. д., но больше искать какие-то универсальные, глобальные, общечеловеческие подходы здесь, потому что на этой основе мы можем доказать универсальный всеобщий характер нашего учения, марксистского учения о человеке. Когда происходят, Вы знаете это, попытки отслаивания марксизма, отторжения его, от этой человеческой гуманистической проблематики, то в наибольшей степени это распространяется на «нравственно-философскую проблематику». И мы сами, может быть, на предыдущих этапах давали известное основание для этого, потому что меньше обращали внимания на это. Как-то так было принято

на определенных этапах трактовать эту проблематику как нечто производное, не выводить ее на первый план, а в результате получалось, что мы ее просто-напросто игнорировали. Религия, разные формы идеалистических антропологических учений паслись на этом поле свободно и до сих пор продолжают использовать эту проблему в своих целях. Марксисты же здесь в очень существенной степени отстали, поэтому разработка нравственно философских проблем марксизма мне кажется очень и очень важной. Это имеет очень важное значение и в практических аспектах, и в постановке проблем ценностных ориентаций научного поиска, в преодолении технократизма, который в очень существенной степени захватил нашу науку, советскую науку.

***Диктор.** Пройдет совсем немного времени, и на Ангаре встанет еще одна плотина, заплещутся волны нового Богучанского водохранилища. Уйдут в небытие, исчезнут из лоций и карт, из памяти нашей название сел Рожково, Алешкино, Силингино, Творец, многих других старинных сибирских поселений.*

***Заведующий лабораторией биосферных исследований при АН СССР Ф.Я. Шипунов.** Особенно безобразно строятся в экологическом отношении совершенно экологически необоснованные сибирские гидростанции. С огромными затоплениями лесов, пойменных лугов, поэтому проекты сибирских гидростанций, строящихся бесшабашно, без всякого экологического обоснования, требуют скорейшего пересмотра.*

***1-й студент.** Наверное, для того чтобы в этой громаде найти человека, надо, конечно, понять, что собой представляет каждый человек.*

***2-й студент.** Мы подходим к обществу как к какому-то инженерному проекту. Мы на входе даем одни условия, какие-то одни параметры, а на выходе хотим получить дру-*

гие, но не получаем, естественно, потому что человек не укладывается в эти инженерные схемы. Это и есть технократический подход, по-моему.

3-й студент. Есть еще один признак технократии, это, в общем, ничего не менять. Философия, видимо, тоже есть технократия, когда говорят слова, но ничего по сути дела не меняют.

4-й студент. По-моему, технократия проявляется в философии именно в форме давления так называемой научности.

И.Т. Фролов. Мы все время считали, что наука в таком идеологическом государстве, наука в контексте такой идеологии, такого мировоззрения по природе своей не может иметь таких технократических отклонений. Между тем это произошло, это было результатом перекоса в образовании, результатом очень существенных технократических перекосов в воспитании, в игнорировании гуманитарной проблематики. Я сам лично очень отчетливо это почувствовал во время участия во всякого рода экспертизах, связанных с переброской северных рек и т.д. С 1976 г. я делал для ЮНЕСКО экспертные доклады по социально-этическим проблемам генной инженерии, но у нас не просто не было потребности в этих работах, но они просто даже пресекались. Например, если по генной инженерии делают какой-то сборник, то попытки включить туда социально-этическую проблематику, философскую проблематику пресекались всячески. Почему? А потому что это чуть ли не поповщина. Сейчас это уже никто не говорит.

Диктор. *Лицо этого человека вряд ли знакомо большинству из вас. Хотя в свое время он был, наверное, самым популярным советским ученым. Не было, пожалуй, уголка на земном шаре, где бы не знали его имени – Николай Иванович Вавилов.*

Звезда Вавилова

Москва. Кремль. Постановление Совета народных комиссаров СССР. В исполнение данного Владимиром Ильичом Лениным завета обновления сельского хозяйства Союза Советских Социалистических Республик учреждается Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур как первое звено учреждений, долженствующих образовать Всесоюзную Академию сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ). 38-летнему Николаю Вавилову как одному из крупнейших советских ученых поручают организацию академии. За несколько лет под его руководством создаются институты растениеводства, зернового и картофельного хозяйства, льна, конопли, хлопководства, кормов, масленичных культур, животноводства, кукурузы, чая, виноградарства и многие другие.

***

Лысенко и его многочисленные сторонники пересмотрели теорию Дарвина, забраковали опыты Менделя, отвергли всю классическую генетику. Зато в печати стали появляться сенсационные сообщения о превращении пшеницы в рожь, овес, ячмень, сосны в ель и т.д. Лысенко говорил даже о появлении кукушки из яиц пеночки. А когда, например, колхозница колхоза «XII-й Октябрь» Прасковья Малинина рассказала, что из полученных ею от академика Лысенко семян будто бы ветвистой пшеницы выросли почему-то рожь, овес, ячмень и простая пшеница, но только не ветвистая, он заявил: «Я хочу сказать два слова о вашей неудаче с ветвистой пшеницей. Верьте мне или не верьте, но это как раз колоссальная удача. Вы нам, товарищ Малинина, здорово помогли. Из всех академиков я один верил и доказывал, что из пшеницы может получаться овес, может получаться ячмень и рожь».

В лагере Вавилова появлялось все больше перебежчиков. Эти направленные мутации были вызваны, как

горько иронизировал Вавилов, отсутствием генов порядочности. Слишком много людей обеспечили себя положением в науке преследованием своих оппонентов, слишком много людей изменили своим убеждениям под влиянием принуждения, низости души или борьбы между жизненным благополучием и научной совестью. А вот в науке хитрить да кляузы разводить самое распоследнее дело. Без правды науки нельзя создать правды нового общества.

А пока со свойственным ему размахом и напористостью Вавилов взялся за перестройку всей сельскохозяйственной науки страны. Фундаментом для этого должна была стать новая наука, генетика. Вавилов сформулировал задачу с типичной вавиловской прямоотой и размахом. «Мобилизовать растительный капитал всего земного шара и сосредоточить в СССР весь сортовой запас семян, созданный в течение тысячелетий природой и человеком. Мобилизовать на службу человечеству растительный капитал всего земного шара».

Национальное хранилище мировых растительных ресурсов: 9 метров вглубь, под толстый слой бетона и земли, 2 яруса, 24 камеры емкостью по 50 куб. метров каждая, 300 тыс. образцов культурных растений и диких сородицей, 300 тыс. живых клубней луковиц, корневищ, семян, все живые. И половина собрана руками самого Вавилова. Много из того, что он успел тогда спасти, нигде на Земле уже больше не растет.

И.Т. Фролов. К сожалению, может быть если и учат чему-то, то учат людей какие-то трагические события. После Чернобыля ни у кого не поворачивается язык теперь игнорировать человеческое измерение науки, социально-этическую оценку ее и, соответственно, регулятивы научного поиска, потому что связь здесь есть с этими технократическими перекосами, они и привели к таким ре-

зультатам. Это очень печально, что произошло это у нас, где гордились и кичились тем, что у нас этого не может быть, потому что советские ученые другие, они занимают другие мировоззренческие позиции и т.д. Оказалось, что эти позиции не работают; они где-то там для сдачи, может быть, зачетов где-то работали, а потом это начисто все забывается, и занимаются такие сугубо технократические позиции. Не то, что я хотел бы здесь драматизировать положение, но поскольку здесь очень молодежи много, я хотел бы ваши молодые умы в большей степени возбудить, чтобы вы с большей остротой реагировали на эту социально-этическую проблематику, чтобы Вы в большей степени почувствовали важность её, важность её не только с точки зрения чисто философских исследований, но теперь и важность её для чисто практических решений.

Сцены у фонтана

25 июня 1985 года на нефтяной площади Тенгиз на восточном побережье Каспийского моря в результате аварии возник нефтяной фонтан. Спустя двое суток нефть самовозгорелась. Фонтан вырывался из глубины 5 тыс. метров, и пламя достигло высоты 200 метров. Температура внутри скважины до 1500 градусов, содержание в попутном газе ядовитого сероводорода в опасной концентрации. Был экстренно создан Штаб по ликвидации фонтана.

В огне. Иду на Вы. Памяти Владимира Бондаренко.
Дальше – тишина?

Шла 12-я фонтанная вахта. Полгода аварийных работ. Дожди сменились снегами, температура спекшегося песка вокруг устья до 300 градусов. Третья попытка намечена в самый канун Нового года.

В случае, если натаскиватель плотно насядет на устье, задвижка должна закрыть скважину. Вслед за тем десятки специальных автоагрегатов обрушат на струю

нефти встречный поток специального раствора, чтобы давить фонтан.

Через считанные секунды огненную струю пришлось выпустить на свободу в отводы.

И.Т. Фролов. Философы должны быть здесь во всеоружии, и мы должны совместно с учеными работать по социальной, нравственной, этической экспертизе такого рода исследований. Вот такая перспектива, вот такая задача перед нами сейчас ставится. И вот как, казалось бы, абстрактные философские изыскания, исследования как они быстро, очень тесно соединяются с практикой.

Диктор. *Это Лебединое озеро находится в степном За-волжье, недалеко от Волгограда, в местах, где никогда никаких озер не было. Но случилось так, что построили здесь целый комплекс нефтехимических предприятий, и сточные воды, пройдя предварительную очистку, заполнили тысячу гектаров прудов-испарителей. В сухой степи появился определенный оазис, который так густо заселили пернатые, что пришлось даже создавать в этом районе новый государственный заказник – пример того, как разумное вторжение человека в природу украсило ее, вдохнуло жизнь.*

И.Т. Фролов. Тут такой вопрос. как вы считаете, существует ли проблема духовного отчуждения и самоотчуждения человека в условиях социализма? Я считаю, что существует и в условиях социализма. Не в таких формах, не в форме антагонизма, как при капитализме, а в форме не антагонистических противоречий. Элементы отчуждения существуют до тех пор, пока существуют, а мы сейчас даже собираемся их еще больше развивать, товарно-денежные отношения, пока существует государство и т.д., хотя мы сами очень часто, как Людовик XIV, говорим, «государство – это мы», но это демагогия. Если государство – это мы, то сами себя мы не будем ни арестовывать, ни вообще что-то подобное.

Еще вопрос. Не связано ли с этим и существование феномена бюрократизма?

Конечно, безусловно. Именно с этим и связано. Пока существует государство, будут существовать основы для проявления бюрократизма. Думать так, что мы сейчас в ходе перестройки сразу, стопроцентно изживем бюрократизм – это будет глупость. Вы вспомните, как ставил вопрос Ленин в последних своих работах о бюрократизме. Он как раз и возражал тем, кто говорил, что мы одним ударом сейчас уничтожим бюрократизм. Он говорил о том, что это невозможно сделать. Но вот что мы должны сделать, это свести его к минимуму. Для этого сейчас самый главный путь – это развитие самоуправленческих начал, все большее развитие процессов демократизации, вовлечение каждого в управление делами страны. Если есть некоторый слой управляющих бюрократов, которые берут на себя все наши с вами заботы, то уже наличие этого условия отчуждает нас от государственных дел, от дел страны. Мы как бы передаем добровольно ему эти функции. И если мы их берем себе, то тем самым мы боремся против бюрократизма и против возможных элементов отчуждения.

Я думаю, что мы должны сделать такую объемную книгу молодых о человеке. Это должна быть такая книга, которая в полной мере представила бы наше марксистское учение о человеке на современном этапе, на основе данных современной науки так, чтобы эта книга доказала то, что уже содержится имплицитно в нашей позиции, а именно: что именно марксизм создал и создает подлинную науку о человеке, которая должна получить универсальное значение.

1-й студент. По-моему, можно сказать однозначно, что есть человек. Человек – это именно единство совершенно не соединимого, т.е. это, конечно, не эклектика, это

конечно, не совмещение каких-то крайностей. Именно в этой его парадоксальности вся его тайна и весь его интерес. И поэтому, когда мы пытаемся со своими научными методиками, со своими какими-то знаниями подходить к этой проблеме, пытаться это все однозначно решить, скажем, через социальность, по-моему, это все будет утрировано. И к вопросу о современном состоянии проблемы человека: по-моему, здесь надо отказаться от какой-то определенности в этом понимании, т.е. сознательно смирить свою гордыню перед этим понятием «человек».

2-й студент. Дело-то в том, чтобы пощупать пульс времени, и, как говорил Гегель, чтобы этот философ выразил дух своего времени. Но этому мы не учимся. Во всех лекциях нам говорят «так и есть», а если кто-то говорит другое, то это ложь. Но дело-то в том, что сама ложь противопоставляется истине таким образом, что и сама истина превращается в ложь. Дело в том, чтобы найти живой образ этой истины.

3-й студент. Тут дело в том, по-моему, что сейчас действительно можно говорить смело о человеческом факторе в философии, как мы говорим о человеческом факторе в экономике, в политике, где угодно. А человеческий фактор в философии как раз позволяет ликвидировать эту антиномию – отрешенность и жизнь.

4-й студент. Я думаю, что все-таки главный недостаток домарксистской философии, да и всей, пожалуй, что до этого века философия состояла в том, что на вопрос: «что есть человек?» – отвечали именно, что есть человек. Думаю, сейчас вопрос принципиально нужно ставить иначе. И он уже поставлен, отчасти: «как стать человеком?» Так вот, исполнить всякую правду – это стать человеком. Как говорил Маркс, именно социализм восстанавливает разумным путем эмоциональные отношения человека к человеку. Эмоциональные отношения человека к человеку

и есть, пожалуй, то самое, что определяет наш субъективный фактор, то самое, что мы называем этим понятием. Субъективный фактор относится к человеку как таковому, человек – это мир человека, говорил Демокрит.

5-й студент. Наверное, время сейчас иное, темпы жизни иные и динамизм. Некогда нам ждать, когда нам станет сорок, или пятьдесят, или сколько. Нужно это все делать сегодня, сейчас.

6-й студент. Мы хотим вспомнить о том, что все, что мы делаем, делается с определенной целью для того, чтобы именно человека возвысить, чтобы он почувствовал себя человеком, смог почувствовать. А, к сожалению, мы очень часто за путями достижения этой цели забываем об этой цели.

И.Т. Фролов. Мы должны посмотреть, а что же у нас сделано, что плохо, что хорошо, что недостаточно, а где вообще провал. Но тем не менее отметить и то, на что мы можем опереться и двигаться дальше, а не с пустого места начинать, как иногда мне некоторые говорят: «Это ерунда, давайте начинать от балды». Этой наукой мы будем опираться на то, что есть. Но тогда, когда сейчас, на политическом уровне встает вопрос об общественных науках и о положении философии, и на политическом уровне выдвигаются определенные претензии, то в этом выражается колоссально возросшая общественная потребность в философском знании, тут, товарищи, надо отнестись к этому по-иному. Это плюс для нас с вами, для нашей с вами деятельности.

Есть за что философию в целом критиковать, но только с пониманием, только без такого зряшнего нигилизма... А я сам, например, сталкивался, как экстравагантно на публику кое-кто начинает расписывать все, а потом начинают говорить, что «мне стыдно даже отвечать на вопрос, когда меня спрашивают, кто я по специальности. Я не могу сказать, мне стыдно сказать, что я философ». Это достой-

но презрения, такие люди, которые собственную немощь, собственную слабость пытаются перенести на эту великую науку, которая видела все, и в разные периоды по-разному относились, все видела.

И мы должны помнить свою длительную историю, должны укреплять себя этим философским древним первородством.

Мы философы... У нас должна быть более серьезная, более основательная позиция. Позиция истинной научности и истинной партийности. Перед нами стоит задача во всю полноту показать, что именно марксизм – это есть истинный реальный гуманизм, что именно марксизм дает все-стороннее, глубокое основание для новых перспективных исследований проблемы человека. И мы должны окончательно похоронить эту буржуазную клевету на марксизм как учение, якобы чуждое проблематике человека, технократическое в основном. У нас для этого сейчас есть все основания и не только научно-философские, но и практические, и политические.

Конференция памяти академика А.А. Баева в Черногоровке

В беседе участвуют: академик АМН СССР Н.П. Бочков, академик Л.Л. Киселев, доктор физ.-мат. наук А.И. Полетаев, академик Я.Д. Свердлов, академик И.Т. Фролов.

Л.Л. Киселев. Дорогие участники конференции, дорогие коллеги, дорогие гости! Это заседание особое. Мы не будем здесь говорить о трех миллиардах нуклеотидов, которые составляют геном человека, как мы знаем, но мы будем говорить сегодня об одной совершенно необыкновенной человеческой личности, об Александре Александровича Баеве, человеке, который создал программу «геном человека», и этой программе сейчас исполнилось 10 лет. Мы пригласили сюда, и мы очень благодарны тем, кто откликнулся на нашу просьбу и, несмотря на лютый мороз и некоторое расстояние от Москвы, приехал, чтобы вместе с нами вспомнить о Баеве. Я прошу Ивана Тимофеевича Фролова, академика, человека, который сделал необычайно много для того, чтобы эта программа реализовалась, пройти сюда и занять здесь место. Иван Тимофеевич, пожалуйста. Я про-

шу Николая Павловича Бочкова, академика, пройти сюда тоже, потому что это был один из тех людей, кто очень много помогал Александру Александровичу на первых, самых трудных этапах становления программы, и обеспечил наше взаимодействие с медицинскими аспектами этой программы, что, как Вы видели и еще увидите завтра, было и остается очень важным. Я прошу подняться сюда к нам Бориса Павловича Готтиха, это человек, который не только является ветераном Института молекулярной биологии, где работал Александр Александрович до последнего дня своей жизни, но и человек, который много лет самым тесным образом сотрудничал с Александром Александровичем Баевым в академии и в институте, и поэтому естественно, что он должен быть здесь с нами. Я прошу занять место Алексея Александровича Баева, хорошо нам известного, очень хорошо нам известного Алешу Баева, о котором можно ничего не говорить, фамилия говорит сама за себя, и это сотрудник нашего института, многолетний сотрудник Института молекулярной биологии. Я не могу пригласить всех тех, кто еще будет выступать, но я думаю, что мы начнем. В соответствии с повесткой, которая у нас есть, сейчас мы вспомним Александра Александровича, затем мы с помощью этой машины покажем видеofilm о Баеве, который большинство здесь присутствующих, по-видимому, не видело, а затем будет приятная часть, когда мы вручим премии, и дипломы, и книги, и все тоже в связи с Александром Александровичем. Андрей Игоревич Полетаев будет нашим телехроникером, или видеохроникером, или, попросту говоря, летописцем, видеописцем. Будет один во всех лицах. Как наши дорогие гости сидят, так мы им предоставим слово, чтобы упростить ситуацию.

И.Т. Фролов. Я могу очень много говорить об Александре Александровиче, но у нас регламент должен быть, минут десять.

С Александром Александровичем Баевым я познакомился в 1968-м г. Я тогда очень увлеченно занимался генетикой, потому что я учился и на философском, и на биологическом факультетах. И у меня вышла книжка довольно спорная, её очень много и ругали, и в то же время хвалили. Хвалили в академии, ругали вне академии. хотя и в академии много было таких. В этой книжке впервые я попытался рассказать об истории советской генетики, о тех дискуссиях, которые были, и очень резко показывал несостоятельность взглядов Лысенко и его сторонников, и в частности, конечно, это все делалось еще и потому, что все-таки Лысенко, не все из вас это помнят, очень сильно опирался на диалектический материализм, всех других обвинял в других смертных грехах: идеализм, витализм и еще что-то. Сейчас это все звучит смешно. Тогда это не было смешно, потому что это уже стало стереотипом после августовской сессии ВАСХНИЛ, уже пятьдесят лет прошло. И тогда считалось, что Лысенко близок и к этому мировоззрению, и соответственно к партийной точке зрения, к самому Сталину и т.д. Тут тоже не надо упрощать все, потому что я был знаком с Лысенко и встречался с ним много раз, причем было интересно, он давал мне какие-то свои небольшие работы. Я только что после аспирантуры, пришел работать в «Вопросы философии», а он давал мне какие-то статьи небольшие для какой-то энциклопедии по биологии и т.д. Потом присылал за мной машину, и я ехал в Институт генетики, где он был, и там его сотрудники разбирали эти мои небольшие критические замечания. И это продолжалось довольно долго. И он почему-то никак не хотел, чтобы я не ездил. Так он незадолго перед смертью мне звонил, чтобы я ему прислал книгу мою «Генетика и диалектика». Я там рассматривал философские методологические основания молекулярной биологии. Я это нигде не рассказывал. Вышла такая книжка. Очень была большая поддержка со стороны ученых Семенова, Капицы, Энгельгардта. Я еще

тогда молодой был. Они меня поддерживали, и с того момента Борис Львович Астауров очень сильно поддерживал, Беляев Дмитрий Константинович. Но их сейчас уже никого нет. Такая разница у нас была, четверть века, тридцать лет, так получилось. Вы для меня совершенно незнакомые люди, я как будто бы пришел из того мира. И было какое-то обсуждение, и Александр Александрович пригласил меня к себе в кабинет, и часа два, наверное, мы обсуждали эту книгу. И очень много он интересного мне рассказал, у меня все спрашивал, вопросы разные задавал и т.д. И с тех пор начались наши отношения. Они развивались так интенсивно еще и потому, что я все-таки больше имел дело с Владимиром Александровичем Энгельгардтом. А уже через него и познакомился с Александром Александровичем. Это была бы большая задача ваша, тех, кто будет заниматься историей, большая задача проследить такое взаимодействие жизни Владимира Александровича Энгельгардта и Александра Александровича Баева. Здесь не только такую благородную роль сыграл Владимир Александрович, когда он заботился о том, чтобы как-то помочь своему младшему другу и ученику Александру Александровичу, который, насколько я знаю, всегда считал себя учеником Энгельгардта. Но здесь еще и не только их взаимодействие по специально-научным вопросам, тем чем они занимались у себя в институте. Но очень большое взаимодействие и по этим вопросам, которыми я занимался и которые сейчас и у вас в этих программах, хотя и отошли на второй план, но в то время имели огромное значение. Я имею в виду философские проблемы. Конечно, надо проследить это взаимодействие. Не всегда, это я утверждаю, такой могучий ум Владимира Александровича только в одну сторону воздействовал на Баева, но и Александр Александрович очень много внес своего, а в последние годы, когда уже не стало Владимира Александровича, Баев и сам развил некоторые вещи, которые тогда только начинались. Кто бы сделал такую рабо-

ту, это было бы важно. Конечно, Владимир Александрович, поскольку он старше был, и судьба у него другая, он не сидел, не был в ссылке, а наоборот, скакал в Первой конной армии. Так можно в шутку сказать, хотя это тоже у него было в биографии.

Было потрясением для научной общественности, в том числе и философской, когда в 1958 г. на первом Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания выступили с докладами Франк и Энгельгардт. Это было действительно потрясение, потому что такое резкое утверждение нового направления в физике, химии и биологии. И в то же время поддержка была, а Алексей Анатольевич был очень доволен, он опирался даже на поддержку Хрущева. И с тех пор Энгельгардт сотрудничал в нашем Совете, который мы создали по философским вопросам естествознания. А я с самого начала там стал работать почти уже сорок лет. И он, этот Совет, тихо, тихо сейчас «умрет». Я им сказал «может быть, подождите, может, я вначале?», но... ничего не поделаешь. Владимир Александрович очень много сотрудничал, как я уже сказал, тогда, когда двадцать лет назад я стал председателем этого Совета, и потом включился Александр Александрович, очень творчески. И в вашей книге хорошо отмечается, у него действительно какая-то была тяга к обсуждению мировоззренческих, философских вопросов. И он это хорошо знал. Я не думаю, что он читал на языке оригинала какие-то философские труды классические, но знал очень много по философии, и это видно из его последних работ.

Наука и ценности. Такие проблемы: наука, научный поиск и ценностные этико-гуманистические проблемы научного познания. К этому подошли философы где-то в 60-е – начале 70-х гг., и сразу же активно в это обсуждение включились, прежде всего, Владимир Александрович Энгельгардт, а потом Александр Александрович Баев.

Я много лет проработал в журнале «Вопросы философии» и девять лет был главным редактором. Как раз в это очень бурное время, когда возникали новые направления и т.д. Здесь Николай Павлович Бочков сидит, мы сейчас там за чашкой чая обсуждали с ним, как в 1968 г. мы впервые организовали «круглый стол» по проблемам генетики человека. А потом все это стало традицией и в 1973-м г. уже было обсуждение проблемы «Наука, этика, гуманизм». И там очень оригинально выступал Энгельгардт, и с тех пор в этом журнале, главным образом, а потом подключился журнал «Природа», стали обсуждать эту проблематику. Огромное впечатление на нас произвела статья Александра Александровича о социальных проблемах в современной биологии. Такой подход к науке как к единству исследовательских, методологических и ценностных гуманистических проблем. Александр Александрович впервые это так ярко выразил, кажется, это было в 1981 г. Это произвело очень большое впечатление, такой широкий взгляд на биологическое познание в единстве не только исследовательских, но и ценностных подходов. Правда, в 1974-м г. в Асиломаре, Вы это все, конечно, знаете, была известная конференция, принявшая мораторий на генно-инженерные работы. Он соблюдался или не соблюдался, другой вопрос, но асиломарская конференция выработала некоторые правила генно-инженерных работ. Но надо историю видеть так, как она была, там еще наши ученые, в том числе и наши герои молчали, их называли «молчаливые ученые», так как у нас не было позиции. Поэтому молчали. Но, правда, не все молчали. Были и большие противники моратория. К сожалению, Юрий Анатольевич Овчинников считал, что это такая провокация, диверсия со стороны Запада, чтобы затормозить развитие генной инженерии у нас, в нашей стране. Со мной на эту тему Юрий Анатольевич разговаривал, очень недоверчиво. И не сразу это все

шло. Я в это время у них фигурировал как «марксистский поп». Дело в том, что на Западе с самого начала очень большую роль в обсуждениях этических проблем генетики человека, клонирования и т.д. играли крупные католические философы, например, Фетчер, крупный философ, и ряд других. Поэтому у нас это тоже так было объявлено. Но потом все пошло, все встало на свои места, когда включились такие крупные ученые, как Энгельгардт и Баев. В особенности Баев Александр Александрович, потому что Владимир Александрович (потом мы с ним были очень близки), он потом на более широкую проблематику вышел, сидел у вас в Институте молекулярной биологии, читал философские книжки и статьи, когда уже старый стал. Я помню, у нас был диалог в журнале «Наука и жизнь» просто о современной науке. И он стал работать над темой глобальные проблемы и гуманизм. Он поднялся над такими другими, более конкретными проблемами. А Александр Александрович, наоборот, буквально вцепился в эту проблематику и очень, очень много сделал в ней.

Дело не только в том, что он вместе с сотрудниками, я это хорошо знаю, даже сотрудников этих по фамилиям знаю, создал эту программу – «геном человека», не один все это сделал, ясно, но дело в том, что он очень сильно стал развивать в связи с геномом человека эту проблематику социально-этического регулирования. Хотя это дело до сих пор еще не очень развито, это опасная сфера, и Вы ни в коем случае сейчас не должны соглашаться на какой-то контроль. Сейчас у нас существует национальный комитет по биоэтике. Александр Александрович был с самого начала в составе этого комитета, а потом мы были с ним сопредседателями. Сейчас, после смерти Александра Александровича, академик Петров сопредседатель и это академический комитет, а сейчас хотят создать то ли при президенте, в больнице что ли... какой-то новый комитет, который регулировал бы

работы в области биомедицины. Завтра в Министерстве здравоохранения будет совещание, и мы с Петровым там должны быть, где будет обсуждаться, каков будет статус этого комитета и т.д. Александр Александрович всегда придерживался такого взгляда и такой позиции, что это должен быть академический комитет. Это на уровне этики науки. Вы знаете, что в Асиломаре резко разделились взгляды, и все специалисты–молекулярные биологи сразу стали выступать против контроля и очень негативно восприняли выступление юристов. А что юристы? Юристы сразу же: «давайте издадим законы, это запретите, это разрешите» и т.д. У нас наш комитет, не знаю как Александр Александрович отнесся бы к этому, я думаю, что он все-таки был бы на нашей стороне, а я веду дело к тому, чтобы он был академическим, а то там честолюбивые молодые депутаты уже хотят в этот комитет войти. У них там всякие предложения. Опять все то же, по этой линии, запретить что-то, регулировать и т.д. А мы считали, и Александр Александрович это подчеркивал, что это должно быть только на чисто этическом уровне. Жак Нуаро исходил из того, что вся эта этика заключена в самой науке, и не нужны какие-то принципы вне её. У Александра Александровича была другая позиция. Он связывал это с обществом, он связывал это с личностью. И поэтому так получается сейчас. У Саддама Хусейна в Ираке комитета и биоэтики нет, это невозможно, потому что там такая диктатура. В демократических странах сейчас, как грибы после дождя, всюду комитеты. Некоторые имеют довольно высокий уровень и выполняют важные функции. А мы где-то в промежутке. Почему? Потому что это зависит от культуры, от степени демократии в той или иной стране. Мы где-то сейчас в промежутке. Но тем не менее был в те же годы в этой сфере осуществлен точно так же, как по программе, насколько я знаю, «геном человека», осуществлен большой прорыв. Почему? А потому что были

такие люди как, Александр Александрович. Нет какой-то сплошной истории, и истории науки в том числе. История и история науки – это история личностей. Характерно, что прямо перед смертью для нашего Пятого совещания по методологическим проблемам в науке Александр Александрович подготовил доклад, не закончил, правда, он потом позвонил и сказал «я не буду участвовать, потому что я не подготовил доклад». Но у него именно эта тема была – личность и наука. Он очень эволюционировал здесь как философ и как мыслитель, глубочайший мыслитель.

Я прошу прощение за то, что я задержал ваше внимание. Я долго собирался где-то это рассказать об Александре Александровиче, потому что я сам тут много болел, и не было возможности так выступить, может быть, не очень системно, но я постарался вам рассказать главное об этом замечательном человеке, совершенно потрясающем ученом. Личность ученого и просто личность человека, они здесь находились в гармонии. Редко можно сейчас увидеть некоторые характерные для Александра Александровича черты в нашем научном сообществе, в том числе академическом. Это наряду с такими успехами, необычайная, такая необычайная скромность, и самокритичность, и сомнение, самое главное еще и эти постоянные сомнения, без чего наукой заниматься нельзя. Но, занимаясь наукой, такой человек все время терзает себя. И хотя Александр Александрович прожил долгую жизнь, но это и не могло быть иначе, по справедливости, и поэтому он много успел сделать, несмотря на то что сделало с ним общество тогдашнее, вырвали у него столько лет.

Л.Л. Киселев. Спасибо. Иван Тимофеевич, я Вам благодарен не только за то, что Вы сказали об Александре Александровиче и за тот исторический срез, который особенно важен для молодой части аудитории, но я бы все-таки очень хотел сказать, что я принадлежу к тому поколению русских биоло-

гов, которые начали при Сталине. Я был изгнан из университета в свое время за не совсем академические по тому времени взгляды, но не в этом дело, а дело в том, что в начале 60-х г., в 60-е гг. книжки Фролова о Лысенко сыграли огромную роль, потому что биологи боролись с Лысенко, пользуясь биологическими аргументами и биологическими фактами и знаниями, тогда как с философской стороны, а это была та сторона, где мы были слабы, и которая присутствовала в очень яркой форме. Эту сторону взял на себя Иван Тимофеевич, и, как мне кажется, это было в то время исключительно важным делом и то, что говорилось в выступлении, и то, что писалось в книжках и журнале «Вопросы философии», в то время было самым передовым по своим взглядам, по кругу своих авторов, там печатались те люди, которые не получали трибуны во многих других журналах, как я это хорошо помню, поэтому это еще Вам благодарность за дела, к счастью, давно минувших дней, но тогда, поверьте, это было очень существенно. Николай Павлович Бочков, пожалуйста.

Н.П. Бочков. Спасибо большое, я благодарен, прежде всего, тому, что для меня высвечивается сегодня образ Александра Александровича Баева, может быть, немножечко в таком личном, в каком-то очень близком для меня ракурсе. Я начну с того, что мне повезло в жизни в том, что как-то получилось так, что яркие личности на двадцать-тридцать лет старше принимали меня как своего товарища в свою среду. Это касалось таких ярких личностей в медицине, как Николай Николаевич Петров, Лев Николаевич Зиндер, Ипполит Васильевич Давидовский, Борис Васильевич Петровский из разных специальностей. Но такая ситуация произошла не только с медицинской, но и с биологической аудиторией. Я жил в такой яркой среде величайших наших ученых, очень разнообразных по своему характеру, по своему поведению. Это академики Сергей Евгеньевич Северин, Юрий Анатольевич Овчинников, Владимир Александрович

Энгельгардт, Николай Петрович Дубинин, Борис Львович Астауров, Дмитрий Константинович Беляев, Владимир Павлович Одинцов. Вот какой круг для высвечивания образа Александра Александровича. Обязательно надо понимать, в какой среде он должен был проявиться, – не просто взял, зашел и стал яркой звездой и пр. Каждый ученый был по-своему выдающимся – и взрывной Юрий Анатольевич, по-своему своеобразный Василий Николаевич Орехович, мудрый Сергей Евгеньевич, по-своему очень вдумчивый и высокоинтеллигентный Владимир Александрович Энгельгардт, и на этом фоне свой образ, свое поведение выработывалось и для нас, нами воспринималось от Александра Александровича Баева. Я сюда специально и приехал для того, чтобы сказать свое личное впечатление, одновременно подчеркнув, что это настоящая российская плеяда ученых, к которой относился Александр Александрович. Она имеет свои характерные черты. Я попробовал, подразделить – это всегда легче, когда что-то объясняешь. Подразделять – как человек, как ученый, как семьянин, как профессионал. Там у нас, у медиков, еще как врач или как педагог по подготовке кадров. Я попробовал подразделить, чтобы побыстрее, попроще вам рассказать свои ощущения от встреч. Я дружил с Александром Александровичем, но оказалось для меня практически невозможно отделить его как ученого от того, что мы называем человеком, от его общечеловеческих качеств и поведения. Поэтому я буду говорить о тех чертах Александра Александровича, которые на меня оказали очень серьезное влияние и о которых я в беседе с учениками, со своими внучками, с детьми, рассказывал как пример того, как вести себя, ссылаясь на Александра Александровича, на его пример. Первое, что меня поразило, это, безусловно, его любовь к науке. Тут вполне понятно, потому что мы соприкасались в большей степени всегда и постоянно на научной почве. Что бы и как бы он ни делал, это для

него была какая-то генетически детерминированная черта. Наука для него была во всем: и в том, когда он слушал доклады на ту тему, на другую, и когда это было на заседаниях президиума большой академии, потом приезжал на заседания президиума Академии медицинских наук. Когда мы с ним в Пушкино проводили новый семинар по генетике соматических клеток организмов, то везде на первом месте эта любовь к науке меня поражала. Мне так и казалось, что он и засыпает, и просыпается, как религиозный человек с молитвой религиозной, так и Александр Александрович с мыслями о науке. Это было ощущение, он светился всегда наукой. То, что мне показалось характерным, это его любознательность. Разница у нас была достаточная, около тридцати лет. И меня поражало, он был любознательнее меня, хотя я тоже не отличался, а в тот период особенно, не отличался какой-то заскорузлостью. Меня поражало, что он буквально, как школьник, как студент, интересовался всем: и как клетки растут, и как они выглядят, и новое в медицине, какие пути и т.д. Это касалось, главным образом, всех вопросов, которые относились к науке. Это потрясающая черта, которая подчеркивает, что он был человеком, преданным науке. Может быть, эта характерная черта и поддерживала его. Я хотел бы еще отметить одну вещь. Его интересовала и наука, люди, судьбы, но его любознательность проявлялась в том, что он все время стремился познавать новое. И вместе с тем у него было одно не всегда присутствующее у научных сотрудников качество – это смелость. Александр Александрович был очень смелый человек. Я не говорю сейчас про жизнь, про его жизнь. Это естественно, там он показал это. Я имею в виду, что настоящий человек науки должен быть смелым человеком. Он должен критически посмотреть на свои достижения; он должен, критически восприняв, согласиться с тем, что его в чем-то обошли, и не обижаться на того, кто сделал это открытие раньше, хотя он сам об этом

думал. Знаете, как у нас бывает. Начинают выяснять отношения. Здесь он был очень смелым человеком. Он был смелым человеком в том, что он переходил от одного направления к другому, меняя иногда резко свой багаж, который был у него накоплен до этого времени. Это не легко сделать. Как стал человек цитологом, он и остается всю жизнь цитологом. А перейти на сегментирование нуклеотидов, а потом перейти на медико-генетические проблемы генома человека, а от прикладных еще и к теоретическим, это надо быть смелым человеком, и он оставался им до последних дней жизни. Это меня поражало. Я необыкновенно всегда, присматриваясь к нему, удивлялся его качествам труженика, великого труженика. Бывает такое, есть в крестьянстве пахарь, он и пашет, работает, топчется, делает все время что-то. Александр Александрович был великим тружеником. Не было перерывов для него. Он все время что-то делал, он все время что-то старался организовывать, он все время думал. Это статьи, это книги, но самое главное, что он как труженик не отказывался от больших дел, малых дел для него не существовало. Конечно, были заседания бюро отделения, которое он возглавлял много лет, где много тратил времени, были и научные конвенции, заседания. Но мы приглашали его в институт прочитать лекцию – он приезжал. В Институт медицинской генетики мы его приглашали, в президиум Академии медицинских наук попридусутствовать на каком-то заседании – он приезжал. Это поразительные вещи. В возрасте семидесяти-восьмидесяти с лишним лет он спокойно разъезжал, а у нас сейчас вообще сорокалетний профессионал бережет время для того, чтобы не приехать на заседание, потому что это отнимает у него какое-то время. Еще мне хотелось бы подчеркнуть, что Александр Александрович был удивительно ясно мыслящий человек, он выражался настолько ясно, я даже невольно при его точной формулировке вспомнил фразу Льва Николаевича Толстого, где

он сказал, что «неясность слова есть неизменный признак неясности мысли». Александр Александрович удивительно всегда точно мыслил, эта ясность мысли у него была не только в текстах, она была в экспериментах по установкам работ. Следующая черта, которая мне запомнилась, которая мне была симпатична, он умел объединять людей, которых вообще трудно объединить. Он умел объединить, он умел организовать таким образом, что все находили себе нишу, потихонечку успокаивались, какие-то углы острые – они у всех у нас есть, они уходили, он заражал общим делом.

Я не могу не сказать, что меня поражала скромность Александра Александровича, скромность в его поведении, скромность в его быту. Александр Александрович, когда приезжал, в президиуме, то все думали: «какой-то приехал человек». Кто не знал Александра Александровича из членов президиума или из окружения медицинского на заседаниях, не могли себе представить, что это выдающийся ученый, академик и т.д., пока президент не приглашал его пройти в президиум. Александр Александрович скромным был даже в тех случаях, когда обращался ко мне. Извиняясь, обращался чтобы я помог кому-то по медицинским вопросам и кому-то из его сотрудников, это обязательно он делал. Я всегда ему говорил: «Александр Александрович, это дело врачебное, я очень рад, что могу оказать помощь, какую-то консультацию устроить, в какой-то институт» и т.д.

Я хотел бы еще обратить внимание на то, что для меня Александр Александрович все время оставался молодым, мне казалось, что он моложе меня. Я задумывался над этим. По поведению он был моложе меня. Он активно участвовал в дискуссиях, он брался за новые дисциплины, он знал много: и литература, и журналы новые и т.д. Это, мне кажется, какая-то молодость у него была от духа, от его стиля мышления, он и держался очень молодо и физически. Такая

взаимосвязь есть, она описана – интенсивная умственная деятельность продлевает жизнь индивида. Это точно установленный факт. Я хотел бы сказать еще, что меня поразила надежность Александра Александровича в дружбе, их отношения с Владимиром Александровичем меня всегда поражали, и это было для меня большим примером.

И последнее, пожалуй, что я хотел бы подчеркнуть. Мне казалось всегда, что Александр Александрович удивительно интеллигентный был человек, мягкий в общении и поведении, и в то же время очень твердый, когда речь касалась защиты научных интересов, позиции и т.д. Это те впечатления, которые у меня остались с того времени, когда мне повезло, и на протяжении, наверное, около двадцати лет мне пришлось общаться с Александром Александровичем. Спасибо за внимание.

Л.Л. Киселев. Андрей Игоревич Полетаев не только у нас видеохроникер, но еще человек, который очень много обязан Александру Александровичу на начальных этапах программы, поэтому я хочу дать ему краткое слово для того, чтобы об этом вспомнить.

А.И. Полетаев. Я очень благодарен оргкомитету, что мне была предоставлена такая приятная для меня возможность. Я не хотел бы давать оценки Александру Александровичу, потому что ничего кроме восторга и уважения он у меня не вызывает. Я лучше расскажу несколько историй, которые меня с ним связывают конкретно, я дважды в долгих поездках был с ним. Но кроме того, в связи с геномом человека, мне хотелось бы рассказать один эпизод, который мало кто из присутствующих в зале знает, хотя многие на определенных этапах в этой истории участвовали.

Иван Тимофеевич Фролов, я расскажу. Я начал с этого эпизода, потому что это прямо тайная история генома человека в нашей стране. В середине 80-х гг. у нас в Институте молекулярной биологии возникло какое-то оживлен-

ное технологическое движение, связанное с идеей того, что можно упорядочивать большие фрагменты ДНК. Все разговоры циркулировали в кругу не только руководства Академии, но и в кругу сотрудников, которые не знали что делается в академии, какие обсуждения ведутся. И весной 1987-го года (идея была Давида Переташвили, я его периодически поддерживал) мы решили пригласить для серьезного разговора одного нашего однокурсника и одноклассника, к сожалению, покойного, Анатолия Васильевича Калашникова, который работал в весьма закрытом НИИ и заведовал лабораторией молекулярной диагностики. Эта лаборатория лет за пять, за шесть до этого, с наших же слов, освоила метод ПДРФ, и идентификация личности в этом ведомстве была налажена Анатолием Васильевичем, нашим приятелем и одноклассником. Решили мы его позвать и рассказать, что есть такая программа генома человека в мире, и было бы неплохо, чтобы серьезное ведомство серьезно отнеслось к этой стратегической проблеме. И собрались мы 9 Мая. Анатолий Васильевич человек очень государственный был, после второй бутылки коньяка он сказал, что хотя он не капитан Флоров, а полковник Калашников, он готов подписать любые документы для того, чтобы это дело, которое, он понял, действительно имеет государственный оттенок, приобрело какой-то формальный ход. Потом он тщательно нас допросил, что именно, какие стратегические моменты в этой программе генома человека, с точки зрения его ведомства, должны быть отмечены, а потом спокойно уехал домой, несмотря на то что третья бутылка тоже была. Это было 9 Мая. Месяца три прошло, независимо от нас он сделал проработку имеющихся источников и сделал аналитический обзор. Потом уже без его фамилии все появилось у начальства. Осенью 1987 г., насколько я понимаю, некий аналитический документ появился у Александра

Александровича Баева. Я не знал о том, что этот документ появился. Александр Александрович обратился к Ивану Тимофеевичу, который порекомендовал написать письмо Михаилу Сергеевичу. Через некоторое время Михаил Сергеевич позвонил Александру Александровичу в Пущино и дал поручение сделать государственную программу через три месяца. В январе в Институте молекулярной биологии повешено было объявление: «Все желающие принимать участие в исследовании генома человека соберитесь в 343-й комнате». У нас несколько человек собрались. Когда я туда пришел, я не знал, с одной стороны, серьезно ли отнеслись к майской беседе, с другой стороны, чем это закончится, потому что мы сформулировали то, что мы считали нужным, а дальше никакой обратной связи не было. Это не в правилах было. Потом пошла работа по созданию программы, был принят только седьмой вариант. Это произошло семнадцатого мая, я помню, что восемнадцатого мая начиналась школа молекулярной биологии, и накануне последний раз проверяли седьмой вариант. Семнадцатого мая он прошел в ГКНТ, и уже в августе была принята программа. В сентябре 1988 г. Александр Александрович собрал несколько человек, участвовавших в организации, подготовке этого проекта и так замечательно сказал: «Знаете, какие замечательные времена мы сейчас переживаем? Наши доблестные органы теперь высвободили много сил (мы же не гоняемся больше за диссидентами) и сделали очень неплохой аналитический обзор по науке». И тут я понял, что тут что-то мне напоминает, но людей было много, и я не стал спрашивать, как и что. В 1990 г. случилось так, что я с Александром Александровичем полетел в Америку на конференцию по геному человека, было достаточно времени с ним общаться. Я ему эту историю рассказал, как мы праздновали 9 Мая с нашим другом. Он засмеялся, у него глаза заискрились, он говорит: «...опять

Институт молекулярной биологии, а я уже комплиментов наделал!»

Хотел бы я эту историю заключить следующим. Есть разные мировоззрения, для чего человек должен жить. Он должен подольше жить, некоторым кажется, что это существенно. Другие считают, что нужно побольше всего сделать, неважно сколько жить, важно сколько сделать. Третий подход – что надо побольше всего испытать и порадоваться всякому разному. Александр Александрович счастливым образом все эти три разные версии, зачем жить, совмещал в себе. Он долго жил и предельно интенсивно работал, и, когда оказывалось, что можно натурально порадоваться, он, не стесняясь ни своего положения, ни авторитета, он просто радовался, любил пошутить, любил откликаться на чужие шутки. И что еще меня поразило: как бы день ни проходил, всегда в девять часов вечера он садится и приводит в порядок все конспекты, которые были сделаны в течение дня. Никогда не навязывал ничего, он просто тихо просил, но просил так, что хотелось сделать таким образом, чтобы уже ничего не надо было переделывать. И все это тихим голосом, вкрадчиво и с юмором.

Я счастлив, что я был знаком с Александром Александровичем.

И.Т. Фролов. Здесь я могу дополнить, поскольку я Михаилу Сергеевичу помогал распутывать все, что было связано с Бухариным, и, в частности, мы буквально препарировали книгу Стивена Коэна о Бухарине, и Михаил Сергеевич уехал в отпуск и взял ее с моими пометками. Оказывается, еще Хрущев уже подготовил все дела по реабилитации, но не решился, а решился Горбачев. В докладе о 70-летию Октября мы сделали эту фразу, которая по существу реабилитировала Бухарина. А то, что Вы сказали насчет того, каким умным оказался и в данном случае Александр Александрович, это абсолютно все верно. В 1960-м г. я беседовал

в Свердловске с вышедшим из заключения оставшимся в живых Ярошенко, может Вы помните, это был такой экономист, и его очень резко критиковал Сталин. Мы с ним там гуляли, и он мне рассказал, тоже передавал опыт. Он сказал так: «Меня спасло только одно – я ни в чем не признался». И еще по делам декабристов. Два типа поведения было у декабристов: кто-то решил все выкладывать и говорить «нас», чтобы было у Николая ощущение: «нас много, и все так думают, как мы». К сожалению, профессор, философ Слепков, который проводил семинар, у которого чему-то учился Александр Александрович, был такого типа человек. Я это все знал, поскольку изучал историю советской генетики и все дискуссии и т.д. Он был романтик, как и Бухарин, хотя Бухарин был жестокий человек, а Слепков был романтик, и Слепков как раз придерживался такой точки зрения, что чем больше он назовет людей, согласных с его взглядами, тем будет лучше. Центральный комитет или кто там ужаснутся, сколько много народа, оказывается, эти взгляды поддерживают и т.д. И, к сожалению, этот романтический человек назвал очень многих, и Баева в том числе. Ну причем здесь аспирант Баев? Наверное, чтобы было как можно больше. Это надо тоже иметь в виду. Я его не обвиняю. Когда я читал эти материалы, связанные со Слепковым, мне даже его было жалко, наивный человек. Он ради этой идеи сделал такую вещь.

Я закончу еще тем, я совсем забыл, хотя меня Лев Львович просил обязательно сказать о том, какие еще были детали, связанные с прохождением вашей программы «геном человека». Может быть, как-нибудь отдельно расскажу, потому что там много интересного, но это был какой-то точечный удар, даже не с научной, а с политической точки зрения.

Александр Александрович, со мной когда разговаривал, вел речь о том, что предложена эта программа куда-то, в

Центральный комитет или еще куда-то и т.д. А я ему посоветовал: напишите письмо на имя Горбачева. Он сказал: «Как это я это буду?» Понимаете, там что было: Горбачев только что пришел к власти, и ему нужны были какие-то свидетельства, какой он передовой и т.д. И как же, если обратится Баев, уже известный к тому времени, конечно, он так отреагирует. И у меня тогда еще было такое положение, когда Горбачев очень слушал то, что я говорил, ни одного не было случая какого-нибудь отказа. Геном человека – это не единственное, что мне приходилось пробивать. И тут это был точечный удар. Александр Александрович, хотя и несколько был смущен, но потом, когда он написал прямо лично, а это значит, и я должен был быть подключен, потому что я же помощник. Если бы был общий документ, тогда я не имел бы права лезть с этим документом к Михаилу Сергеевичу. А так я сразу, я помощник по науке, по образованию, по культуре. И еще одна деталь. Михаила Сергеевича, в общем-то, и не требовалось особенно убеждать, потому что он отнесся, я бы сказал, как политик, и, в то же время, как человек, который уважает науку, университетчик и пр. Но Михаил Сергеевич вашу записку Александра Александровича не просто куда-то отправил, он поставил на Политбюро, и было заседание Политбюро, где Горбачев выступал в качестве докладчика и предлагал обсудить. Такой был порядок, такая была жизнь. Тут ничего не сделаешь. Некоторые вопросы, кстати, в таком обществе решаются более эффективно, чем в демократическом обществе. Демократическое общество может утопить в дискуссиях, а тут такой авторитаризм. Он доложил, не было ни одного слова возражения, есть там документы, когда Политбюро приняло решение согласиться с тем, что сказал Горбачев, на основании письма академика Баева. И второе, это поручение Совету Министров и т.д. У вас, когда Вы пишете о геноме человека, Вы этого избегаете, может, это и не нуж-

но, что все-таки Горбачев и Политбюро решили, а уже Совет Министров, Рыжков приняли к исполнению «по стойке смирно». Такой был порядок. И потом пошла ваша работа, пошли деньги, огромные деньги были выделены, в том числе в валюте, миллионы, по-моему, долларов было. Все уже пошло, потому что было исходное это решение Политбюро о том, чтобы ваша программа генома человека развивалась, так что никуда Вы не открутитесь от связи с партийным решением, от Политбюро и т.д. Может, кому-то неприятно, ну, Совет Министров еще куда ни шло... Но имейте в виду, на самом деле было решение Политбюро.

Ему было сколько?

★ ★ ★

А.И. Полетаев. В 1963 г. ему было пятьдесят девять лет. Откуда я это все знаю, я знаю потому, что я был секретарем партийной организации. Пришел Баев к Готтиху, привел его за руку – есть такой сотрудник, которого надо взять в Институт. А вопрос шел о том, что почти не было членов партии в Институте, было их безумно мало, а надо укреплять партийную прослойку, значит, дело попало в руки секретаря партийной организации: «Александр Александрович, а не хотите ли Вы взять на эту вакантную должность коммуниста?» Он посмотрел и сказал: «Я с удовольствием, но посоветуйте мне способного молодого биохимика-коммуниста, не могу найти». И потом зашел разговор, я посмотрел на него совершенно неожиданно и говорю: «Александр Александрович, а Вы сами не хотели бы вступить в партию?» Он потрясенно посмотрел на меня, потом оказалось, что это очень трудно. Когда я пошел в райком партии – да Вы что, кому нужен этот старик, да еще сидевший и т.д. И тогда у нас был вторым секретарем райкома, Вы его наверняка знаете, Сергей Георгиевич Щербаков, который был заведующим отделом ЦК. Я к нему пошел на прием, очень интересный человек, и зашел разговор о Баеве. Он

вызвал председателя этой комиссии по приему и сказал ему так: «Я, конечно, Вас понимаю, что это такой...». А тот: «...никогда не был в партии». Старик был, который председатель комиссии по приему в партию... А Щербаков сказал: «Это надо для дела, это укрепляет партийные позиции, это ведущий сотрудник Института», и так это дело пошло. Я думаю, частично карьере Александра Александровича это помогло, академик – член партии.

***

Л.Л. Киселев. Радиация была введена как проходной балл и как способ получить поддержку у других физиков – Арцимовича, Курчатова и т.д. Я вспоминаю об этом потому, что тогда существовала большая проблема с российской философией, потому что российская философия была лысенковской. Это была такая дремучая ситуация, которую обойти было невозможно. Это был тот фланг, с которого на нас постоянно давили. И нам так объясняли, что очень хорошо. И в этой ситуации, был Иван Тимофеевич, который писал нечто совершенно не каноническое, где очень спокойно, академично объяснял, что диалектический материализм никакого отношения к лысенкоизму не имеет, что все это с философских позиций не проходит. Это имело колоссальное значение, потому что это был тот самый фланг, который был обнажен, потому что один вид не превращается в другой, мы это и так знаем, а это было очень и очень важно. И Владимир Александрович, с которым мы много раз на эту тему говорили, он говорил: «Это чрезвычайно важно, потому что именно здесь нужно говорить, бить и т.д.» Поэтому я хочу выпить за здоровье Ивана Тимофеевича, потому что мы должны помнить о том, что было давно, потому что не все помнят; это уже история, но история должна писаться правильно. И я хочу сказать Ивану Тимофеевичу, что много людей это очень хорошо помнят и очень высоко ценят. Потому что то, что сейчас

ругает Лысенко каждый второй, потому что это безопасно, потому что это очень легко и просто, и совсем время другое. Тогда это все было совсем не так, и никогда не было известно, чем это могло кончиться, такие высказывания. Такая ситуация, мягко говоря, была неустойчивая. Поэтому спасибо Вам.

★ ★ ★

И.Т. Фролов. Все-таки Нобелевскую премию присвоили потом Владимиру Александровичу, и институту присвоили имя.

Еще был один гениальный человек в вашей системе – Белозерский.

Л.Л. Киселев. Для них это название Института, а для меня это живой человек. Я сдавал ему экзамен для поступления в университет. Андрей Николаевич сидел в комиссии. Это было в первый раз, когда я его увидел, это был 1954-й г. И он меня спросил, у него очень характерный голос, как Вы помните, он сказал: «Молодой человек, а каких Вы знаете птиц?» А я перед этим сказал, что хочу быть биохимиком. Я подумал и сказал: «Ворона». Андрей Николаевич улыбнулся и говорит: «Ну а если еще?». Я с отчаяния сказал: «Курица». Он так захохотал. А потом он меня встречал и всегда спрашивал: «Вы же орнитологией заниматься не будете?»

И.Т. Фролов. А я с ним в рабочем порядке столкнулся тогда, когда Келдыш образовал комиссию по реабилитации Николая Константиновича Кольцова. Я к тому времени в «Вопросах философии» опубликовал статью Рокицкого, где снималось самое главное обвинение против Николая Константиновича – евгеника. Евгенический журнал, евгеническое общество. А ведь до сих пор у нас в академии нет института генетики человека. Это все идет от предрассудков евгеники. Такая бумага, назначить комиссию по рассмотрению наследия Николая Константи-

новича Кольцова. Конечно, Овчинников во главе, а потом рукой Келдыша написано: «Плюс Фролов И.Т.». Меня пригласили на эту комиссию. Я опирался на статью, которую я опубликовал в журнале «Вопросы философии» до этого, Петра Фомича Рокицкого, крупного нашего генетика, он в Белоруссии жил. Я опубликовал с большим страхом и риском его статью о Кольцове. Потом я просто сделал из статьи Рокицкого, мы были с ним в очень близких, дружеских отношениях, я сделал резюме и сунул этой комиссии. Заседаем. Овчинников там ерепенился много. Я к нему хорошо отношусь, но у него бывали такие всплески. А потом Белозерский сказал: «Хорошо, но мы же имеем экспертизу от философов насчет евгеники. По-моему, этот вопрос должен быть снят. А дело в том, что все сняли, все обвинения с Николая Константиновича Кольцова, за исключением одного – поддерживал евгенику. В то время нацисты в Германии – я до сих пор считаю, что это была провокация, – они ссылались на Кольцова и Серебровского, они их подставили, спровоцировали. Потом опубликовали, Президиум принял такое решение, и Институту биологии развития присвоили имя Кольцова.

Л.Л. Киселев. То, что дали имя Кольцова Институту, это было огромное событие, я был просто поражен, зная всю ситуацию.

И.Т. Фролов. А Астауров еще до этого поставил портрет Николая Константиновича Кольцова. В то время это имело огромное значение. А что интересно, вам, биологам, Астауров Борис Львович, которому я обязан всем, он писал на мои книги рецензии, на «Генетику и диалектику», он, Борис Львович, не был убежден, что имя Кольцова останется в науке и т.д. А Вы знаете, что я так детально изучал его эту сводную работу «Организация клетки», и считаю, что Кольцов, я об этом написал в своей книге, но никто не заметил, он был предвестником этого открытия Уотсона и

Крика. Он выдвинул идею двойной спирали, но только он считал, что это белок, не ДНК, а белок.

Л.Л. Киселев. Была такая статья безупречная. Я своими глазами читал.

Я.Д. Свердлов. Не надо, я тоже внимательно читал. Такое общее абстрактное рассуждение, подобное тому, как греческие философы рассуждали об атомах. Безусловно, Кольцов говорил о матричном синтезе белка на белках. Но это никак не умаляет величия Кольцова. Великий человек, его евгенические идеи – великие идеи, имеющие под собой серьезные основания.

И.Т. Фролов. Я горжусь, в то время, когда о Кольцове даже говорить нельзя было, я о нем написал. Хотите Вы изучать эту историю – пожалуйста, а не хотите... Я поэтому сегодня сказал, что история – это ряд личностей, атомистское представление у меня об истории. Был Кольцов и больше ничего. Русское евгеническое общество, терроризм и прочее – это ерунда. Его арестовывали за то, что, как в фильме «Мост», пришел к нему какой-то террорист и сказал: «Мы вам вручаем наши деньги». – «А почему?» – «А потому, что Вы очень высоконравственный человек». Хранил, а его за это арестовали, а он говорит: «Я даже не знал, что я храню». Он говорит, что ему Лысенко и его сторонники говорят, в том числе Слепков, я это и в книге своей написал: «Вы не сторонник диалектики, Вы сторонник какой-то механистической философии» и т.д. А он подумал и говорит: «Да, Вы знаете, я должен сказать, я механист». Наивный человек, ему ничего не нужно. Я историю вашу знаю очень подробно, в это время Вильгельм Ру, механика развития и т.д., и Кольцов на это реагировал: «Я, говорит, я просто механист». Это так смешно, а в то же время, что мы утратили в это время. Я постарался показать в этой своей книге. Там не все, конечно, сделано. А знаете, как книга была написана? В это время меня пригласили на

работу в ЦК. А у меня только одна идея: наука, генетика, философия. Когда я пришел туда, и мой шеф, секретарь ЦК, сказал: «А что Вы, работайте, продолжайте работать». У вас ни у кого не было такой уникальной возможности, я тогда сказал: «Все. Можете мне обеспечить все, включая архивные материалы по истории советской генетики?» Да. И я сижу там в кабинете, я помощник, а мне приносят архивные, в том числе материалы, которые никто в то время из историков изучать не мог. И я сижу и пишу это. И к Горбачеву так попал. Когда меня рекомендовали, чтобы я был его помощником, хотя мне его взгляды в это время не очень импонировали. Мы первый раз с ним встретились, и он говорит: «...я хочу, чтобы ты стал помощником». А я ему говорю: «А как же мои книги? Вы знаете, я все время пишу книги». Он говорит: «Сиди и пиши». Конечно, это все оказалось блефом, потому что я начал заниматься организационной работой. «Сиди и пиши, а больше ничего от тебя не надо». Зачем-то я ему нужен был...

Слушатель. Чтобы создать программу генома человека.

И.Т. Фролов. Да! Сегодня мы его чествуем. Это все те, кто это все делал.

Слушатель. Вы напишете когда-нибудь о том, о чем не говорили?

И.Т. Фролов. Да.

Приложение 1

Рецензии и отклики на передачи «Философские беседы»

Открытая философия⁸

В начале этого года телезрители вновь встретились с участниками философских бесед. На этот раз цикл открылся передачей «Истоки и традиции философии», в которой было дано современное истолкование историко-философского процесса. Каждый месяц идет доверительный разговор с экрана видных советских философов, ученых, писателей с людьми, которых интересуют глубинные проблемы бытия, человеческого существования, смысла истории.

Прошел год с тех пор, как состоялась первая беседа. На какие же размышления наталкивают эти встречи?

Стали общим местом упреки в адрес общественных наук, в том числе и философии, в отрыве от жизни, в схоластике. Об этом свидетельствуют и почта редакции «Правды», и письма, которые приходят на телевидение. Как пишет, например, И. Головлев, «с горечью приходится констатировать, что за 65 лет со дня смерти Ленина марксизм-ленинизм не обогатился каким-либо теоретическим положением, которое выдержало бы проверку временем. То говорит о бесплодности наших философов». Что можно ответить читателю? Да, были самонадеянность и уверенность некоторых ученых в собственной непогрешимости, попытки «научно» оправдать существующее положение дел. И это не могло не отталкивать людей, вело к падению престижа философов. Многие воспринимали философию

---

⁸ Правда, 1989 г. 13 февр.

как отвлеченную науку, далекую от духовных потребностей общества, «закрытую» для него. О причинах этих явлений шел откровенный разговор с телеэкрана.

И все же нельзя отрицать поступательного движения нашей философской мысли. Такое движение – часто вопреки обстоятельствам – было. Как сказал в одной из бесед ведущий этого цикла академик И.Т. Фролов, не философия ответственна за то, что по ряду причин «некоторые философы действовали, поступаясь своим научным и нравственным долгом. Не следует надевать на эту великую науку дурацкий колпак». Вот лишь один пример. Сейчас много говорится об общечеловеческих ценностях. Но кто как не философы стали пионерами в постановке глобальных проблем, выступали с требованием социально-этического регулирования научных исследований, поворота к человеку на деле, а не на словах?

Разве философия виновата в том, что политики в не столь уж далекое время не прислушались к гуманистической интерпретации социализма и марксизма, не захотели уяснить и претворить в практику великую идею, что все в жизни общества должно оцениваться человеческим измерением? В годы застоя философия гуманизма оказалась невостребованной. Сейчас важно в полной мере использовать возможности для установления реальных связей, казалось бы, абстрактных философских принципов марксизма с тем, что происходит в жизни. Об этом, в частности, шла речь в беседах, посвященных человеку, науке, обществу, перестройке, новому мышлению. Можно сказать, что проблема человека стала сквозной для цикла бесед. В нынешней ситуации философы обращаются к реальному человеческому общежитию со всеми его сложностями и часто весьма мучительными противоречиями. Они должны четко видеть жизненные,

далеко не решенные проблемы, а не просто конструировать абстрактные идиллические картины. И одна из таких проблем, о которой говорили участники бесед, – необходимость изживать рецидивы технократизма в социальной политике. Человек – главная ценность нашего общества, именно в его интересах происходит перестройка.

Радикальные социальные преобразования невозможны без кардинальных сдвигов в толще массового сознания, без определенного изменения его мировоззренческих основ. Мировоззрение, как отмечалось в ходе бесед, – это не просто набор научных, политических, философских, нравственных и т.п. знаний. Это прежде всего главное жизненное убеждение человека, от которого зависят его социальная позиция, образ действий. Мировоззрение людей нельзя сводить к одному-единственному знаменателю, и в этом смысле можно говорить о своего рода плюрализме мировоззрений.

Не случайно то большое внимание, которое уделили участники философских бесед вопросам экологии, взаимоотношений человека и природы, выработке экологического мышления. Наряду с философами эти проблемы в цикле бесед обсуждали и крупные ученые других областей знания – академики Н.Н. Моисеев, А.Л. Яншин и писатели, в том числе С.П. Залыгин. Подчас, рассуждая о проблемах взаимодействия человека и природы, мы представляли их чем-то второстепенным, подчиненным социальным вопросам, не учитывая приоритет общечеловеческих ценностей. Важно, что экологические проблемы рассматривались в ходе бесед как важнейшая составная часть нового мышления.

Наше общество вступило в период революционного социального обновления. Возрастает стремление лучше понять законы общественного развития, осмыслить ход

истории. И, бесспорно, это невозможно сделать без обращения к философии. Как отмечали участники бесед, философский подход к социальным проблемам не означает какого-то олимпийского спокойствия. Это прежде всего критическая, аналитическая работа, призванная выявить глубинные причины исторического процесса. Мы много пишем и говорим о противоречиях нашего исторического развития. Задача философов не просто фиксировать отдельные факты, а осмысливать диалектику, целостность исторического движения.

В свою очередь, без обращения ко всему накопленному богатству культуры человечества, к истории философии невозможно действительно продуктивное, творческое движение философской мысли, как и освоение материала, предоставленного современной социальной практикой и научным познанием. Исходя из этого, в телепередачах особое внимание уделяется месту философии в истории культуры, а также проблеме развития цивилизаций. Той же цели послужит и запланированное на нынешний год приложение к циклу передач, включающее беседы о великих философах, в том числе русских, прежде всего тех, чье творчество замалчивалось (В. Соловьев, Н. Бердяев, П. Флоренский, В. Розанов и др.).

Очень непросто популярно излагать сложные философские проблемы, не впадая в то же время в примитивизацию. Упрощенное понимание философских истин не способствует самостоятельной и напряженной работе мысли, более того, – отучает мыслить. Лучшие передачи цикла убеждают: чтобы подняться на современный уровень философской культуры, зрителю и слушателю необходимы определенная эрудиция, усилия духа. Беседы на телеэкране помогают решению этих задач – несут высокий просветительский заряд, знакомят широкую аудиторию с новой философией.

Последнее утверждение может показаться, на первый взгляд, странным, ведь миллионы школьников усваивают азы философии за партой, ее изучают студенты вузов. И все-таки мы настаиваем на этом слове: «знакомят», ибо преподавание философии в учебных заведениях до такой степени заформализовано, что скорее отталкивает, чем привлекает молодежь. Содержание учебников ориентировано не на вчерашний, а даже на позавчерашний уровень развития этой важнейшей мировоззренческой дисциплины. Поэтому не только людям, никогда не державшим в руках философскую книжку, но и тем, кто «проходил» диамат и истмат, должно быть интересно послушать мнения ведущих философов по животрепещущим проблемам современности.

Телевизионный цикл, несомненно, – реальный шаг на пути повышения престижа философии в массовом сознании, ее движении навстречу обществу. В этой связи нельзя не посетовать, что порой передачи принимают «полукоткрытый» характер, участники их замыкаются в рамках своей беседы, кажется, забывая о тех, кому программа адресована.

Философия – и об этом убедительно свидетельствуют беседы на телеэкране – повернулась лицом к обществу. Хочется надеяться, что этот поворот замечен, что это обращение услышано. Общество не останется к ней равнодушным. Оно нуждается в открытой философии и само должно быть готово к встрече с ней. Это «высокое соприкосновение» не может возникнуть сразу, нужны взаимные усилия, совместные поиски, в ходе которых будет вырабатываться новое философское мышление.

Наберемся терпения и будем работать, помогая друг другу. Тогда у нас все получится, и не только с философией.

В. Керимов, В. Мудрагей

Философия на ТВ⁹

Отечественной философии еще предстоит реабилитировать себя, вернуть себе право на самостоятельный поиск истины, отказавшись принимать ее из третьих рук, не на словах, а на деле откреститься от закостенелости и догматизма.

Одно из свидетельств перемен в советской философской науке – телевизионные «Философские беседы». Внушает доверие уже сам состав их участников. В ту пору, когда их более удачливые и расторопные коллеги стремительно набирали очки на лучезарных прозрениях очередного «отца народов», у них доставало мужества и таланта оставаться философами. С ними можно спорить, но нет оснований подвергать сомнению их научную порядочность. Трудями исследователей этого круга, где-то осторожно, но упрямо, где-то отчаянно и тяжело, укоренялись способы философствования, благодаря которым сейчас во многом не приходится начинать с нуля.

Прямо или косвенно в «Философских беседах» затрагивается спектр вопросов сколь наболевших, столь и неминуемых. Анализ демократических социальных структур, самосознания человека, сущности гуманизма, экологических кризисов – актуальность этих тем совершенно очевидна. Без трезвого, свободного от иллюзий и сиюминутных идеологических спекуляций взгляда на эти проблемы не обойтись.

Во второй половине XX века философия больше не вправе позволять себе быть орудием конфронтации, подозрительности, непрекращающейся вражды людей и стран. Пора также расстаться с наивной трактовкой марксизма как одинокого Эвереста современной философии. Необходим диалог. Один из примеров его – приглашение

---

⁹ Литературная газета. 1989 г. 8 марта.

на «Философские беседы» мыслителей Запада и представляющего Русскую православную церковь митрополита Питирима.

Поощрение контактов с западными философами, помимо прочего, привлекательно еще и тем, что контакты эти могут содействовать интенсивному включению в мировое философское сообщество готовых к этому исследователей из СССР.

Еще одна положительная сторона «Философских бесед» – при их посредстве самая широкая аудитория имеет возможность получить представление о собственно философской деятельности. Это и непринужденное рассуждение философа, демонстрирующее особенности его индивидуального стиля, и обмен мнениями с коллегами.

Разумеется, далеко не все в «Философских беседах» вселяет безоговорочный оптимизм. Нередко в передаче проскальзывает поверхностность, недоговоренность. Передача страдает от некоторого однообразия выразительных средств, вялости драматургии, иногда отсутствия острой полемики.

Перечень недочетов можно было бы продолжать. В значительной степени они отражают то непростое положение, в котором находится советская философия, мучительно переживающая радикальность изменений в своих глубинных началах. Однако при всех недостатках передачи в ней – что самое важное – исподволь формируется стиль философствования, заслуживающий всяческой поддержки. Пожалуй, есть у нее и резервы. Стоило бы, на мой взгляд, не только увеличивать число острых тем, к которым в конце концов философия не сводится, но и шире обращаться к истории мировой философии и культуры. (В той связи мне показалась несколько завышенной критичность отклика А. Гулыги в № 6 «ЛГ» по поводу последней передачи цикла, посвященной истокам и тради-

циям философии. Автор упрекает передачу за то, что она обратилась к Сократу и Канту, а не к Соловьеву и Розанову. Стоит ли их противопоставлять? Тем более что, судя по объявленной в начале года программе, разговор о русском идеализме пойдет в одной из ближайших передач.)

В целом же хочется сказать, что «Философские беседы» – одно из звеньев в цепи вдохновляющих начинаний наших дней.

Сергей Паньковский, аспирант, Минск

Легко ли слыть кумиром? ¹⁰

Никогда еще потребность в связном, разумном сознании не ощущалась так остро, как в наши дни. На экране – «Философские беседы». Дискутируются вопросы о роли философии в истории, о человеке, о жизни, смерти и бессмертии, о культуре и цивилизации. Казалось бы, может ли снискать популярность программа, в которой в основном обсуждаются отвлеченные вопросы? Особенно сейчас, когда открыто сказано о недавних теоретических догматах?

Между тем программа пользуется успехом. У нее есть своя аудитория, довольно большая, состоящая к тому же из различных социальных слоев. Прежде всего, обостренный интерес к программе у преподавателей философии, огромного массива вузовских работников. Неудивительно: им приходится читать лекции, проводить семинары в условиях, когда учебники безнадежно устарели, а новые пособия еще не появились. Пробивающаяся с экрана острая полемическая мысль, напряженный обмен мнениями создают пространство для творческого поиска в общественных науках.

---

¹⁰ Гуревич П.С. Приключения имиджа. М., Искусство, 1991. С. 183–185.

Но «Философские беседы» рассчитаны не только на специалистов. Хотя разговор в них ведется в основном на языке профессионалов, эта передача привлекает актуальностью метафизических прозрений, рождающихся интуиций. Она отвечает потребности любого человека выработать собственную жизненную позицию, проникнуть в ядро ценностных ориентаций.

Но, может быть, потребность в мировоззрении – редчайшее свойство, уникальный феномен? Возможно, человек спохватывается о нем лишь в кризисной ситуации, в момент душевного слома, поиска новых идеалов, в ситуации альтернативного напряженного выбора?

Мировоззрение сопутствовало людям в течение веков и тысячелетий. Но вдруг в социально-философской литературе возник вопрос: стало ли оно реликтом? Не достаточно ли человеку сиюминутных реакций на происходящее или прецедентов чужого опыта? Вспоминаю встречу с американским социологом Даниэлем Беллом. Это крупный ученый, автор весьма распространенных на Западе концепций. Именно он в 60-е годы выступил как автор и комментатор концепции деидеологизации, то есть крушения идеологических систем.

– Господин Белл, – спросил я его, – верно ли, что Вы предлагаете заменить метафизические искания конкретным экспертным знанием?

– Именно так. На протяжении многих веков людей интересовали жизненные вопросы: зачем живет человек? В чем смысл его существования? Как Вы полагаете, откуда можно было взять ответ на эти вопросы?

– Ну мне кажется, из философских размышлений, теологических откровений, нравственных исканий, наконец...

– Стало быть, Вы признаете, что постановка этих вопросов носила крайне умозрительный характер. Таковы

же были и ответы. Мифология, религия, идеология, разумеется, содержали манифесты на тему о том, как жить, к чему стремиться. Но вот вопрос – насколько научными, проверенными были эти рассуждения? Ведь все это продукт чистой мысли.

– А разве современная наука может ответить на вопрос, в чем смысл жизни?

– Нет, не может. Но она продвигается к решению этого вопроса строго аналитическим, я бы сказал, научно выверенным путем. В этом суть моей концепции. Идеологии отмирают, рождается экспертное знание.

Последующие десятилетия принесли ошеломляющее открытие. Оказалось, что стремление изъять мировоззрение из общественной жизни не только утопично, но и чревато непредвиденными последствиями. В этой ситуации поведение индивида становится общественно немотивированным, нередко аффективным, излишне эмоциональным и даже разрушительным. Общество распадается. Отсутствие идейной общности порождает множество проблем, которые оказываются, в сущности, неразрешимыми, ибо ничто не способно компенсировать, заместить так или иначе осмысленного видения мира.

Ведет «Философские беседы» академик Иван Тимофеевич Фролов. Он многие годы разрабатывал проблемы человека, явился инициатором создания и директором Института человека. Иван Тимофеевич сам предлагал темы будущих бесед, сам определяет круг специалистов, которые могли бы обсудить проблему. Среди постоянных участников программы – член-корреспондент АН СССР В.С. Стёпин, доктора философских наук В.А. Лекторский, Н.В. Мотрошилова, ведущий научный сотрудник Института философии Э.Ю. Соловьев. Но не только философы участвуют в дискуссиях. Частые гости передачи – члены-кор-

респонденты АН СССР С.С. Аверинцев, В.Л. Янин, писатель Сергей Залыгин и другие.

Обсуждая проблему, участники беседы предлагают нетривиальное ее решение. Нередко сталкиваются разные точки зрения, высвечиваются различные стороны и грани темы. В 1989 году передача использовала телевизионные вставки, которые значительно оживили сами дискуссии. «Философские беседы» сегодня отвечают потребности массового зрителя войти в сферу метафизических вопросов.

Д-р филос. наук П.С. Гуревич

Размышления у телеэкрана. Мысль о мысли¹¹

Своеобразный эксперимент провели во Франции. Одновременно по трем каналам национального телевидения были показаны три специально подготовленные программы. Одна представляла собой репортаж о захватывающем спортивном поединке. Другая – художественный фильм, рассчитанный на любителей серьезного искусства. По третьей транслировалась беседа ученых, которые обсуждали философские проблемы материи и духа.

Три разные программы шли в тот час, когда едва ли не каждый француз устремляется к домашнему экрану. Замышляя одновременный показ, социологи и психологи хотели собрать данные, какая программа привлечет большее число зрителей. Естественно, пытались предугадать и итог эксперимента.

Результаты эксперимента опрокинули все гипотезы. Зрители отдали предпочтение научно-популярной бесе-

---

¹¹ Советская культура.1989 г. 5 авг.

де. Впрочем, в нашей собственной телевизионной практике есть свой уникальный опыт. Я имею в виду программу «Философские беседы».

Передачи этого цикла посвящены самым общим, вводящим вопросам, которые в философии называют предельными, конечными проблемами бытия. Зачем нужна философия? Как устроен мир? Что такое человек? В чем смысл жизни? Совместимы ли смерть и бессмертие? Как соотносятся культура и цивилизация?

Казалось бы, может ли снискать популярность программа, в которой обсуждаются в основном отвлеченные вопросы? Всем известно, как заметно снизился интерес студентов к философии, не вызывают энтузиазма и теоретические догмы, о которых теперь говорится открыто...

Между тем у программы сложилась своя аудитория, довольно значительная. Она неоднородна. Прежде всего обостренный интерес к «беседам» у преподавателей философии, огромного массива вузовских работников. Пробивающаяся с экрана острая мысль, напряженный обмен мнениями создают пространство для творческого поиска в общественных науках.

Но «Философские беседы» привлекли внимание не только специалистов. Этот феномен требует специального анализа. Пока же ясно одно – люди тянутся к философским интуициям. Об этом позволяет судить и почта «Философских бесед».

Однако не впадаем ли мы в идеализацию? Неужели человек и в самом деле горюет без метафизических святынь? «Философские беседы» показывают, что никогда потребность в разумном сознании не ощущалась так остро, как в наши дни. Тяга к одухотворяющим истинам – существенный признак современного сознания. Человек хочет знать, чем он отличается от остального природного мира. В чем нравственная суть истории? Беспредельны ли границы

познания? Одинок ли человек во Вселенной? Управляется ли мир разумом? Может ли счастье быть целью общественного прогресса?.. Однако телевидение – не библиотека. Здесь нужны специфические средства, чтобы раскрыть сокровищницу знаний. Это и просвещение, но и зрелище. Когда на фоне органной музыки на экране возникают лица мыслителей разных эпох, мы входим в атмосферу рождающейся мысли. Мы ощущаем эстафету мудрости... Телевидение немыслимо без личности. Здесь важно не только то, что произносится с экрана. Еще важнее, кто это утверждает, кому принадлежит суждение. «Философские беседы» ведет академик Иван Фролов. Имя его известно не только философам. В годы застоя он отстаивал достоинство генетики, разрабатывал философско-антропологическую тему. Этим определяется авторитет ведущего, который сам предлагает темы будущих бесед, определяет круг специалистов, способных участвовать в обсуждении.

Но зрителя трудно покорить внушительными заслугами. Он тянется на экране к человеческому образу, пытается сам разгадать его сущность. Чем поддерживается в «Философских беседах» привлекательность персонификации? Ведущий не только высказывается, он умеет и слушать. Приглашенные на передачу вызывают у него острый интерес. Иногда удивление, нередко – несогласие...

Целая гамма настроений ведущего проигрывается на протяжении передачи... потребность в диалоге – реальный запрос времени. С этого года «Философские беседы» стали намного интереснее.

Просматриваются перспективы. Несомненно, это заслуга и постоянных участников передачи – директора Института философии АН СССР, члена-корреспондента В. Степина, члена-корреспондента АПН В. Зинченко, видных советских философов Н. Мотрошиловой, В. Лекторского, Э. Соловьева и других. Но в программе участвуют не толь-

ко философы. Среди гостей – писатель С. Залыгин, естественник академик Н. Моисеев, историк член-корреспондент В. Янин, литературовед С. Аверинцев, священник отец Питирим.

Спор предполагает не только разные позиции, но и различные персонификации. Мягкая, женственная Н. Мотрошилова и проповеднически темпераментный Э. Соловьев, рассудительный В. Степин и диалогичный В. Лекторский, домашний С. Залыгин и эпически внушительный отец Питирим...

Поиск образа на экране в передачах этого года сопряжен с импровизационностью. Крупные планы участников спора не только в момент выступления позволяют как бы следить за тем, как рождается высокое напряжение мысли. Слово «огонь», мелькнувшее в выступлении С. Аверинцева, позволяет М. Мамардашвили заговорить об очищении, безумии слова, без которого немислимо появление философии.

Что такое философия? Какую роль играет она в истории человечества? А вот еще направление телевизионного канала. В общее повествование входит вставной сюжет. Один из участников дискуссии, Э. Соловьев, как бы «выходит на авансцену». Камера дает крупный план для развернутого самостоятельного монолога. Философ рассказывает о судьбе античного мыслителя Сократа. Суд приговорил его к смертной казни, которой мудрец мог бы избежать. Надо было лишь прибегнуть к отречению от собственных взглядов. Сократ, как известно, сам добровольно выпил бокал с ядом. Этим поступком он показал, что философия не просто свод мнений, легко заменяемых сообразно конъюнктуре... Будучи взглядом на мир, философия воплощает в себе убеждение, человеческую позицию, ради которой можно поступиться жизнью...

Программа, посвященная человеку как уникальному феномену Вселенной, началась с двух мыслей К. Маркса. Человек зависит от общества. Но ведь и общество зависит от человека... Две грани этой проблемы стали истоком дискуссии. Казарменный социализм предполагает стирание индивидуальности. Безымянная фишка, аквариум разъединенных людей. Это не абстракции. Телевидение включает в передачу документальные кадры нацистских шествий, сталинской повседневности. Сочетание мысли и документов рождает особый эффект...

Многие годы мы уходили от обсуждения таких экзистенциально окрашенных тем, как проблемы жизни, смерти, бессмертия. Эти вопросы считались по существу запретными. Но ведь эти темы занимают важнейшее место в духовном мире человека. Искусственное отторжение их рождает кризисные процессы. И вот специальная передача на эту тему. Разговор, включающий в себя и верование, и научные резоны.

Передача «Философские беседы» находится в процессе дальнейшего становления. Можно надеяться, что она приобретет большую полемичность. Ведь пока размежевание позиций не всегда происходит. А хочется не обмена мнениями, а дискуссии острой, непримиримой... Когда и сюжетом, и нервом передачи становится мысль, разнозряженность позиций, напряжение несовпадений сможет придать передаче большую драматургичность. Вероятно, стоит подумать о постоянных «масках» внутри передачи. Резонер, пессимист, полемист, энтузиаст – да мало ли какие образы могут сложиться при стремлении к более резкой персонифицированной очерченности. Наконец, стоит, судя по всему, приблизиться и к острым, повседневным проблемам, затрагивающим судьбы перестройки.

Люди тянутся к осмысленной картине происходящего, стремятся воссоединить элементы своего социального и

индивидуального опыта. Они ищут ответы на конечные вопросы бытия, потому что в этих ответах оправдание их жизни. Там, где утрачивается сознательность, где никнут запросы духа, вступает в свои права растительное существование. Влечение к целостной, неразъемной картине мира, – вероятно, трудно насыщаемая и в то же время глубинная потребность человека. Таковы, в частности, уроки «Философских бесед».

Д-р филос. наук П.С. Гуревич

Поиск истины¹²

Эти передачи диалогичны. И дело тут не в форме, а в сути. Обращаясь ли к проблемам человека или общечеловеческих ценностей, участники ее и постоянный ведущий «Философских бесед» академик И. Фролов не ищут разногласий и спора ради спора – как бы ни различались взгляды собеседников, они с разных позиций ведут совместный поиск истины. Именно в этом коллективном поиске суть диалога в его сократовском понимании. У «Философских бесед» нет заранее отработанных сценариев, расписанных реплик. Тут все решают тема и состав участников. Но диалог ведут не только корифеи нашей науки, но и мы вместе с ними.

Вот сегодня состоялось знакомство еще с одной беседой цикла «Культура и цивилизация». Можно ли в неполный телечас охватить всю огромность темы? Казалось бы, по каждой из проблем, очерченной ведущим, можно устроить многодневный «сократический марафон» – возьмем хотя бы вероятность кризиса культуры в современном мире или преобладание культурных традиций. Но, похоже, что академик Б. Раушенбах, писатель С. Залыгин,

¹² Советская культура. 1989 г. 11 марта.

член-корреспондент АН СССР В. Янин, доктор философии В. Рабинович и не ставили цели «объять необъятное». Гораздо важнее привлечь к раздумью, побудить к самостоятельному поиску, представить многомерность и сложность обсуждаемой проблемы.

Положим, мы много говорим о преемственности культуры. Но всегда ли понимаем этот процесс диалектически? Недаром В. Янин заметил, что наше растущее знание о прошлом меняет и представление о традиции, как полностью изменило его, скажем, открытие древнерусской живописи в начале XX в. Или такой момент. Профессор В. Рабинович рассказал, как идет работа над «Красной книгой культуры». Идея эта давно родилась. Но вот парадокс – возможно ли такое заглавие без знака вопроса. Ведь сама по себе идея заповедности культуры отдает нелепостью. Вопрос ведь в том, как распорядиться богатством – чтить его или все же «читать»? Культурная сокровищница не заперта во времени, не замкнута в пространстве, – лишаясь своей открытости, она превращается в свою противоположность.

Телебеседы отражают стремление разомкнуть рамки цеховых дискуссий и выйти на многомиллионную телеаудиторию. Мне кажется, передаче удалось преодолеть академичность, расширить состав участников. Ведь рядом с философами – историки, писатели, культурологи. А как обогатило диалоги участие митрополита Питирима, историка культуры С. Аверинцева. Представить публике созвездие имен, людей, по праву составляющих интеллектуальный потенциал общества, – уже ради этого стоило браться за дело.

А что думают телезрители? Если на первые передачи приходили считанные письма, то сегодня их сотни. И что интересно – пишут люди, никогда не изучавшие философии.

Я полагаю, будущие телебеседы дадут нам новую пищу для размышлений. Предстоит обсудить хотя бы такие темы – «Загадка жизни», «Традиции и особенности русской философии», «О смысле жизни, смерти и бессмертии», «Что есть истина?» – темы, подвластные только философии, необъятной как сама человеческая мысль.

Т. Меньшикова

Приложение 2

Сценарии, темы и проекты будущих передач «Философские беседы»

Заявка на цикл передач для Центрального телевидения СССР под условным названием «Горизонты будущего»

Человечество приближается к третьему тысячелетию. Каковы контуры будущего? Этот поистине «гамлетовский» вопрос не может не волновать человека.

Цикл передач «Горизонты будущего» призван очертить и рассмотреть круг проблем, которые сегодня называют глобальными. Материалы XXVI съезда КПСС, выступления руководителей партии и правительства, а также работы ученых уделяют анализу этих проблем все более пристальное внимание.

Перечень глобальных проблем бывает самый различный, однако обязательно включает: предотвращение мировой термоядерной войны и прекращение гонки вооружений; создание благоприятных условий для социального развития и экономического роста в мире; рациональное и комплексное использование естественных, природных ресурсов; эффективное решение энергетических, продовольственных и демографических проблем; прогресс в области образования и культуры и др. Эти и другие крупнейшие проблемы современности находятся в диалектической взаимосвязи с основными социальными процессами в современности, связанными с переходом от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Они в существенной

степени концентрируют в себе противоречия и сложности социального и духовного развития современной цивилизации и стали объектом острой идейной борьбы, столкновений мировоззрений.

В намечаемом цикле передач предполагается дать марксистскую трактовку глобальных проблем, выявить их влияние на научно-технические, социально-экономические, политико-идеологические процессы современности. Критическому анализу будут подвергнуты новейшие буржуазные концепции глобалистики. Эпоха глобальных проблем рассматривается в цикле передач как одна из ступеней приближения к коммунистической цивилизации.

Каждая передача данного цикла будет посвящена определенной проблеме. Наряду с постоянными ведущими в передачах будут принимать участие крупнейшие ученые, являющиеся специалистами в этой области. Обсуждение проблем предполагается дать в форме живого диалога, обмена мнениями.

Ориентировочный план передач прилагается.

В.В. Загладин, С.П. Капица, И.Т. Фролов

Ориентировочный план передач ЦТ СССР по глобальным проблемам

1. Глобальные проблемы как отражение особенностей развития человечества на современном этапе.

В.В. Загладин, Н.Н. Иноземцев, И.Т. Фролов

2. Мир и разоружение – важнейшая глобальная проблема современности.

В.В. Загладин, Е.К. Федоров

3. Установление нового мирового экономического порядка.

Р.А. Ульяновский, М.М. Максимова, сотрудники ИМЭМО и ИМРД

4. Человек и природа. Акцент передачи – на исторический обзор и подчеркивание особенностей современного этапа человеческой цивилизации.

5. Взгляд в будущее. Критический анализ современных моделей глобального развития.

6. Земля – только одна. Проблемы международного сотрудничества: недра планеты, Мировой океан, климат и его изменения, космос для народного хозяйства.

А.В. Сидоренко, А.С. Монин, М.И. Будыко, Ю.А. Израэль, Ю.П. Киенко, Б.А. Шаталов, сотрудники Института государства и права АН СССР

7. Ресурсы и социально-экономическое развитие.

А.В. Сидоренко, Н.П. Федоренко, ИМЭМО, Министерство геологии СССР

8. Энергетика XXI века. Традиционные, новые и возобновляемые источники энергии.

М.А. Стырикович, ГКНТ СССР, представители соответствующих министерств, проблемы международного сотрудничества в этой области

Технология будущего. Замкнутые циклы, безотходные технологии, опыт СССР.

Б. Н. Ласкорин, Научные советы АН СССР, министерства СССР

9. Земля, вода, атмосфера. Как их охранять? Мысль о невозможности сохранения первозданной природы.

10. Растения, животные, заповедники – вчера, сегодня, завтра. Международные аспекты сотрудничества в этой области.

11. Что такое преобразование природы сегодня? Крупномасштабные проекты, последствия их осуществления. Необходимость комплексного подхода.

12. Продовольственная проблема, деятельность ФАО, социально-политические аспекты этой проблемы.

13. Демографический «взрыв». Пути решения демографической проблемы: достоинства и недостатки, акцент на первоочередность социально-политических решений.

14. Проблемы человеческих поселений.

15. Глобальные проблемы науки, образования и культуры.

С.П. Капица и другие

16. Человек и его будущее.

И.Т. Фролов, Н.П. Бочков, Д.К. Беляев и др

Во всех передачах предполагается наличие ведущего, который вводит зрителя в обсуждение той или иной проблемы, останавливается на социально-политических и философских ее аспектах, служит «соединительным звеном» между различными авторами.

Постоянные консультанты цикла передач – *В.В. Загладин, И.Т. Фролов, С.П. Капица*

Для каждой передачи – свой сценарий с использованием архива Госфильмофонда СССР, имеющихся фильмов ЦСДФ, а также других киностудий страны.

«Философские беседы»

1989 г.

1. Истоки и традиции философии – 2 передачи (январь–февраль).
2. Культура и цивилизация (февраль).
3. Общечеловеческие ценности и приоритеты (март).
4. Личность и общество (апрель и май).
5. Перестройка и философия. Передача из ФРГ (апрель–май).
6. О смысле жизни, о смерти и бессмертии (июнь).
7. Жизнь и познание (июль).
8. Человек, человечество, человечность (август).
9. Наука и техника на службе развития (август–сентябрь).
10. Куда идем? Социализм сегодня и завтра (сентябрь)
11. К. Маркс и В.И. Ленин как философы (октябрь).
12. Традиции и особенности русской философии (ноябрь).
13. Направления и школы современной философии (декабрь).

1990 г.

1. Обсуждение учебника «Введение в философию». Ответы на письма (январь).
2. Новый гуманизм и глобальные проблемы (февраль).
3. О диалектике: мифы и реальность (март).
4. Гуманистический марксизм и сталинизм (апрель).
5. Нравственная философия марксизма (май), далее – по плану.

4 передачи из цикла «Великие философы».

«Философские беседы»

1. Перестройка, новое мышление и философия (январь).
2. Мировоззрение (февраль).
3. Человек (март)
  - а) мера всех наук,
  - б) возможна ли единая наука о человеке?
4. Бытие и природа (апрель).
5. Законы общества и смысл истории (май).
6. Кто мыслит диалектически? (июнь)

(+ диал. перестройки)
7. Загадка жизни и парадоксы познания (жизнь и смерть)

(июль).
8. Сознание (август).
9. Познание и научно-технический прогресс (сентябрь).
10. Маршруты прогресса (октябрь).
11. Культура и цивилизация .
12. Личность и общество: смысл жизни.
13. Нравственность.
14. Перспективы человека и человечества.
15. Глобальные проблемы.
16. История философии.
17. Традиции русской философии.

Темы передач «Философские беседы» (1988–1989 гг.)

1988 г.

1. Кто мыслит диалектически? (июнь).
2. Демократизация – обновление – гуманизм (июль).
3. Познание и сознание (август).
4. Философы мира о мире и человеке (2 передачи – сентябрь).
5. Человек, наука, техника (октябрь).
6. Загадка жизни и парадоксы познания (ноябрь).
7. Ответы на письма телезрителей (декабрь).

1989 г.

1. Истоки и традиции философии (январь).
2. Культура и цивилизация (февраль).
3. Личность и общество (март).
4. К. Маркс и В.И. Ленин как философы (апрель).
5. О смысле жизни, о смерти и бессмертии (май).
6. Задача жизни и парадоксы познания (июнь).
7. Немарксистская философия вчера и сегодня (июль).
8. Философия глобальных проблем (август).
9. Традиции и особенности русской философии (сентябрь).
10. Нравственная философия марксизма (октябрь).
11. Что есть истина? (ноябрь).
12. Ответы на письма телезрителей (декабрь).

**«Кто мыслит диалектически?»
(первый вариант сценария
телевизионной передачи 4-го июня 1988 г.
из цикла «Философские беседы»)**

Ведущий – И.Т. Фролов.

Участники – В.А. Лекторский, В.С. Степин, В.Ж. Келле, Н.В. Мотрошилова, С.П. Залыгин, Н.Н. Моисеев.

И.Т. Фролов открывает беседу, формулирует основные вопросы для обсуждения, рассказывает, почему диалектическое мышление приобретает особое значение в современном мире в связи с задачами перестройки, в свете глобальных проблем, в связи с проблемой человека как проблемой практики и современной науки.

В.А. Лекторский рассказывает о диалектике как об очень старом и в то же время очень новом способе понимать мир и человека. Перестройка предполагает преодоление не только старых социальных институтов и старых способов организации общественной жизни, но и многих стереотипов мышления. Административно-командной системе соответствует монолизм, новой создаваемой демократической структуре – дискуссия, диалог, поиск альтернатив, их сопоставление, раскрытие и разрешение противоречий. Диалектика как воплощение нового мышления. Диалектика как выражение творчества в социальной и духовной сфере.

Диалектика прошлого, настоящего, будущего. Проблема времени, проблема историзма как очень современные проблемы.

Революция в обществе, революция в науке, революция в мире духа и диалектика.

Формулируется вопрос для обсуждения: везде ли необходима диалектика, можно ли без нее обойтись, а если она

где-то нужна, то где именно? Дается ответ как выражение позиции, о которой следует поспорить.

Другой вопрос: в чем роль и польза философских трактатов о диалектике (в отличие от реальной диалектики).

В.С. Степин. Диалектика в науке и технике. Современная научная революция и диалектика. Где работает диалектика в науке? В чем роль философского (диалектического) осмысления науки? Нужно ли оно и в чем его польза?

В.Ж. Келле включается в дискуссию о том, где и кому нужна диалектика как особый способ понимания. Затем переходит к анализу противоречий современного социализма. Противоречия до перестройки, в ходе самой перестройки, противоречия застоя и противоречия развития. Что делать с противоречиями: примирять и сглаживать или же обострять и разворачивать? Противоречие между сторонниками и противниками перестройки, перспективы его развития, может ли оно быть разрешено и как именно. Другие противоречия. Новые противоречия, которые необходимо возникнут в ходе экономической реформы и демократизации. Как быть с ними?

Н.В. Мотрошилова включается в дискуссию о социальных противоречиях и о диалектике в общественной жизни. Специально подробно говорит о новом мышлении и связывает его с мировым процессом развития цивилизации.

С.П. Залыгин и все остальные участники беседы подключаются к дискуссии о современных противоречиях социализма и к разговору о том, где сегодня нужна, где работает и как работает диалектика.

И.Т. Фролов заключает беседу.

Перестройка и философия

Сегодня у нас необычная передача из цикла «Философские беседы». Но прежде надо сказать, что «Философские беседы» привлекли внимание не только телезрителей нашей страны: мы получаем заинтересованные отклики на них из Болгарии, ГДР, других европейских стран. В начале этого года телевидение ФРГ, где в эфир также ежемесячно выходит аналогичная передача «Философия сегодня» и где ознакомились с видеозаписями ряда «Философских бесед», выступило с инициативой подготовить для западногерманских и западноберлинских телезрителей специальную передачу, посвященную проблемам перестройки в философии нашей страны. Это соответствует пожеланиям наших телезрителей знакомить и вести прямой диалог с представителями разных направлений современной философской мысли. Так родилась передача, которую Вы увидите сегодня. Она, во-первых, кратко знакомит западных телезрителей с одной из «Философских бесед». Во-вторых, она включает в себя части интервью, которое ведущий «Философских бесед» академик И.Т. Фролов во время его пребывания в Бонне (в связи с конференцией партии «зеленых») дал редактору программы «Философия сегодня» Ульриху Бёму. В-третьих, Вы увидите запись теледискуссии, состоявшейся [3 февраля] в Кёльне. В ней наряду с западногерманскими и западноберлинскими учеными по приглашению телевидения ФРГ приняла участие доктор философских наук, профессор Н.В. Мотрошилова, которую телезрители могли видеть и слышать в ряде «Философских бесед».

Тема дискуссии – марксистская философия в СССР, проблемы, стоящие перед ней сегодня, в особенности в связи с развитием перестройки. Это – как бы взгляд со стороны на нас и наши сегодняшние проблемы. Взгляд заинтересованный и весьма компетентный, хотя и не бесспорный.

Итак, мы предлагаем вашему вниманию в переводе на русский язык передачу телевидения ФРГ из его цикла «Философия сегодня». Представляется, что нашим телезрителям будет небезынтересно увидеть философскую передачу телевидения ФРГ. Передача эта, любезно предоставленная нам западногерманскими коллегами – первое свидетельство и первый шаг сотрудничества. Мы получили от передачи «Философия сегодня» также ряд видеоматериалов, которые постараемся использовать в дальнейшем.

Передачи рубрики «Философские беседы», вышедшие в эфир в 1987 г.

I. «XXVII съезд КПСС и актуальные проблемы философии» (эфир 22/ХП.86).

Участники – Н.И. Лапин, Р.Г. Яновский, Г.С. Арефьева, студенты и аспиранты московских вузов.

II. «Стратегия ускорения: философские аспекты» (эфир 9/II.87).

Участники – Н.И. Лапин, д.э.н. Иванченко, руководители и рабочие Московского инструментального завода (А.И. Петровичев – директор завода).

III. «Человеческий фактор: пути активизации» (эфир 14/V.87).

Участники – Р.Г. Яновский, В.Ф. Халипов, Н.М. Блинов, В.С. Комаровский, Л.П. Буева.

IV. «Философия и жизнь» (эфир 28/V.87).

Ведущий – В.А. Купцов.

V. «Трудовой коллектив: резервы активности» (эфир 17/VI.87).

Участники – Р.Г. Яновский, В.Ф. Халипов, Н.М. Блинов, Б.М. Пугачев, В.В. Куликов, В.Г. Лебедев, рабочие и руководство московских предприятий.

VI. «Июньский Пленум ЦК КПСС: теория и практика» (эфир 8.VII.87).

Участники – Р.Г. Яновский, В.Ф. Халипов, Г.Л. Смирнов.

VII. «Концепции взаимозависимости и целостности современного мира» (эфир – август 87).

Участники – Н.Н. Моисеев, В.М. Купцов.

VIII. «Круглый стол» по материалам международной научной конференции «Великий Октябрь и современность» (эфир 25 дек. 87).

Участники – Р.Д. Яновский, Г.Л. Смирнов, В.Ф. Халипов, Я. Мачишевский – ректор АОН ПОРП, Курт Клотцбах – ФРГ, К. Кеммо – Финляндия.

Заявка на цикл видеофильмов о выдающихся философах

В ходе подготовки передач цикла «Философские беседы» мы получаем много писем с просьбой уделить больше внимания рассказу о видных мыслителях прошлого и настоящего. Сегодня, когда перед философией стоит задача помочь людям найти прочную духовную, мировоззренческую опору, правильно сориентировать в происходящих в мире и в стране непростых процессах, особенно важно знакомить зрителей с личностями выдающихся мыслителей, философов разных эпох. Это можно было бы реализовать в ряде видеофильмов, которые стали бы своеобразным приложением к «Философским беседам».

Для начала можно было бы создать кинопортреты одного из известнейших философов античности Платона, выдающегося и мужественного ученого и мыслителя Дж. Бруно, великого И. Канта, русского философа П. Чаадаева, а также сравнительный портрет двух видных западных философов П. Рикера (Франция) и Ю. Хабермаса (ФРГ).

Фильм о Платоне.

Фильм о Дж. Бруно можно построить на материалах знаменитого процесса, на котором ученого вынуждали отказаться от своих взглядов. Отдельные эпизоды могут быть разыграны актерами.

Фильм о Канте.

Фильм о Чаадаеве.

Фильм о Рикере и Хабермасае.

Цикл рассчитан на год с ежеквартальным выходом в эфир. Хронометраж каждого фильма – 45 минут. Цикл будет готовиться Главной редакцией научно-популярных и образовательных программ ЦТ совместно с т/о «Экран».

*Ведущий цикла «Философские беседы»
президент Философского общества СССР
академик И.Т. Фролов*

Название передачи	Кто готовит	Съемка	Эфир
1. Перестройка, новое мышление и философия	Фролов	Декабрь	Январь
2. Мировоззрение и личность	Ойзерман	30 янв.	Февраль
3. Человек: космическое предназначение	Юдин	Февраль	Март
4. Человек: история и этика	Фролов Соловьев	Март	Апрель
5. Типы культур, типы философствования. История философии как неотъемлемая часть самой философии	Гайденко	Апрель	Май
6. Традиции отечественной философии	Поляков	Май	Июнь
7. Ответы на письма телезрителей	Арефьева	Июнь	Июль
8. Диалог о единстве мира	Мотрошилова	Июль	Август
9. Познание и наука	Лекторский	Август	Сентябрь
10. Общество и культура	Келле	Сентябрь	Октябрь
11. Социальный прогресс и будущее человека	Араб-Оглы	Октябрь	Ноябрь
12. Заключительная передача. Ответы на вопросы	Фролов	Ноябрь	Декабрь

Список передач

Январь 2001 № 2

- Эф. 23.01.1988 «Перестройка, новое мышление
и философия»
- Эф. 20.02.1988 «Мировоззрение»
- Эф. 19.03.1988 «Человек – мера всех наук»
- Эф. 02.04.1988 «Человек»
- Эф. 23.04.1988 «Бытие и природа»
- Эф. 21.05.1988 «Жизнь общества и смысл истории»
- Эф. 19.06.1988 «Кто мыслит диалектически?»
- Эф. 17.07.1988 «К обществу реального гуманизма»
- Эф. 14.08.1988 «Мир сознания»
- Эф. 18.09.1988 «Брайтон»
- Эф. 29.10.1988 «Человек, наука, общество»

Ноябрь

«Экология и новое мышление»

Аннотированный список книг издательства
«Канон+» РООИ «Реабилитация»
вы можете найти на сайте kanonplus.ru
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному
адресу: kanonplus@mail.ru

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ с академиком И.Т. Фроловым

Ответственный за выпуск *Ю.В. Божко*
Оформление *Б.Г. Ключко*
Компьютерная верстка *Б.Г. Ключко*
Корректор *Ю.В. Анисова*

Подписано в печать 11.10.2019.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22. Уч-изд.л. 14,75.
Тираж 1000 экз. Заказ .

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс +7(495) 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: <http://www.kanonplus.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
тел. 8(499)270-73-59